

Елена Зелинская
ДОМ С ВИДОМ НА КОРФУ

Елена Константиновна Зелинская

Дом с видом на Корфу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70329754

SelfPub; 2024

Аннотация

В книге представлены повести и рассказы о разных странах и людях. "Тень наползает медленно, тесня жар к горизонту. Сначала накрывает оливковую рощу, вертикальную, как театральная декорация, потом два рядадомиков, каменистый пляж и полосатые зонтики. Темное покрывало стремительно натягивается на залив, круглый, как подкова, зажатая с двух сторон скалисты-ми берегами. Теперь можно, не жмурясь, смотреть, как переваливаются с боку на бок яхты и задирают носы катера. Вдали, закрывая выход в море, розовеют в уходящем солнце холмы Албании. Цикады смолкают мгновенно, как прихлопнутые. Фонари бросают на залив жидкие полоски света, вода дрожит в них, змеится. Сегодня воскресенье, и ко всем трем заведениям Калами – так называется наша деревня – тянутся катера."

Елена Зелинская

Дом с видом на Корфу

Глава 1

Дарреллы и другие звери

Тень наползает медленно, тесня жар к горизонту. Сначала накрывает оливковую рошу, вертикальную, как театральная декорация, потом два ряда

домиков, каменистый пляж и полосатые зонтики. Темное покрывало стремительно натягивается на залив, круглый, как подкова, зажатая с двух сторон скалистыми берегами. Теперь можно, не жмурясь, смотреть, как переваливаются с боку на бок яхты и задирают носы катера. Вдали, закрывая выход в море, розовеют в уходящем солнце холмы Албании. Цикады смолкают мгновенно, как прихлопнутые.

фонари бросают на залив жидкие полосы света, вода дрожит в них, змеится. Сегодня воскресенье, и ко всем трем заведениям

Калами – так называется наша деревня – тянутся катера. на Корфу традиционно отдыхают англичане. Они и в отпуске выглядят, словно исследуют дебри Африки: сосредоточенные решительные лица, бриджи, высокие зашнурованные ботинки, шляпа с широкими полями надвинута на лоб:

– Dr. Livingstone, I presume?

На столиках в таверне зажигаются огоньки, и тень от спиртовки цветком ложится на скатерть. Терраса заполняется, и можно занять столик у воды, вынырнув из-под спасительной в полдневную жару крыши, которая увита мускулистыми ветвями акации.

– Акации больше ста лет, – говорит хозяйка, не поднимая головы от старомодного аппарата, и отбитые щеки трещат, как цикады, – она еще при Дарреллах была.

«Белый дом, который стоит на утесе, как игральная кость» – эта цитата большими буквами написана на стене таверны прямо над кассой.

Белый дом дважды ввели в мировую литературу братья Дарреллы.

«Моя семья и другие звери» Джеральда Даррелла – мальчика, который ловил стрекоз на острове Корфу, интеллигентные читатели моего детства знали по имени Джерри.

«Дом Просперо» Лоуренса Даррелла – роман об истории острова и об истории любви к нему – не переведен на русский язык, наверное, до сих пор.

Две книги – две жизни. В одно время, в одном месте сплетаются и расходятся миры мальчика и взрослого. Один – земной, натуральный, пахнущий нагретой травой и морской тиной, он населен птицами, водяными паучками и ящерицами; там из маминой кухни несутся запахи перца, базилика и чеснока, а в маленьких норках шевелятся прозрачные скорпионы.

Другой – царит рядом. В нем лондонский хлыщ и интеллектурал смотрит с ночного балкона на бесшумные звезды, небрежно обсуждает с друзьями этимологию слова «корфу» и на рассвете, склонившись за борт рыбацкой лодки, бьет острой палкой осьминога.

Белый дом, в котором семья Дарреллов поселилась накануне Второй мировой войны, теперь гостиница. В первом этаже – таверна; к ступенькам, которые спускаются прямо к воде, поминутно причаливают лодки. на камнях, исхоженных и прославленных обоими братьями, загорают туристы. на входе в дом, с той стороны, где дорога идет по краю утеса и виден лишь только один этаж, висит табличка в виде раскрытой книжки: справа – Лоуренс, склонившийся над рукописью, а слева – десятилетний Джерри.

Повесть «моя семья и другие звери», написанная младшим Дарреллом, была моей любимой детской книгой. Остров посередине Средиземного моря, где можно держать дома пеликанов, а лотосы плавают на поверхности соленого озера, казался мне таким же сказочным, как Солнечный город с незнакомкой и его друзьями, а мальчик Джерри со своим терьером искал приключений в одной компании с Томом Сойером и Геком финном. Не только я, даже мама считала историю ненастоящей и только качала головой над тем местом в книжке, где объяснялось, что миссис Даррелл, разведясь с мужем, выбрала для проживания семьи остров Корфу из-за его дешевизны.

Читаю старшего Даррелла – и словно заново, взрослая, возвращаюсь в знакомые с детства места. на остров, населенный букашками, про которых рассказал мне Джерри, входит интеллектуальная жизнь литератора, и его горизонты наполняются изяществом ассоциаций и изысканными, почти придуманными лунными ландшафтами. Люди тоже иногда появляются в «Доме Просперо», как называет Корфу в своем романе старший брат. Вот натуралист и естествоиспытатель Теодор Стефанидес. Я узнала его сразу: в моем детстве он учил Джерри ловить пауков на приманку и подарил любопытному мальчишке микроскоп.

В мире старшего брата Теодор лечит крестьян от малярии, читает медицинские фолианты при свете луны и слушает слепого гитариста в компании таких же, как он, космополитов в баре на площади Керкиры.

Оторванные от мирового литературного процесса, мы не только не читали многого, даже читанное ускользало, лишь только будя воображение. Потерянный довоенный мир, о котором вспоминает в Египте

Лоуренс Даррелл, бежавший с оккупированного немцами острова, для нас был и вовсе незнаком. В нашем довоенном мире звучали марши и выстрелы, идиллия деревенских усадеб, если и была, осталась еще за прежней, первой войной. Мимо нас незаметно проскользнули Коко Шанель, автомобили с медными клаксонами, негритянский джаз, Берти Вустер, океанские лайнеры и хрупкие надежды.

Как они тосковали по утраченному времени: вино из одуванчиков, маленький принц, птица пересмешник, гаитянки с цветами в волосах...

По оливковой роще бежит десятилетний Джерри с сачком и удочкой, тридцатилетний Лоуренс на камнях у Белого дома слушает, как разбивается о скалы безупречная голубизна Ионического моря и трещат быстрые, как сердцебиение, циклады. Я и правда не поверила своим глазам, когда прочитала, что можно снять квартиру в доме, который стоит на утесе, как игральная кость. Будто мне предложили провести лето в Зурбагане.

Муж, не споря, согласился. А что плохого?

Глава 2

Рекомендовано Гомером

Вечером погас свет. Точнее, не зажегся. Не зажглись фонари вдоль пляжа, не включились лам-почки на верандах, вывески на магазинчиках, не засветились желтыми пятнами окна вилл на высоком оливковом склоне.

– Обрыв в горах, – пояснила Дарья, хозяйка

Белого дома, – при таком ветре неудивительно.

– Сирокко? – вспомнила я единственное известное мне название южного ветра, Дарья пожала плечами и, склоняясь над каждым столиком, зажгла спиртовки.

В соседнем ресторане, собственности компании

«Томас Кук», которой, кстати, принадлежит половина немногочисленных деревенских гостиниц, загудел дизель. Как у маршака:

Есть за границей контора Кука,
И если вас одолеет скука
И вы захотите увидеть мир...

Темнота наступала быстро, слизывая краски. На албанском берегу завидной россыпью сверкали огоньки, изредка серую массу залива перечеркивал светлячок катера, и высоко, на трассе, укрытой оливами, проскакивали фары, появляясь и снова исчезая за деревьями. Я захлопнула бесполезную книгу, Толя закрыл по-гасший ноутбук, и мы вышли на улицу. Ветер, и правда жаркий, шумел и гнул деревья. Пальма, похожая стволом на огромный ананас, размахивала своими широкими и плоскими листьями, словно руками, словно танцевала, не сходя с места. Остро пахла акация.

– Ночью будет гроза, – сказал муж, и, не сговариваясь, мы повернули к магазину. Продавец, небритый седой грек, сидел на ступеньках, прислонясь к стене и широко раздвинув колени. Взяв фонарик, он тонким лучом прошелся по сумрачно блестящим винным рядам и сунул в карман бесформенных штанов три евро. Корфианские вина, густые и горькие, окутаны мифами. «феакс», который твердая Толина рука разливает по бокалам, когда мы сидим в темноте на

балконе, упоминается в «Илиаде»; торжественный гекзаметр под названием на этикетке подтверждает истинность, а вкус – бесспорность.

– Рекомендовано Гомером! – произносит Толя, уважительно разглядывая греческие буквы.

Странно, но при таком ветре нет сильных волн. Море, как гигантская грудная клетка, вздымается всем объемом и опускается снова: вдох – выдох, вдох —выдох.

Все сумрачно и замкнуто, как в раковине. Кажется, что небо куполом накрывает нашу низину, опираясь краями на Албанские холмы и полукруг береговой линии.

– Любопытно, что Лоуренс Даррелл, – поддерживая праздный разговор, заметила я, – не считает корфиотов религиозными и часто называет местных крестьян суеверными.

– Протестанты не доверяют чудесному. То, что они считают невежеством, скорее является избытком воображения, не подкрепленного материалом. – Толя встал и облокотился на перила балкона. Он так по-темнел от загара, что даже на расстоянии вытянутой руки я вижу только его силуэт. Впрочем, мне необязательно видеть его, чтобы знать, как он выглядит. Догадываюсь, что ему необязательно слышать меня, чтобы знать, что я скажу.

Что-то белое, шумное вдруг вылетело из-за угла дома и пронеслось мимо нас. Он даже отпрянул от неожиданности:

– Смотри, сова!

– А почему ты решил, что это сова?

– А кто еще это может быть? Размером – как кошка, а голова – круглая и ушастая. – небось еще Дарреллов помнит. – Я перегнулась через перила, пытаюсь разглядеть в темноте литературный персонаж. но птица уже слилась с тенью.

—А вдруг это килликанзарос?

– Кто?

– Дух дома, что-то среднее между маленьким сатиром и домовым. У него копытца и острые ушки, он портит молоко и мелко пакостит. Крестьяне верят, что под Рождество все килликанзаросы подземного мира собираются вместе и пьют гигантскую сосну, ствол которой держит земную твердь. Каждый год они почти достигают успеха, и только возглас «Христос воскрес!» спасает всех нас от падения, восстанавливает дерево и выталкивает всю эту ораву в реальный мир. Очень напоминает «ночь перед Рождеством».

– А как еще бесу подцепить крестьянина? – Толя снова расположился в плетеном кресле и на ощупь на-резал перочинным ножиком брынзу. – Он живет простой жизнью. У него железа, быть может, два с половиной килограмма на всю семью. Все свое, домотканое, еда – хлеб и оливки, вода – из источника. Почти как в монастыре. Вот только и остается – воображение.

– Настоящих крестьян, наверное, и здесь уже не осталось. – Я протянула руку и сунула в рот влажный кубик сыра. – С тех пор как англичане провели на острове водопро-

вод, построили дороги и научили местное население играть в крикет, старые боги умер-ли. «Амуры и Психеи все рас-проданы поодиночке», и не кому-нибудь, а представителям туристических агентств.

Золотые дорожки упали на водную гладь, за спиной зашумел вентилятор, и окна вспыхнули одновременно на всем склоне, словно свечи на ново-годней елке.

– Я окунусь перед сном?

– Я спущусь с тобой.

Впереди, взявшись за руки, бежали наши тени.

Длинные и молодые, почти как мы.

2

Отсутствие кошелька мы обнаружили на горе. на самой верхушке, которую венчала железная конструкция, похожая на Эйфелеву башню. на фоне стройного носителя связи монастырь выглядел приземистым и суровым, каждый из них, однако, по-своему тянулся к небесам.

Дорога-серпантин подняла нас на самую высокую точку Корфу. Признаться, я и так высоты боюсь, а уж когда наш микроавтобус начал наяривать повороты, проходя в десяти сантиметрах от обрыва, то закружилась бы голова и покрепче моей. Однако вид искупал, еще как искупал, он просто купался в голубизне и зелени, плавными холмами, покатыми каменными волнами давно застывшей лавы стекая к прозрачной воде.

Чем выше мы поднимались, тем гуще смыкались дере-

вья, ствол к стволу, крона к кроне, образуя густое и непроходимое пространство, пронзаемое копиями кипарисов. Оливьи, венецианское наследство, коих на Корфу великое множество, старели на глазах. Их витые, словно изморенные стволы окружены были сетями – неводами для ловли плодов. Богаче становились и виллы. Похожие на собачек гипсовые львы охраняли портик, ступеньки и светлый проблеск бассейна в глубине сада. Каждую встречную машину приходилось пропускать, прижимаясь к изгороди, и ждать, пока та не покинет деревню и не освободит дорогу.

Опустив на колени большие руки, у порога, как в сказке, сидели старик со старухой, и тень виноградных лоз, со светящимися изнутри кистями, пестрела на их просторных одеждах. Дорога уводила вверх и становилась круче.

Гора Пантократор плыла над островом, обнажая перед нами все его географические изгибы. Вот тут-то Толя и обнаружил, что забыл кошелек. Мы обхлопали, виновато поглядывая друг на друга, все карманы и обшарили сумки. Толя, включив фонарик, – уж лучше бы он забыл фонарик! – заглянул под сиденья микроавтобуса. Единственной находкой (в заднем кармане коротких холщовых штанов) оказалась моя записка в размере десяти евро. Десятка, честно выложенная на соломенный стол маленького кафе, дрогнула под легким ветерком. Я быстро прихлопнула ее ладонью. Как обычно в таких случаях, всем сразу захотелось пить. мы попросили стаканчик холодного кофе и распили его на троих. А впер-

ди нас ждал целый день путешествия!

– Ребенок останется голодным! – с леденящим родительское сердце ужасом произнесла я. Муж помрачнел и тревожно взглянул на ребенка, словно тот уже изнывал от голода.

– Да я вовсе не хочу есть, – возмутился ребенок.

– Это пока, – многозначительно поправила я.

Толя помрачнел еще больше.

Собственно, называть ребенком этого симпатичного молодого человека с усами и короткой бородкой можем только мы с мужем. Он присоединился к нам на несколько дней, оторвавшись от своих взрослых дел, и любезно изображает из себя – нам в утешение – мальчика лет десяти. Снисходительно лежит на пляже, читает что-то умное в разогретом на солнце планшете; сорвавшись вдруг, бежит в воду, и только темный затылок виден нам далеко у линии буйков. А мы ждем на берегу. ничего, мы умеем его ждать. Легко подхватывая любую идею, он ползает с папой по голубым пещерам, пьет, присев со мной на траву под миртовым деревом, «пимс» – мой культовый коктейль с огурцом и мятой – и терпит наши глупые шуточки, типа: «не купить ли мальчику сачок?»

Сейчас он тоже чувствует себя смущенным – так вошел в роль, что не догадался взять с собой сумку.

– Давайте я быстро съезжу в Белый дом за деньгами, – предлагает он.

– Один?!

– Вы что, вправду забыли, сколько мне лет?

– Займем сотню у Яниса, нашего водителя! – примири-тельно предлагаю я. – Вечером, когда он нас привезет в го-стиницу, отдадим!

Янис, услышав нашу необычную просьбу, только покачал залысинами: у него больше двадцатки за раз и не бывает. Од-нако в стороне не остался и выступил с предложением занять деньги у друга, который как раз и живет в той деревне, где у нас по плану намечен обед. Водитель с энтузиазмом кинулся названивать по телефону, а мы трое, вздохнув, отправились осматривать монастырь, раз уж приехали.

Скажу сразу, сотня евро в Греции на дороге не валяет-ся. Отец семейства, чем-то напомнив нам Кису Воробьяни-нова в третьей позиции, патетически заявил, что он никогда не оставит нас без средств к существованию. мы спорить не стали. Высадив основной состав в намеченной деревушке, он развернул микроавтобус, точнее, микроавтобус развернул Янис, и они поехали обратно в Калами. Если кошелек не за-быт, а потерян вместе со всей наличностью и карточка-ми, – напомнил Толя, – у него в чемодане найдется припрятанная заначка.

Мы вдвоем остались гулять и осматривать деревню Пе-рия. Перия-периферия. Вот, произнесла это слово, и теперь оно ко мне привяжется. Буду до конца дней вспоминать де-ревушку под этим названием, сочиню рассказ, как мы оказа-лись на периферии истории, и буду назидательно искать кор-

ни привычного русского слова в глухой греческой глубинке. Кончится тем, что поверю сама.

Знак на въезде оповещал, что Перия охраняется ЮНЕСКО.

Две-три неровные улицы, полуразрушенные церкви с плоскими колокольнями, десяток каменных домов, крытых черепицей, пара таверн, увитых разноцветным виноградом, тропинки. Сухо, тихо. Потрескавшиеся ступеньки, ведущие никуда. Пока я отдыхаю, привалившись спиной к теплой каменной ограде и вытянув вперед ноги, мой милый спутник уже дважды обежал деревушку, сад и громоздящиеся чуть поодаль, за деревьями, развалины. наконец и сам устал и присел рядом со мною, и развлекает меня беседою, как большой. Перед нами в ярком солнечном свете лежит Эллада. Она пахнет полынью и медом.

– Греция архетипична. Здесь дом – это архетип дома. Четыре стены, очаг, окна со ставнями и черепички, хранящие форму колена. Если Рим – это модель порядка, то Греция – это модель жизни. миф – модель человеческих отношений. Вон, возьми медаю. Детей погубила, лишь бы насолить мужу.

– Первозданна.

– Перво-создана. У Платона есть что-то вроде того, что здесь можно видеть Бога с его компасом и циркулем. Будто Он махнул рукой и сказал: пусть будет дом. А остальное вы как-нибудь сами. И стал дом.

Я поднимаюсь, опираясь на его руку, и мы бредем дальше

по тропе вдоль серого камня домов.

– Должно быть, богатое было местечко: восемь церквей.

– По церкви на семью.

– На первый взгляд все выглядит так, будто ничего со времен Одиссея не двинулось с места. А приглядишься: на холме – укрепленные камнями террасы, ухоженные аллеи, одинаково подстриженные купы. Тысячи лет этот пейзаж одомашнивали. А он все равно как только из-под руки вышел. Арка над входом в церковный дворик скошена набок. Проход в заброшенный дом зарос кустарником.

Видно, что сад проник во влажное пространство, занял его целиком и буйствует впотьмах. За живой изгородью в три ряда стоят голубые ульи, похожие на тумбочки. на каждом сверху лежит белый камень, и настырно жужжат пчелы. Пожилая гречанка с мокрой тряпкой на голове, слабо шевельнувшись на плетеном стуле, кивает на банку с медом. мы вежливо крутим головами: знала бы она, как низка наша покупательная способность.

– Грецию надо оставить в покое. Вернуть им драхму и ничего не навязывать. И пусть ЮНЕСКО охраняет не колокольни, не развалины и колонны, а образ жизни, – выношу я решительно свой вердикт и получаю полную поддержку от подрастающего поколения.

У поворота на парковку мелькает знакомая голубая майка. мы машем руками, как матросы, завидевшие берег, и тычем пальцами в сторону крытой террасы над обрывом.

– Ну, что, – кричу я издалека, – забыл или потерял?

– Забыл! – И Толя гордо потрясает в воздухе черной кожаной сумочкой.

Кубики льда бренчат в кувшине, а струйка золотого масла течет по ломтю губчатого сыра. Какое удовольствие выговаривать греческие слова: мусака, стифадо, мидии саганаки!

На шестом названии хозяин таверны, который сочувственно кивает смоляной головой в такт нашим лингвистическим усилиям, перестает пижонить и вынимает из кармана блокнотик. на восьмом – с интересом оглядывается на вход, подозревая, видимо, что к нам сейчас присоединятся еще трое-четверо едоков. Нет, уважаемый, больше никого не будет, это мы кормим ребенка!

– Мы кончим тем, что будем купать тебя в ванночке! – повторяет папа избитую шутку.

– А я буду махать руками и кричать: «Щипет, щи-пет!», – покорно улыбается ребенок и разливает по бокалам рецину. Рецина пахнет сосновыми иголками.

3

Монастырь Агия Триада далек от туристических маршрутов. Наш микроавтобус, свернув с трассы, срезал круги по гравиевой дороге, которая к вершине горы сузилась почти до тропинки, протоптанной, как видно, ослиами. Припарковались на крохотном пяточке, и я даже заволновалась, что водителю негде будет развернуться.

Янис подошел к ограде, окаймляющей палисадник с под-

стриженными кустиками, и крикнул что-то, сильно подавшись вперед. Окно одноэтажного домика распахнулось. Оттуда высунулся смуглый кудрявый монах в квадратных очках. Мы скромно встали у арочного входа в монастырь. Лопухий щенок с носом в виде маслины достойно развлекал нас, пока шло совещание. Наконец, весело улыбаясь, из дверей домика появился игумен. Курчавая ассирийская борода, черные с серебром волосы плетеными косичками уложены на затылке, худощавое вытянутое лицо с лохматыми бровями, – отец Афанасий, казалось, сам был списан с древней иконы. Монастырь лежал на вершине горы, как корона.

Игумен охотно провел нашему семейству небольшую экскурсию. Темные, неясные лики на знаменитых фресках с источенными краями глядели так живо, что казалось, это не мы, а они рассматривают нас.

На полированном дереве высоких стульев, вжатых в стены, играли блики лампы, а прохладное пространство пахло старой штукатуркой и тайной. Мы вышли на свет. Отец Афанасий исчез и вернулся через минуту, неся поднос с чепухом запотевшими стаканами и блюдечком с печеньем.

– Вода, – пояснил он, – из монастырского источника, а печенье, по случаю пятницы, приготовлено без масла.

Мы хрустели угощением и пили сладкую воду, а отец Афанасий вел неторопливый разговор про землетрясение, которое сто пятьдесят лет назад повредило фреску со Святой Троицей, и про то, как трудно следовать путем Господним.

По крайней мере ему, смущенно добавил он.

– А как кризис? – дежурно спросил Толя.

– Кризис в душе, – ответил монах.

Посоветовавшись, мы робко попросили отца Афанасия принять скромное пожертвование. Он замахал руками: я вас как гостей принимаю, вы мне ничего не должны!

– Ваши фрески принадлежат и нам, – уместно вставил младший член семьи.

– Ну ладно, – согласился отец Афанасий, – опустите в ящик.

Мужчины задержались у колодца, расспрашивая игумена, как на такую высоту поступает вода, и тот с видимым удовольствием показал им устройство древнего механизма. Наконец мы двинулись к автобусу. Отец Афанасий снова исчез и появился с иконой Святой Троицы в руках и пасхальным куличом, который был завернут в серебряную фольгу и перевязан белой лентой с надписью: «Изготовлено в деревне нимф».

– Возьмите с благословением!

Мы поклонились. Рыжий щенок из вежливости пробежался за автобусом до поворота.

4

Скала Святого Ангела разрезала пространство ровно по диагонали. От верхнего угла вниз, сливаясь в единое целое, треугольником стояло голубое полотно неба и моря, а снизу вверх поднималась серая громадина камня, с короной кре-

постной стены на макушке.

– Ты полезешь наверх, к замку? – спросил муж для проформы.

– Ни в коем случае! – Я в ужасе замотала головой. – Я подожду вас здесь, внизу.

Высоты я боюсь до паники. Колени немеют, к горлу подкатывает тошнота, и какая-то неведомая сила тянет меня вниз. Короче, фобия. У меня вообще их много. Например, клаустрофобия. Ее я обнаружила у себя, когда спускалась по гигантским ступенькам в римские катакомбы. Я почувствовала, что не могу дышать, развернулась и кинулась обратно, в то время как вся наша компания оживленно потопала дальше, даже не заметив моего отсутствия. А вот другую фобию, название которой я так и не могу запомнить, знаю за собой с детства. Боюсь пауков. До жути. Вот сейчас, например, я, для полного погружения в корфианскую действительность, смотрю вечерами британский сериал по книге «моя семья и другие звери».

Каждый раз, когда Джерри Даррелл, лежа на животе, ворошит нору какой-нибудь ползучей пакости, я закрываю глаза и отворачиваюсь, причем в этом-то фильме отворачиваться мне приходится чаще, чем в триллере про оживших мертвецов. ну да Бог с ними, с фобиями. Внизу – это тоже довольно условное понятие.

Таверна, укрытая парусиной, стояла прямо на краю обрыва, приблизительно на высоте пятиэтажного дома. Подо

мною над прибором летали ласточки, разворачиваясь почти под прямым углом.

Я попросила парнишку в белом фартуке принести мне кофе по-гречески, с неизменным стаканом холодной воды, и, закинув голову, наблюдала, как две фигуры в одинаковых майках и кепках, до смешного похожие друг на друга каждым движением, мелькали между деревьями. Схожи они, конечно, необычайно, если бы не седеющие виски у старшего, и некоторая скованность движений, и жесткие складки у рта, которые я, быть может, и не замечала бы, не находишься рядом его молодая копия с такими же, но мягкими чертами и безукоризненно черной тенью модной небритости на подбородке.

И вот я сидела, потягивала кофе из крохотной чашечки и глядела, как мои исследователи, поднимаясь по тропинке все выше и выше, добрались наконец до крепости. Твердыня Святого Ангела воздвигнута была чуть ли не в темные века властителем из византийской династии Камниных. нравы были просты, и вещи называли своими именами: построил Михаил второй деспот Эпирский. Крепостной двор обнесен могучей стеной, к которой снаружи прижато строение, видимо подразумевающее дополнительное препятствие для осаждающих.

Осмотревшись по краям утеса, они долго топчутся у ворот. Понимаю: закрыто. И вдруг – я даже в первую минуту рот раскрыла от изумления – маленькая фигурка в белом,

быстро, как ящерка, перебирая загорелыми руками, поползла вверх, по вертикальной стене.

Я в ужасе выхватила телефон:

– Толя, ты что! Куда ты смотришь! Как ты мог ему разрешить!

Снизу вижу, как он развел руками: сама попробуй ему что-нибудь не разрешить!

– Да ты не бойся! – сделал он тщетную попытку меня успокоить. – Это, наверное, снизу кажется, что здесь отвесно. на самом деле вокруг стены большая площадка.

Пока мы препираемся, белая фигурка поползла до крыши и нацелила камеру. Если присмотреться, то можно различить меня на снимке под парусиновым тентом между небом и землей.

Глава 3

Корабли Одиссея

1

Три места на Корфу борются за звание последней стоянки Одиссея перед возвращением домой.

Сам факт, что прекрасный город феаков, гавань и берег, где царица навсикая полоскала белье, находился именно на Корфу, сомнений ни у кого не вызывает.

Слепой певец, чья точность в показаниях подтверждена раскопками, указал и расстояние до Итаки, и число гребцов, необходимое, чтобы довести корабль от царства Алкиноя до берегов отчизны дальней, и описание скалистой линии, кото-

рая приняла измученного скитаниями героя. Современные ученые говорят, что у древних греков не было представления о расстоянии и времени, так что доверять словам «восемнадцать дней» – наивно. Быть может, но в людях Гомер разбирался, что важнее. Характер корфиотов, представленный в «Одиссее» во всем великолепии гекзаметра, словно наперед предсказал судьбу острова, приграничного камня Европы.

Встреча Одиссея с царевной навсикаей и отцом поражает миролюбием, несвойственным для всего гомеровского повествования, и отсутствием злодейства, объяснимого только языческим буйством. Ни циклопов, ни алчных красавиц, ни разбойников. Милая девушка, которая даже при отце стесняется намекнуть о замужестве, царевна, встречает на берегу голого, перепачканного тиной (его только что выкинуло на берег после крушения) Одиссея. Красавец, искатель приключений, практически бог, – чем не жених? но нет. Девушка отказывается от своих эгоистических намерений и прилагает все усилия, чтобы вернуть Одиссея на историческую родину. Ее отец, царь Алкиной, собирает народное вече, и на общем собрании (!) феаки решают отвезти героя на Итаку, что и делают, наделив его при этом богатыми дарами.

Они точно знают, что навлекают на себя гнев вышестоящей инстанции, а именно Посейдона, весьма недвусмысленно запретившего им помогать страннику.

Но милосердие сильнее страха наказания. Античным богам сантименты чужды: как только феакийские моряки воз-

вращаются из несанкционированной поездки на Итаку, Посейдон превращает их корабль в скалу. Эту скалу демонстрируют туристам в деревне Кассиопи, в бухте Палеокастрица и на въезде на мыс Канони.

2

Деревня Кассиопи находится буквально в получасе езды от Калами. Из нашего захолустья туда ездят за разнообразием магазинов, ресторанов и ночной жизни. Мы с Толей потащились туда за кефиром.

Кефир – это, попадая языком в ткань повествования, ахиллесова пята нашего семейства. Мы его употребляем с пристрастием, достойным героев «Улитки на склоне». Продащица из ближайшего к нашей подмосковной даче ларька, которая по настоятельной договоренности еженедельно оставляет для нас девять литровых бутылок, однажды не утерпела и робко поинтересовалась: «А что вы с ним делаете?» – и замахала руками, как на заведомых лжецов, когда мы начали загибать пальцы: ну, литр выпивают собаки...

Оказалось, что на Корфу нехитрый кисломолочный продукт является дефицитом. Надеюсь, не надо объяснять, что мы точно знаем, как почти на всех европейских языках называется кефир: так и называется – кефир. Включая греческий, проверено на Пелопоннесе. В нашей деревушке нас не понимали ни в одном из трех магазинов. Тут нам еще понадобилось в аптеку. Хозяин Белого дома, предупрежденный заранее, нацелившись по своим делам в Кассиопи, захватил

нас с собой. на разграбление города он дал нам двадцать минут. Четверть часа я потратила, изучая образцы греческой косметики. В оставшиеся пять минут мы выхватили из запотевшего стеклянного шкафа три бутылки, которые по виду отличались от тех, что наличествовали в каламских лавках, и побежали на улицу, где уже сидел на металлической перекладине наш рулевой, обмахиваясь кепкой.

Искомый напиток оказался только в одной из захваченных бутылок, которая почему-то была окрашена в черный цвет. Тщательно вымыв мгновенно освободившуюся посуду, я обошла всех каламских продавцов. Тетенька из крайней лавки повертела в руках бутылку, глядя с такой оторопью, словно ее принесло волной. Девушка из магазинчика, гордо именуемого «Супермаркет», покачала головой: англичане этого не пьют. Немолодой грек из ближайшей к Белому дому торговой точки задумчиво похлопал ладонью о прилавок: такой точно у меня нет, но для вас... Он вышел из-за кассы, ловко обходя ящики с арбузами, пробрался к холодильнику, долго рылся, перебирал и, наконец, торжественно извлек из самых закровов пол-литровую емкость. Мы вышли на улицу и вскрыли ее. Там оказалось молоко. Больше мы в Кассиопи не были.

3

Утес, очертаниями откровенно напоминающий корабль, стоит прямо на входе в бухту Палеокастрица. Можно представить себе, как оцепенели от ужаса родственники, народ-

ное вече и сам царь Алкиной с прекрасной Навсикаей, когда корабль с пятьюдесятью добровольцами обратился в камень, не дойдя до гавани пару миль.

В подножиях скал, окружающих бухту, зияют гроты, как раскрытые рты. В одном из них, на стенке, розовой каймой мха отделенной от светящейся голубизны, есть удивительная картина: сталактиты, стекая вниз, к воде, застыли в форме изумленного девичьего лица.

– Это икона Навсикаи, – объяснил нам лодочник, путая английские слова, развернул лодку к выходу из пещеры: а ведь когда смотришь на нее с моря, даже трудно представить, что можно вплыть туда целиком.

И заглушил мотор. До этого момента кажется, что не может существовать ничего великолепнее, чем сверкание солнечного света, отраженного в прозрачных водах залива. Но нет! Лазурная струя била со дна пещеры и растекалась пятном, которое, словно флюоресцируя, покачивалось на волне. Наш лодочник вынул из мешка куски булки, с размаху швырнул в лазоревый круг – и тот вдруг зашевелился, забился, как в панике, – это сотни рыбок, таких прозрачных, что хребтинки просвечивали сквозь их маленькие спинки, кинулись за добычей. Они метались, выпрыгивая из воды и взбивая фонтанчики. Волна билась о камни, которые низко нависали над поверхностью воды, и струйками стекала вниз, и они, эти струйки, оставались при этом голубого цвета! Лодка вынырнула на свет. Плавсредств самого разного разме-

ра и толка, от катамаранов и катеров до прогулочных яхт и лайнеров, медленно, как во сне, пересекающих пространство, было столько, что, попробуй Посейдон превратить их всех в камень, образовалась бы новая гряда. Про следующий грот Лоуренс Даррелл рассказывал в своем романе. Особенно неприятно было читать про стены, покрытые бурым шевелящимся слоем летучих мышей. Когда наша лодка втиснулась в этот грот, там ползали аквалангисты. У входа в самую большую пещеру покачивалась деревянная платформа, на которой стояло несколько столиков. Полуголые посетители пили коктейли. При-тороченные к краю платформы катамараны неуклюже тыкались друг в дружку носами, как псы, оставленные на привязи у дверей кафе. На песчаном пляже, куда нас высадили после экспедиции по пещерам, народу было как в Сочи. Сбросив одежду, мы сложили ее кучкой у деревянного настила и кинулись в воду. Вода оказалась холоднее, чем в Ка лами.

По горной дороге покотился наш автобус вверх, в старинную деревеньку Лаконес, кружа меж скал и серебристых олив. Так высоко забирались корфиоты, чтобы кручи и камни служили им естественной защитой от пиратов. Не знаю как пираты, а для туристического бизнеса преград не существует. на самой высокой точке деревни, практически нависая над заливом, просторная терраса открывала райский вид.

В божественной гармонии лежали перед нами обе бухты,

разделенные серыми скалами, волны зеленых холмов, утес у самого края земли и монастырь на его вершине, утопающий в цветущем саду. Белые игрушечные кораблики скользили по недвижной, уходящей вдаль глади, крохотные и одинокие. Узенькая светлая полоска пляжа гребешком впиалась в кромку густой рощи. Крыши прибрежных гостиниц, коробочки вилл, амфитеатр – все поглощало плотное, как шерсть, зеленое пространство. Людей и вовсе не было видно. И лишь корабль Одиссея, могучий и величественный, плыл в сияющем свете.

4

У меня едва не случился приступ синдрома Стендаля. Говорят, что чаще всего он нападает на людей во флоренции, когда изобилие красот пробирает до самых нервных окончаний и переливается через край возможностей человеческого восприятия.

В таком состоянии больной может совершить непредсказуемые поступки: возненавидеть, например, картину и кинуться с кулаками на ее персонажей. Флорентийских экскурсоводов даже учат на специальных курсах, как в таких случаях оказать человеку первую музейную помощь.

На мысе Канони есть все. Здесь одновременно присутствуют Эллада, Византия, Венеция, имперская Британия и современная Европа.

Пальмы, пинии, туя с серебряными шишечками, мирт – это только то, что я знаю по названиям, а еще – покрытые

красными, белыми, малиновыми, голубыми цветами невысокие деревья с круглыми кронами, которые в другой стране остались бы в лучшем случае кустиками; кактусы с лепешками, утыканными поверху круглыми пальчиками, как ступни циклопов; розовые персики, зеленые апельсины, лимоны, мелкие, как градины; алая герань в горшках на балконах и вездесущий виноград.

Даже революционный французский гарнизон, который задержался здесь всего лишь на несколько месяцев, успел оставить легкий, изящный рисунок лесенок и балюстрад, взбитых сливок в высоких стаканах и ступеней, сбегаящих с террасы по отвесному обрыву к набережной. И пушку, давшую название мысу, – Канони.

Зачем понадобилось приплетать сюда еще и историю с Одиссеем и выдавать мышиный остров с миниатюрным византийским монастырем за очередной окаменевший корабль? Разве нарочно, чтобы подчеркнуть, что именно здесь, у выхода в Ионическое море, стояла когда-то античная гавань. Залив, сама его поверхность, которая простирается во всей своей голубизне от обзорной площадки до лиловой линии горизонта, полны чудес. Узкий мост, ведущий на небольшой, заставленный гостиницами остров, отделяет от моря соленое озеро Халкиопулу.

Когда-то здесь неугомонный Джерри Даррелл наблюдал за перелетными птицами и кормил пеликанов.

Теперь здесь аэропорт. Хитроумные наследники Одиссея

сумели превратить такое обыденное дело, как взлет самолетов, в увлекательный аттракцион. Взлетная полоса, единственная, надо заметить, на всем острове, проложена по узкой насыпной косе, которая пересекает озеро. Муж с сыном застряли на террасе, наблюдая, как самолет, появившись из-за острова, медленно снижается, сначала оказываясь на уровне глаз, опускается ниже, летит прямо над заливом и приземляется, как кажется глядя сверху, прямо на воду.

Когда мне удалось наконец оторвать их от этого захватывающего зрелища, мы спустились по растрескавшимся каменным ступенькам вниз, к причалу.

В монастырь Панагия тон Влахернон ведут две дорожки: одна узенькая, бетонная, и вторая, сложенная, наверное, еще строителями храма, из камней, как коса. Так и представляешь себе, как, подобрав подол рясы, сребробородый монах перебирается по ней – с камушка на камушек.

Пространство внутри храма оказалось таким маленьким, что в него одновременно может зайти только два-три человека. Чудотворная икона Божьей матери, украшенная серебряными табличками с изображением ног, рук, глаз и целых человеческих фигурок, – дань благодарности за помощь, которую получил по молитвам конкретный отчеканенный орган, – расположена была в глубокой нише, и довольно высоко.

– Мне не дотянуться! Попробуй ты первый, — попросила я мужа.

– Вот, посмотри, специально для таких, как ты. – И Толя показал на маленькую икону, которая, утопая в цветах, располагалась как раз на доступной для меня высоте.

– Вот так всегда и во всем, – проворчала я, – ты дотягиваешься, а я – нет. Младенец, увенчанный серебряной короной, смотрел на меня укоризненно. Мы взяли по свечке и поставили в открытый стеклянный ящик, похожий на аквариум. Дно было выложено мелкой галькой и покрыто водой. В ней отражались дрожащие огоньки свечей.

Выйдя, мы наняли лодку, раскрашенную в яркие красно-сине-белые цвета, но такую маленькую и шаткую, что в нее было боязно ступить.

«Как удобно путешествовать в сопровождении двух мужчин», – подумала я, когда одна пара крепких рук приподняла меня и передала другой, такой же надежной. Через пять минут мы ступили на берег мышинового острова, где в гуще деревьев скрывался монастырь святого Пантелеймона. Во дворе у старого колодца девочка играла с собакой. Ох, как давно я не держала в руках мягкую лапку с коготочками!

– Как зовут твоего щенка?

– Бу-Бу.

Черепичная крыша, такая низенькая, что ее можно потрогать рукой, темные иконы с незнакомыми ликами, деревянный стол с россыпью сувениров: кожаными кошелечками, браслетами с блестящими бусинами, керамическими масляными лампами и картинками с белыми домиками и си-

ним морем.

К каменной пристани причалил катер. Грек с короткой шкиперской бородкой и в белой фуражке с козырьком помахал нам бронзовой рукой:

– Это вы в Корфу-таун собрались? Мы прибудем в столицу по всем правилам – с моря.

Глава 4

навстречу утренней Авроре

1

Ребенок уезжал. Прощальный обед накрыли на террасе, на столе, застланном влажной белой скатертью.

– муж сейчас вернется из Кассиопи, – сказала хозяйка Белого дома, – и он может отвезти вас в аэропорт.

Бледная Дарья – единственное незагорелое существо из всего деловитого греко-украинского семейства, владеющего ныне Белым домом. Пару раз, проснувшись до восхода и отворив дверь балкона, чтобы впустить утреннюю прохладу, я видела, как Даша спускается по ступенькам к маленькому деревянному причалу. Скинув халатик, она быстро плывет до буйка и обратно, выжимает длинные светлые волосы, сворачивает их жгутом на затылке и, застегивая на ходу пуговицы, скрывается на кухне, чтобы тут же появиться снова, неся в руках миску с крупно нарезанными кусками арбуза. Мужчины, бронзовые, как Одиссей, с одинаковыми короткими бородками и веселыми карими глазами – муж, отец и

брат, – стригут цветущие кусты, поливают дорожки, привозят на катере рыбу, газовые баллоны, тяжелые гладкие дыни и перекрикиваются друг с другом на бодрой мешанине суржика и благородного наследия Гомера.

Легким привычным движением Даша поставила перед нами блюдо с красным распаренным лоб-стером. Усы и лапки боевито торчали из зарослей

гарнира.

– Рассказывала ли я вам, как первый раз ела омара? – Я рассеянно ковыряла вилкой тугой панцирь. – В нью-Йорке, в японском ресторане меня подвели к аквариуму, где шевелились зеленые животные, и предложили выбрать любого на свой вкус. А я испугалась, что мне придется употреблять их, как и суши, которые я тоже видела впервые, сырыми!

– Эту историю ты вспоминаешь каждый раз, когда видишь лобстера, – неосторожно сказал Толя.

– Я не слышал ни разу, – быстро соврал ребенок. но было поздно.

– А хочешь, я расскажу историю, как вам в обще-житие привезли бочонок черной икры и вы вчетвером месяц только ею и питались? Я эту историю слушаю каждый раз, когда подают еду! – Я скомкала салфетку и швырнула ее на стол.

– Я думаю, – Толя повернулся к Даше, которая деликатно молчала, складывая на поднос стопку освободившейся посуды, – минут через пятнадцать надо выезжать.

– Почему так рано? – возмутилась я. – Зачем нам два часа

болтаться по аэропорту?

– нам? – востропелся отъезжающий. – Только не вздумайте меня провожать. Я прекрасно доберусь сам. ну пожалуйста, не надо.

– Все равно незачем торопиться, – насупилась я. – Еще полно времени!

– Ты же знаешь, какие могут быть пробки! Зачем рисковать? – стоял на своем муж.

– Схожу-ка я за рюкзаком. – мальчик не любил, когда мы ссорились. Он встал из-за стола и скорым шагом двинулся к ступенькам, которые вели в его номер.

– Дай ему спокойно уехать, – сказал муж, глядя в спину уходящему сыну. – Отпусти его, наконец.

Через минуту черноокий красавец появился в дверях с рюкзаком на плече и тревожно оглядел наши лица.

– Смирись, – сказал муж и накрыл ладонью мои пальцы, – он вырос.

– А я постарела, да?

В нашей семье сантиментов не дождешься. – мы же не станем тебя за это меньше любить, – беспощадно сказал муж.

– Ты собирался научить его водить катер, – мстительно проворчала я, – а сам даже в море ни разу не вышел!

– Я много чего не успел, – ответил он и отвернулся.

– Готов еще раз побыть маленьким, – предупредительно вставил ребенок. – Подарите мне на день рождения раскраску!

Я встала на цыпочки, схватив за уши, притянула к себе непокорную голову и чмокнула тонкую белую полоску между черными жесткими волосами и загорелым лбом.

– На самом деле, – правильно угадав момент, вставила Даша, опытный ресторатор, – у вас еще есть время на десерт.

– Даша, – попросила я, – сделайте что-нибудь особенное! Ваша мама печет такие замечательные греческие сладости!

Хозяйка Белого дома задумалась на секунду и, будто решившись, махнула рукой:

– Вчера вечером для себя пекли. Вроде пара кусков осталась. Сейчас принесу: настоящий «Кевский» торт!

2

Въезд к Киркеру перекрывали автобусы и полиция. Обогнув скопление машин у порта, наше такси вынырнуло у поворота на старый город и остановилось. Полицейский наклонился к открытому окошку и, подкрепляя слова жестом, махнул палочкой в сторону объездной дороги. Кивнув несколько раз для убедительности, таксист продолжил ехать, не сворачивая. На дороге, которую положено было объезжать, скопилось столько машин, что двигаться дальше было совершенно невозможно. Мы вылезли, хлопнув дверцей.

– А ты найдешь дорогу к площади? – недоверчиво спросила я мужа.

– Конечно!

Телефон пискнул:

– Крестный ход уже на площади, – гласило короткое по-

слание на экране.

Отец максим, знакомый по Москве священник, который отдыхал с дочерью в соседней деревушке, пригласил нас пойти одной компанией на праздник святого Спиридона и, конечно же, приехал раньше нас.

Ускорив шаг, мы нырнули в тень узких улиц. Средневековое сплетение переулков и тупичков, крохотные, как шахматные доски, площади, – наверное, если без спешки, то мы разобрались бы в них и нашли дорогу, но сейчас каменные ступеньки на поворотах снова и снова выводили нас на одну и ту же улицу, пересеченную бельевыми веревками. К слову сказать, горожане так художественно развешивают для сушки белье, что трусы, простыни и сарафаны выглядят как неотъемлемое продолжение архитектурного ландшафта.

– Мы опоздаем! нам будет не угнаться за ходом!

– Мы пропустим самое главное! – терблю я мужа.

Еще поворот. Старинный венецианский колодец, резные цветы чередуются с львиными мордами, лепестки розовым сугробом прибились к камню. Из трещины выскочила ящерка и исчезла, вильнув хвостом.

– Святой Спиридон, – прыгая по ступенькам, бормочу я, – помоги! Так хочется успеть на твой праздник!

И тогда зазвучал колокол.

– Ты слышишь, – Толя радостно замахал руками, как мельница, – это на колокольне Святого Спиридона звонят! Бежим на звук! Ты слышишь?

Еще бы не слышала! Площадь Святого Спиридона полна народа. Греков легко отличить от нас, чужих на их празднике. Нарядные, приличные женщины с темными, убранными наверх волосами и яркими лицами; мужчины в рубашках с длинными рукавами и оливковыми шеями в расстегнутых воротничках; черноглазые, верткие, как плотва, дети. Крестный ход стоит у начала улицы, ведущей к площади. Видно, как на углу, у поворота с набережной, сверкают золотом облачения и колышется поднятый высоко и вертикально саркофаг. Из открытых окон, как красные языки, висят ковровые дорожки. Про обычай украшать улицы изнутри домов в честь приезда короля я читала в средневековых романах. Голосов нам не слышно. Вместе со всей толпой мы следим за ходом событий, вытягивая шеи и камеры в сторону замерших фигур.

В первом ряду сверкает медью оркестр городской пожарной команды. невидимый знак, и качнулись красные плюмажи на касках, и ударили барабанные палочки, и двинулись вперед белоснежные фигуры с огненными пятнами погончиков!

Лучше нашей позиции не найти: мы стоим ровно на углу площади, и мимо нас, как мимо трибуны, один за другим, сверкая, проходят оркестры, гремят барабаны, гудят трубы, всеми красками горят перья на круглых касках. наконец, в одеждах, которые вызывают у меня в памяти слово «рубище», перепоясанные веревками, появляются хоругвеносцы.

За ними, в голубых, как небо, облачениях, медленно двигаются священники с зелеными веточками в руках. Чернобородый митрополит с детской улыбкой кивает нам, словно мы все его старые знакомые. носилки с золотым саркофагом качаются, как лодка на волнах. Вот они проплывают мимо нас. Солнце бьет в глаза, и только темный силуэт святого Спиридона виднеется сквозь стекло.

– Я здесь, я здесь! – кричу я, как Ассоль, и ныряю в круговорот и смешиваюсь с теми, кто идет за охраной, состоящей из двух статных моряков. Полицейский отодвигает меня локтем, но ему некогда, он сдерживает нажим толпы.

– Куда ты? – зовет муж, но я уже втиснулась в ряд, идущий прямо за мощами. Крестный ход поворачивает на площадь перед храмом. К крыльцу церкви Святого Спиридона ведет короткая улочка, и мы замедляем шаг почти до полной остановки. мне видно, как впереди, в открытые двери храма, опустив трубы, заходят друг за другом музыканты. Я оборачиваюсь. Навстречу мне, заполняя все пространство площади, движется людской поток. Священники, горожане, туристы. Они не торопятся, подстраиваясь под общий неспешный ход, они пристально, не упуская ни на секунду из виду, смотрят на высокий узорный саркофаг, они веселы и сосредоточены. Белые облака щадящим покровом скользят над непокрытыми головами. Я вглядываюсь в толпу, ища родное лицо. И нахожу, и вижу, и не одно: навстречу мне, по улице, ведущей к храму, идут люди, которых я знаю и люблю. Вот,

в светлой рубашке, чуть жмурясь на солнце, идет Саша Архангельский, чуть дальше, с седеющей бородкой, – это Коля Сванидзе. Держа за руку маленького мальчика, прошел мой брат. С оливковой веточкой в руках идет среди других священников отец Алексей Уманский. Шелковый платок легкой волной закрывает лоб – марина, родной человек. Монашенка в высоком клобуке обернулась, засмеялась – матушка игуменья! Мой взгляд заметался: мои студентки в белых матросках, друзья, родные... У меня солнечный удар?!

Крепкие пальцы обхватили мое запястье.

– Нам надо выбирать. В сам храм не попасть, это точно.

Отец максим с дочерью Лизой ждут нас у Листона. Листон – это та часть Киркеры, которую успели построить французы. Аркады с низко висящими фонарями и плетенными столиками выглядят как продолжение парижской улицы.

– Угадайте, что мы купили!

– Ну, судя по пакету, это какой-то напиток. —

Отец максим с сомнением оглядывает нашу покупку.

– Лиза, твоя версия?

– Парфюмерия!

– Вовсе нет! Дерево! – Торжествуя, я открываю бумажный кулек.

– Не может быть!

Все заглядывают в пакетик. Там, упакованный в бумагу с пупырышками, торчит из крохотного жестяного ведерка росток оливы с серебристыми листиками. Оркестр пересек

улицу, гремя медью.

– Видимо, пожарников надо было чем-то занимать в свободное время, вот их и вовлекли в филармоническое общество. Отсюда образовалась традиция духовым оркестрам носить пожарные каски, – замечает Толя, и я понимаю, что, поглядывая на веселое Лизино лицо, он сожалеет, что сын уже уехал. Я тоже сожалею, но в другом смысле: он же все-таки далеко не ребенок, а тут такая милая девушка, из такой приличной семьи...

– Как они смешно идут! – Лиза выставила в стороны растопыренные ладошки и прошлась вперед, переваливаясь, как уточка, и покачивая головкой, словно на ней был плюмаж, – очень похоже!

Мы все залезаем в машину и несколько минут ждем, пока она остынет. Дерево пристраиваем на заднем сиденье, между мной и Лизой. Отец максим везет нас в деревушку, где они с дочерью останавливаются уже не первый год. Обедаем в таверне у самого синего моря. В тени олив, за кувшином розового вина, под плеск прибоя, натурально как греческие философы, ведем неспешную беседу. Дерево отнесли в комнату: там прохладнее.

– Батюшка, как можно отличить веру от суеверия?

– А какой мерой измерить? нельзя выставить формальную шкалу и по ней определять: вера – суеверие. Для одного человека помолиться о здоровье, попросить успеха в делах, сохранить листик от мощей – будет шаг к небу, а для того,

кто прикоснулся уже к поклонению Богу в духе и истине, к опытному знанию, что искать нужно единого на потребу, тот же листик – шаг вниз.

– Лоуренс Даррелл, – вставляю я, – пишет, что корфиоты почитают святого Спиридона как главного покровителя и защитника острова, но относятся к нему как будто бы даже с некоторой фамильярностью. Вот, например, он передает рассказ моряка, который попал в сильный шторм и едва не утонул. Поняв, что он в опасности, моряк – по его словам – немедленно привлек к делу Спиридона, но святой, видимо, был занят другими заботами, и поэтому лодка перевернулась. У нас почти не знают старшего Даррелла, – продолжаю любимую тему, – а ведь он, между прочим, нобелевский лауреат.

– Не понимаю, почему ты упорно называешь его нобелевским лауреатом? – сердится Толя. – Я нашел полный список за много лет, и там нет его фамилии!

– Может, ты смотрел лауреатов премии мира?

Пока мы препираемся, отец максим быстро нажимает кнопки айфона.

– Вы правы оба, – смеется он. – Лоуренс Даррелл действительно был выдвинут на нобелевку по литературе, но не прошел по конкурсу!

У лодочного сарая дремали три грека. Один, в приспущенных красных трусах, возлежал на кушетке. Круглый, покрытый курчавыми волосками живот мерно вздымался и

опадал. Другой спал в полосатом кресле, раскинув в стороны руки и доверчиво раскрывая миру беззащитную грудь. Третий расположился прямо на песке, прислонившись спиной к сараю и надвинув до подбородка замусоленный козырек.

– Э, насчет лодки. – Я мотнула головой в сторону прибора, где покачивались три белых плавсредства. – До Калами нас не довезете?

Тот, который дремал в кресле, приоткрыл глаз и задумчиво почесал грудь.

– До Калами? — Он замолчал, словно припоминая название деревни, которая находилась в десяти минутах пути на катамаране. – нет, мы сдаем лодки только на целый день. Он бессильно уронил поднятую для чесания руку и закрыл глаз. Я вернулась к столику.

– Это вы заказывали такси на четыре часа? – спросил вдруг официант.

– Да, заказывали, сразу, как пришли, заказывали! – встрепенулись мы, пораженные, что такси по-явилось вовремя. – неужели пришло?

– нет, но я подумал, что пора позвонить. – Официант подхватил опустевшие тарелки. – Еще вина?

– Пошли купаться! – сказал отец максим.

Выкидывая над водой руки, мужчины быстро поплыли к буйку. Я потопталась на мокрой гальке, глядя им вслед с вечной тревогой: ну вот, почему обязательно надо заплывать так далеко?

«Впрочем, – подумала я вдруг свободно и расслабленно, – вдвоем не страшно». И нырнула в теплую воду.

3

Я просыпаюсь раньше цикад. Дома, яхты, сады – все недвижимо, как театральная декорация, и я, зрителем расположившись на балконе, жду начала спектакля.

Первый звонок подает петух. Как настройка оркестра, звучат птичьи голоса. Солнце встает, выпуская розовые, как пальчики, лучи: вот она, розовоперстая заря! Зашевелились яхты, одна, другая... По очереди, куст за кустом, вступает хор цикад. Около двери Белого дома останавливается пикап, оттуда вылезает коренастый грек, неся на одной руке тунца, мокрого, с выпученными глазами. на камнях появляется первый пловец, потягивается во всю ширь и с размаху сигает в воду. Веером разбрасывая белую пыль, несется катер с лыжником на полусогнутый ногах. С террасы тянет яичницей и беконом. Мы уезжаем. Вещи собраны, такси заказано за два дня.

– Я искупаюсь напоследок?

Я сижу на теплом, не остывшем за ночь камне, обхватив ноги. Муж вышел на берег, постоял немного, глядя на залив. Капли воды переливались на загорелой коже.

– Пора, – сказал он наконец, – пойдем. – И протянул мне руку.

Все стало ясным в белом свете дня, отчетливым и законченным, как замысел. Как божественный замысел. Я увиде-

ла, явственно и спокойно, как однажды, в положенный нам день, он также протянет мне руку и скажет:

– Пора. Пойдем.

Там где водятся ангелы.

С высоты, например с самолета, Халкидики похожи на трехпалую ладошку.

Три пальца: нарядная Кассандра, лесистая Ситония и благородный Афон. наша деревня расположена на том краю Ситонии, который узкий пролив отделяет от полуострова, где обосновалась знаменитая монашеская республика. И хоть каждое утро, если, конечно, не проспал, выходи на балкон и любуйся, как солнце встает над Афоном.

Глава 1

Прямо напротив горы

Если заплывать далеко, так, чтобы вода до-ставала до шеи, то можно увидеть всю деревушку разом.

Золотистая дуга пляжа с цветастыми зонтиками и рядок белых домиков с плоскими крышами с двух концов ограничены утесами. Позади пансионов лежит единственная продольная улица с лавочками, тавернами и таким же строем домиков, только подешевле тех, что с видом на море. Параллельно улице несется автострада, за ней – несколько вилл, и

все это огораживается круглой, как высокий испанский гробень, линией лесистых холмов.

Главная улица пересекается ручейком, который зимой течет с холмов в море, а летом пересыхает и служит межей между тихой частью деревушки и торговой, туристической.

Песок на пляже – золотой. Не метафора, нет. Рядом с Афоном обнаружили золотую жилу, и пирит —обманка, которая всегда сопровождает драгоценный металл, – рассыпан в здешнем песке, как крупа, взвесью стоит в прибрежной волне. Обманка, но очень красиво. В каком-то смысле все-таки получилась метафора. На самом краю деревни высится красивый византийский храм, к которому жмутся одноэтажные оштукатуренные домики, крытые черепицей. Это и есть натуральная деревня, какой она была до туристического расцвета.

В кофейне на площади, где стекаются тесные поперечные улочки, я увидела панорамный снимок деревни в семидесятые годы. Храм, десяток домов с виноградниками, рыбацьи лодки, сети...

Вся эта белоснежная туристическая красота построена уже в новейшую историю, на гранты Евросоюза.

С позапрошлого года, когда мы впервые оказались в этом местечке, многое изменилось. Там, где была булочная, теперь подают кофе;таверны, где столики стояли прямо на траве, дотянулись прямо до пляжа, и даже в нашем пансионе обновили винтовую лестницу. Признаться, боялась увидеть

следы экономии и упадка, – ничего подобного! В лавочках не протолкнуться, вечером в ресторане не найти свободно-го места, а променад, который прежде заканчивался у сухой речушки, теперь дотянулся до края деревни.

– Как бизнес? – спросила я хозяина нашего пансиона.

Лицо Кростоса, всегда сияющее навстречу постояльцу, мгновенно приняло печальное выражение. Повернувшись спиной к переполненному дому, где мы, кстати, свою комнату бронировали с января, он покрутил в воздухе руками и вздохнул:

– Ни шатко ни валко.

– Кростос, – рассмеялась я, – мне иногда кажется, что вы, греки, дурите всю Европу.

Кростос приглашающе махнул рукой, и мы сели за белый столик под виноградной лозой.

– Понимаешь, – сказал он, разливая нам по стаканчикам холодную рецину, – есть две Греции. Деревенская Греция и городская.

Сам Кростос горожанин. на деньги, которые он зарабатывает летом, его дочка зимой учится в балет-ной школе. Седая шевелюра, очки на решительном носу, а руки, которые лежат сейчас на столе прямо перед моими глазами, – загорелые крепкие руки крестьянина.

Мы потягивали вино, которое отдавало сосновыми иголками, и рассуждали о том, что деревня живет летним трудом, об урожае оливок, о сложностях с визой, которые ме-

шают потоку русских туристов, о волнениях в Египте, которые неплохо отразились на местном туризме.

С мая по октябрь все побережье превращается в большой отель, который потребляет оливковое масло, вино, арбузы, кукурузу, труд и время.

А зимой деревушка пустеет, даже покушать не найти. Все переселяются в города.

И занимаются политикой. новые гранты выбивают.

Хитроумные греки.

Выбрали мы эту деревушку за близость к Афону. Низкая гряда, похожая на линию кардиограммы, тянется до середины горизонта и вырастает внезапно в огромную гору. Нас от нее отделяет узкий залив, и при ясном свете видны серые наросты монастырей, белые снежные пятна на вершине и даже причал.

Тетенек, как известно, туда не пускают. Я, как верная Пенелопа, несколько дней жду, сидя на балконе, и вглядываюсь в резкие черты Афона, словно пытаюсь разглядеть, где там, какими тропами идет мой паломник.

В деревушке даже сложилась специальная туристическая услуга: дамский коллектив сажают на кате-рок и обвозят вокруг Афона, причем довольно близко, так что, говорят, видно, как рыбачат на берегу монахи.

Но как-то меня эта идея не прельстила: что-то в ней мне показалось сильно экскурсионное. Мне тем более и с берега хорошо видно. А муж вернется – расскажет.

Глава 2

Гроза

Расположилась на балконе, как в театральной ложе.

Бушует синее море. Волны высотой с человеческий рост, и даже самые отчаянные смельчаки вылезли из воды. Деревушка стихает, и удары прибоя звучат, как колокол: «Бум! Бум!»

Темнеет быстро, горизонт сначала становится сиреневым, потом темно-синим, а сейчас небо окрасилось в яркий чернильный цвет. Где-то далеко за горизонтом шуршит гром. Звезд нет совсем. Контурсы Афона размылись в синеве, но вдруг, прямо над вершиной, сверкает золотой зигзаг молнии, вся гора освещается на мгновение и снова гаснет во тьме.

Глава 3

Зонтик

Купила пляжный зонтик.

Сразу поняла, что самой мне его не собрать: одну трубочку следует каким-то образом впихнуть в другую, раскрыть до упора и чем-то щелкнуть. И все это вместе ввинтить в песок, да так, чтобы завтра не пришлось по-купать следующий, типа сериала «Унесенные ветром».

Есть проверенный способ: ни один мужчина не может

усидеть, когда на его глазах беспомощная тетенька ковыряется с техникой. Пусть даже с зонтиком.

Приволоклась на пляж. Наметанным взглядом окинула диспозицию и уверенно выбрала место между круглолицым славянином с усиками, как у Швейка, и поджарым немцем в клетчатых трусах.

Распаковала зонт и неуверенно ткнула одной частью в другую. Славянин отложил книгу. Немец приподнялся на локте. Нажала кнопку, и пестрое полотнище раскрылось, накрыв меня с головой. Клетчатый сел. Славянин расправил усы.

Я ввинтила ножку в золотистый песок. И мы все трое разочарованно раскинулись на песке.

Следующим утром зонтик устанавливал англичанин с седыми бакенбардами и трубкой в белоснежных зубах. Никогда еще отсутствие брюк на мужчине не приводило меня в такую оторопь. Вбив зонтик в песок одним ударом, он покачал головой, как бы заранее отвергая благодарность, и снова спрятался за газетой.

Интересно, кстати, у каждого своя методика.

Молодой серб, оставив загоравшую рядом с ним даму, которую немного портила сутулость, – все остальное, впрочем, только украшало, – сначала развинтил всю конструкцию, собрал ее заново и только потом прихлопнул зонтик по макушке.

А вот грек, который подхватил зонтик, когда тот уже со-

всем было скатился в море, – стройный и чернокудрый грек, только будто соскочивший с амфоры, небрежно воткнул его в песок, поймал второй раз и засмеялся:

– Это становится работой!

Короче, сериал и правда пора было снимать, но под названием «Дружба народов». Картина: в центре кадра я, с беспомощно разве-денными руками, а рядом со мной, в жанре ускоренной киносъемки, сменяются мужчины, вкручивая в песок этот дурацкий зонтик.

А ведь придется возиться с ним, чтобы прикрывать белое тело от солнца, пока не загорю. Или пока, наконец, не придет муж.

Представьте: он появится на пляже, держа на плече, как пику, уже знакомый всем зонтик в голубой цветочек. Словно Нил Армстронг, вбивающий флагшток в лунную пыль, он вставит в золотой песок стройную зонтичную ножку.

Оглядится по сторонам, надвинув на лоб кепарик. И мы побежим купаться.

Глава 4

Славянский базар

В этой части Эллады не знают, что они банкроты. Бывшая бедная рыбацкая деревушка вся, до последней халупы, сдаётся летним туристам. Двухэтажные пансионаты плотно прижаты друг к дружке и к узкому золотому пляжу. Во двори-

ках, которые примыкают к старым домишкам, помещаются дерево и стул. Инжир или грецкий орех, достигнув плоской крыши, сгибается так низко, что старушка в черном платке, которая мирно дремлет у крылечка, может, вдруг встрепенувшись, дотянуться до плода рукой и сорвать его, не вставая.

Греческие власти отменили визы для сербов. Восточных европейцев здесь и всегда было много, ведь от Будапешта, например, до Салоник ехать на машине не больше шести часов. Гостиницу с витыми лесенками и круговыми террасами, которая располагалась на самом краю деревни, я переименовала в «Славянский базар».

Полные женщины с белыми полосками на красных распаренных телах, мужчины с мясистыми носами и золотыми крестами на толстых цепочках: Боже-на, Яна, Барбара гомонят, варят в широких кастрюлях макароны, сушат детские майки, а Бранко со всего раз маху вонзает нож в полосатый арбузный бок. На картонном щите у входа в таверну неуверенными печатными буквами начертано: «Свинский ша-шлык». Столики уперлись ногами в траву. Кувшин с вином, мягкие скользкие маслины, мелкая рыбешка. Медленно поворачивается на вертеле бараний бок. На запах подтягиваются собаки. Я их подкармливаю – Разбойника, Рыжего и мамашу. Поделив пространство вокруг столика, они занимают позиции, положив на лапы ободранные морды, и внимательно провожают взглядами каждый кусок.

С дорожки сворачивает сенегалец с набором фальшивого товара. Собаки вскакивают и с гневным лаем кидаются на продавца прежде, чем тот успевает раскрыть перед нами короб с часами, цепочками и дешевыми побрякушками. Изгнав пришельца, они возвращаются на свои места, ворча и поминутно оглядываясь. Что они в нем почуяли, как отличили от правильного посетителя, который пришел в таверну с единственной целью – поделиться с ними косточкой?

Через пару недель славянский базар превращается в немецкую колонию. Полторы улочки забиты черными «БмВ». Ночная гроза, как нарочно, смывает мел с черных досок, выставленных у ресторанов, и кириллица, сулившая посетителям «пленных чушек», уступает место латинице. В нашей гостинице тоже перемены. Тихо. Исчезли крепкие мужчины с круглыми голыми животами и женщины, которые, свесившись с балкона до угрозы падения, окликали друг друга милым звательным падежом: «Мамо! Доче!» немцы вечерами бесшумно играют в карты и уходят ужинать в ресторан. По утрам они просыпаются даже прежде меня – а я встаю по московскому времени, – уже пьют кофе и вежливо кивают, когда я появляюсь на террасе со своей кружкой. Розовоперстая Аврора, притихнув, освещает худощавых женщин и коротко стриженных мужчин в чистых белых майках.

Угол соседнего дома занимает булочная. Сквозь стеклянные стены видны пироги, плачинды, противень с пышным лимонным кексом и медоточивыми греческими сладостями.

С обеих сторон заведения расставлены столики, за которыми можно позавтракать горячим пирожком со шпинатом и сыром, запивая купленным тут же кефиром.

Ровно в девять утра с балкона второго этажа спускается веревка с привязанной к ней корзинкой. Булочник в белом фартуке не спеша вылезает из-за прилавка и выходит на улицу. Придерживая рукой высокий колпак, он задирает голову и ведет переговоры со старушкой, которая едва видна за перилами балкона. Смысл спора темен, но по ленивому ожесточению сторон видно, что ежеутренний ритуал бодрит их обоих. наконец он удаляется, расправляя двумя ладонями складки на белом животе. Вернувшись через пару минут, булочник укладывает в корзинку пакет с пирожком.

– Эф харисто! – кивает старушка и тянет веревку вверх, перебирая руками с ловкостью корабельного матроса.

Утро разгорается все жарче, и столики, особенно те, которые расположены на улочке, ведущей к морю, заполняются народом. – Обрати внимание, – говорит мой спутник. – немцы, с какой бы они стороны ни подходили к булочной, всегда обогнут угол и войдут во вторую дверь. Присмотрись!

Сначала поджарый господин в очках, потом – белокурая сухопарая дама, за ней – два молодых велосипедиста с рюкзаками, папаша с дочкой, причем девочка бежала впереди и почти уже свернула в первую дверь, но отец прикрикнул строго, и они двинулись за угол, как и все. Наш брат славянин пер в первую дверь.

Заинтригованная, я несколько минут наблюдала загадочную и добровольную сегрегацию.

– Слушай, – изумленно спросила я наконец своего приметливого мужа, – а в чем разница между этими дверями? Открой тайну золотого ключика!

– Первая дверь – это выход, а вторая – вход! – горделиво и вместе с тем скромно, чтобы не подавлять меня интеллектом, ответил он.

– А ты откуда знаешь? – еще более пораженная, вскричала я.

– А на них написано.

Скривившись, я повернулась к ближайшей двери и прочла: ‘Exit’.

– Ничего себе, – удивилась я, – десятый день хожу сюда и не замечала. Вот такие пироги.

Глава 5

Ночью на балконе.

Не в городе, а именно на берегу моря остро чувствуешь свою мелкость. Особенно в беззвездную ночь.

Пунктир огоньков едва высвечивает полоску пляжа; белая пена, которая появляется как ниоткуда, неизвестно куда исчезает, отхлынув от берега. А за ним, за прибоем, над крошечными домиками, над невидными холмами встает мгла. Небо и море сливаются в единое целое, чему даже объема

нет и цвета, не назовешь же его черным. мрак, бездна, тьма. Балкон, окруженный балюстрадой, освещен лампочкой, похожей на корабельный фонарь, да и сам балкон похож на корабль, который плывет в темноте, и теплый ветер подогревает эту иллюзию движения. Бьет волна, и человеческие голоса звучат в темноте, как птички.

Глава 6

Ограбление по-гречески.

Ночью воры проникли в храм и сорвали со стены икону. Храм византийский, с круглым терракотовым куполом, не просто храм, а подворье Афонского монастыря. Как и по всей Греции, храм – основание местной жизни. Они приходят сюда, как домой. Сидят, то есть полустоят, в высоких стульях с резными спинками, опираясь на подлокотники; спокойно передвигаются по всему пространству, нарядные, веселые, озабоченные; не колеблясь, поднимаются прямо к иконостасу, прикладываются к драгоценным окладам под дружный речитатив священников с блестящими черными бородами; теснятся, не тесня друг друга; раскладывают на столе в церковном дворике куличи, пироги, виноград, хлопчут, поют...

Сама деревушка корнями уходит глубоко в эллинскую

эпоху, однако в новой истории она была за-селена где-то в последней четверти девятнадцатого века. К этому времени относится и сам Успенский храм.

А в день Успения Божьей матери, 15 августа, местные жители проводят фестиваль: праздничные службы, крестный ход, танцы и ярмарка и застолье, конечно. Средоточием всего этого и является храмовая икона Богородицы. Крестос, хозяин нашего пансиона, мрачно поведал подробности. Было заметно, что свой английский он тренирует на криминальных сериалах:

– Пользуясь темнотой, они проникли в церковь, незаконным методом приобрели икону со стены и совершили попытку скрыться. но! Провидение! – Тут Крестос поднял палец, словно уточняя, откуда именно явилось Провидение, и, выдержав паузу, достойную значимости события, продолжил:

– Прохожий, который случайно шел мимо двора, заметил открытую дверь! Мы затаили дыхание.

– Простой турист. – Крестос развел руками и оглядел аудиторию, которая состояла из нас двоих, нескольких постояльцев, не без тревоги вникающих в историю ночного ограбления, хозяйской дочке и белого кролика, который сидел у нее на руках и шевелил розовыми ушами, словно тоже переживал за свою клетку, которую иногда забывают запереть.

Убедившись, что он полностью владеет вниманием пуб-

лики, Крестос торжествующе закончил:

– Он зашел в храм, воры увидели его, испугались и бросили добычу на пол!

Получив заслуженный театральный эффект, Крестос похрабрел. Стало заметно, что он расстроен и зол.

– Главное, что икона на месте! – наперебой подбодрили мы грека. – А что полиция?

– Что полиция? – горько отмахнулся тот. – Им главное, чтобы из музея ни одного черепка не пропало!

– Сильно разломали? – сочувственно спросили мы.

– Стекло разбито, оклад, само дерево...

Его тревожила еще какая-то мысль. Помявшись, он выдал из себя фразу, которая многое меняла в его привычной жизни:

– Елена, вы закрывайте на ночь дверь на ключ. на всякий случай. Если они на саму Богородицу покусились... – Он не закончил фразу, неловко пожал плечами и, повернувшись, быстро зашагал вверх по улице. на собрание общины, он там важная шишка. Мы и впрямь, как и все здесь, спали, закрыв дверь легкой шторой. ночная прохлада сочилась в комнату, легкое движение воздуха приносило запах моря, и казалось, что ты спишь прямо на берегу. Воры отнимают у нас покой.

К полудню жара поднялась до сорока градусов. Народ уже просто не вылезает из воды – только головы над поверхностью торчат. Перетаскиваем лежак вслед за тенью, которую, как стрелка солнечных часов, отбрасывает зонтик. Девуш-

ка из ближайшего бара при-несла ведро со льдом, раздала всем по кусочку и показала, что им надо обтереть все тело.

Наконец переселяемся под прохладную сень террасы, увитой узловатой виноградной лозой. Местная публика расположилась там с утра и обсуждает последние события. Их волнение понятно: до праздника осталось пара недель. Специалист, срочно вызванный из Салоник, говорит, что реставрация иконы – дело тонкое, спешить нельзя. Теперь все гадают, успеет ли он завершить дело к крестному ходу. А как проводить его без старой иконы, – третий век ходим в этом порядке!

Версий происшествия много:

– Орудует банда сербов, пятнадцать человек, делятся на группы по трое, вот почему за одну ночь несколько ограблений.

– Это приехали английские гастролеры. Лондонские жулики самые ловкие.

– Местные, а именно бывший полицейский. Его сократили в связи с кризисом, и он теперь доказывает, как без него плохо.

– Албанцы.

Но на это все машут небрежно ладонями и кричат:

«У тебя всегда во всем виноваты албанцы!»

Коричневые лица замирают, и дымок от сигарет дополняет их схожесть с индейцами, недвижно сидящими вокруг костра.

Маленькая, как птичка, старушка в черном платье, с круглыми, живыми, как у птички же, глазами, сидит на табуретке, положив на пластиковый стол темные тонкие руки. Она молчит, время от времени поднимает взгляд на спорщиков и снова опускает его, глядя прямо перед собой, на сплетенные пальцы. Только видно, как едва шевелятся губы, словно она разговаривает с кем-то.

А если прислушаться, то даже понятно с кем.

Жаль, что мы не попадаем в этом году на крестный ход.

Бармен приносит поднос с малюсенькими чашечками. Как можно пить раскаленный кофе в такую жару?

Глава 7

Он плыл со стороны Афона

Однажды я чуть не утонула. Причем вообще, что называется, на пустом месте. То есть место-то как раз было не пустое, а полное волн, но глупость получалась несусветная. Заметьте, купались вместе с мужем. Он, как обычно, заплыл невесть куда далеко и там качался на волнах, как маятник, вместо того чтобы не сводить взгляда с жены.

А я увлеклась. Я люблю, когда волны. Как пишут в английских романах: там, откуда я родом... Родом-то я, как известно, из Петербурга, но детство подростковое провела на берегу Тихого океана, где служил на кораблях мой отец. Время тогда было вегетарианское, и считалось совершенно есте-

ственным, что компания девчонок выходит на шоссе, голо-сует, любая встречная машина подхватывает их и за полчаса довозит от военного городка до бухты Тинкан. С собой мама вы-давала мне ломоть хлеба и помидоры, огромные, в два-три обычных. Здесь такие не растут. Назывались они «бычье сердце». И так все летние дни мы болтались по песчаному пляжу, по камням забирались в пещеры с мокрым песком под босыми ногами, собирали раскрытые, как веер, раковины, сухие морские звезды и скелеты морских ежей, похожие на панцири. Ловили гребешков, трепангов и еще какую-то морскую мелочь и варили их в консервной банке на костерке. Так вот, океанские волны – это как на картине Айвазовского «Девятый вал». Даже удивительно, что никто из нас ни разу не утонул. Так что страха у меня перед морем нет, привычка.

Раз уж отвлеклась, отвлекусь окончательно. Когда меня занесло в Калифорнию, я прямо из аэропорта поехала к своей приятельнице, которая жила в деревянном домике в Окленде, прямо на берегу океана. Я вышла из машины и в ту же минуту всем своим существом осознала, что нахожусь в исключительно родном месте. минута на раздумье – и я догадалась: запах Тихого океана!

Итак, это все воспоминания, а по ходу рассказа я нахожусь в Эгейском море, купаюсь, там волны, а муж уплыл далеко. Волны набегают. И я, расслабленная детским счастьем пляжной жизни, ныряю в поднимающуюся надо мной зеленую стену, потом в другую, а тут же подлетает еще одна, дру-

гая, третья... И вдруг я обнаруживаю, что под ногами нет дна, берег отодвинулся на несколько метров, а вокруг никого, одни волны. Плаваю я неплохо. но, знаете ли, не в шторм. Через пару минут я сообразила, что не двигаюсь с места и все это уже совсем не смешно. На берегу – в нескольких метрах! – счастливые люди жарились на солнышке, перекидывались мячиком, жевали пончики, а на меня налегали тяжелые, холодные, равнодушные волны. Из веселых, нарядных и ласковых они вдруг стали неумолимые и упругие. Я поняла, что не справляюсь. В трудные минуты – таких по-настоящему трудных было в жизни немного, но случалось, – так вот, в трудные минуты меня обычно спасает самообладание. С абсолютно трезвой ясностью я поняла, что сейчас утону.

Глупее ничего придумать нельзя. Где в трех метрах от меня плавает этот дурак (пardon, но я подумала именно так), в четырех – берег, полный людей, а я – утону. Силы у меня есть. но их нельзя тратить на бессмысленное сопротивление. Оставшуюся энергию и ясность ума надо потратить на спасение.

Я вытянула вверх руку и сколько могла высоко вытянулась за ней сама. неподалеку от меня, на полдороге к берегу, ковырялась пара. Женщина, как и я, уже с трудом сопротивлялась волнам, но муж – он стоял твердо ногами на дне и медленно, но верно тянул ее к берегу. Он услышал мой писк, обернулся, пожал плечами и кивнул в сторону торчащей из воды женской головы, типа, ну не могу же я ее бросить! Мне

трудно было понять, мог он или не мог оставить одну тетку, сплывать, спасти другую, потом снова вернуться к той, первой, но что он точно мог – так это крикнуть и позвать на помощь: он был уже совсем близко от пляжа, и начини он лихорадочно махать руками или подавать другие сигналы бедствия, то на-шлись бы герои и без него. может, и муж бы мой услышал. но нет. Дядька еще раз, как бы извиняясь или прощаясь навеки, пожал плечами и отвернулся, а я начала захлебываться. И тут бы мне, друзья, наступил конец, причем глупый, неприличный и абсолютно неуместный конец!

Он плыл со стороны Афона. Поверьте мне, море было абсолютно пустым, и откуда появился мой спаситель – не ведаю. Знаю только, что он плыл со стороны Афона.

– не волнуйся, – сказал он, и я услышала, хотя был он еще далеко и волны закатывали меня уже по самую макушку. – Я здесь. Ну вы не поверите мне, но он был красив, словно сошел, сплыл с греческой амфоры. Я увидела его только один раз, когда, вынырнув на поверхность, обернулась на этот спокойный голос и белые руки, которые уверенным брасом несли ко мне человека с узким лицом. Больше я его не видела. В какой-то момент я почувствовала, как уверенная ладонь легла на мою руку, крепко ухватила ее, и я поплыла сама, не цепляясь и не боясь, отталкиваясь ногами

от противной воды. Плыть-то всего надо было пару метров. Все та же рука уверенно вывела меня на песок, и я закашлялась, схватилась за горло, ловя дыхание. А дальше было как во всех сентиментальных историях: когда я выпрямилась и огляделась, его уже не было.

Будем считать, что это был ангел.

Глава 8

В таверне

Виноград почернел, и отяжелевшие кисти нависли над фонтаном, почти достигая тоненькой струйки. фонтан – круглая каменная кладка, внутри – два металлических обруча с дырочками для веселой воды.

Он стоит посредине таверны, в той ее части, которая покрыта виноградным плетением. Столики застелены скатерками в клетку; на столбиках, поддерживающих деревянную крышу, висят чесночные косы.

Держит таверну семья. Хозяйка принимает заказы, двое шустрых парнишек разносят на подносах с цепочками кувшины с вином и лед. Папа – повар, кудрявый, как бог Пан; он иногда выходит, чтобы поболтать с гостями; на крыльце у соседнего входа в домик, под развесистой акацией, сидит бабушка в черном обтягивающем платье и караулит мелкоту.

Я люблю к ним ходить. Во-первых, недалеко, а во-вторых, прямо рядом с ними лодочная станция, отделенная от пля-

жа веревочкой с буйками. За эту веревочку я держусь, когда большие волны. Боюсь, унесет. Что вы без меня будете делать?

Кормят здесь вкусно везде. В нашей деревушке развлечений мало, прямо скажем, никаких, и поэтому главное событие дня – это ужин. Таверны стоят вплотную вдоль моря. Часть столиков под накрытием, а часть прямо на траве, так что можно сидеть босиком.

Днем можно и просто в купальнике, но вечером все любят приодеться. Здесь это означает, что кавалеры натягивают шорты, а дамы бросают поверх загара какую-нибудь прозрачную тряпочку с блестками.

Коронное местное блюдо – гирос. Это типа нашей шавермы, только вкусно. Гиросом на вынос и в тарелках торгуют здесь на каждом углу. на каждом втором, кстати, продают вареную кукурузу.

Ее, кукурузу, как и пончики, разносят дополнительно по пляжу специальные разносчики в широких шляпах. В пончики втыкают маленькие флажки.

Самым шикарным считается козленок на вертеле. Его подают лишь в нескольких местах и по особой договоренности. мы как-то решились. Утром прогулялись до ресторанчика с названием «неряида» и ушли на пляж. Возвращаемся вечером, прожженные насквозь, и видим, что навстречу бежит наш хозяин, Кристас.

– Елена! – кричит он. – Где вы ходите?! Козленок уже го-

тов, два раза звонили, и один раз посыльный из «неряиды» прибежал!

Они все друг про дружку знают. Как-то спросили Кристося:

– А бывают здесь русские?

Тот мгновенно ответил:

– Сегодня было три машины с русскими номерами.

Специфика – вся еда из окрестных деревень. У помидоров вкус помидоров, арбузы сладкие, перец жжет. Меню, конечно, тебе подадут, и там даже будут написаны слова и цифры. но действовать надо по-другому.

– А что у вас сегодня из приготовленного?

И рестораник, задумавшись, словно я сегодня первая делаю заказ, начнет перечислять: мусака, перец, фаршированный рисом и травами, запеченная в печи баранина, мясо в виноградных листьях...

Про рыбу не говорят. Ее показывают. Тебя заводят в недра пустого зала – это зимний зал, летом его даже не открывают, – и повар выносит поднос, где, припорошенные колотым льдом, лежат скользкие рыбины.

– Сегодня у нас редкая рыба – скорпион. – Повар поднимает за жабры создание алого цвета и уважительно подносит мне прямо к лицу: – Вам поджарить или гриль?

Перед рыбным рестораном воткнуты две палочки, перетянутые веревкой. на ней, как сохнувшее белье, висят октопусы. Конструкция служит и вывеской, и рекламой, и хра-

нилицем. можно подойти, сфоткаться и тут же выбрать понравившуюся ногу.

Как-то еще в самом начале путешествия муж раскрыл меню и попросил единственную рыбу, название которой он может произносить по-английски: красные мулеты. По-нашему это красноперка, она всю водится на Дальнем Востоке.

Официанты заволновались. Пришел главный.

– Сегодня не привезли. Точно будет завтра.

На следующий день, очень жаркий, мы устроились не на песке, а рядом с пляжем, под широкой смоковницей. Около часа к нам подбежал молодой человек в белой куртке.

– Лодка уже в порту! – закричал он, только завидев нас. Портом они, кстати, называют дощатый пирс, где одновременно могут припарковаться три рыбацкие лодки и один прогулочный катер.

– минут через пятнадцать будет уже на кухне!

Вы еще поплавайте, а как будет готово – я вам с берега помашу!

На столе, обуреваемая бризом, стояла миска с греческим салатом, как бы прихлопнутая сверху белым ломтем феты; жареные целиковые красные перцы, чуть sprysнутые виноградным уксусом; корзинка с ломтями горчичного хлеба; сосуд с оливковым маслом и пузатенькая бутылочка домашнего вина.

– К мулете хорошо идет именно это вино, – сказал официант и смущенно добавил: – Оно, правда, дороговато: три

евро за бутылку. муж махнул рукой, как бы показывая, что по случаю мулеты он готов идти на такой расход, в другую же руку взял половинку лимона и выжал ее на спинки маленьких красноперых окуньков. Но больше всего я люблю мидии саганаки. Я однажды перепутала название и сказала «саволаки». Мне принесли шашлычок, мелко нанизанный на палочку. Тоже оказалось ничего, отказываться-то было неудобно!

Но вернемся к мидиям. В каждой таверне их готовят по-разному. Ни разу мне не попадалось ничего схожего. Хотя, казалось бы, а что такого? Томаты, неизменная брынза, острый зеленый перец, травы... Иногда их подают запеченными в низеньких керамических горшочках. А вот в моей любимой таверне, той, около буйков, это же блюдо выглядит в виде густого супчика, туда же добавляют и горчицу. Про вино я говорить не буду, расстроюсь. ну, во-первых, рецина. Это такой напиток, который делают из винограда и сосновых иголок. нет ничего лучше в жару. Или нет, лучше, когда ты накупался от души, еле доволочся до дома, смыл песок, налипшие бурые пятнышки водорослей, соль, обмотался полотенцами, вышел на балкон... нет, сначала достал из холодильника бутылочку, налил и только тогда вышел на балкон, сидишь, пьешь это холодное чудо и смотришь, как остальные еще только двигаются в сторону дома, таща сумки, зонты и ребятишек в махровых панамках. Так, секунду, сейчас сбегая к холодильнику и продолжу.

Вот сладкого я не люблю, то есть люблю, но борюсь с ве-

сом. Да и впрямь, греческие сладости уж очень сладкие, их делают на меду.

Когда лень волочиться куда-то, я просто режу салат. мой греческий салат – как ирландское рагу у Джерома Джерома. Я туда кидаю все, что зазевалось в холодильнике: сыр, оливки, лук, чеснок, три вида перца, конечно, помидоры-огурцы, посыпаю травами – а там дальше только арбуз.

Арбузы развозит на грузовичке дядька из соседней деревни. Он целыми днями колесит вдоль единственной нашей улицы и выкрикивает слова, которые я уже запомнила, но повторить не смогу. Мы у него еще и связку чеснока купили. Я не удержалась. Повешу дома на кухне.

К чему я все это? А к тому, что отпуск кончился и пора уезжать. Шторм притих, но прибой все равно слышен, он слышен здесь с любого места. И не надоедает. ну не дано ему примелькаться, если вы поняли, о чем я. Пойду собирать чемодан.

Флёр-д'оранж
от святого Нектария

Серебряный юбилей подкрался незаметно. Снять помпезный ресторан и пригласить родственников? Сидеть во главе стола, слушать торжественные тосты и чувствовать себя солидными, серьезными и пожилыми? ну нет! Сбежать от

всех, прихватив дочку, и отправиться в путешествие, туда, где море, оливковая тень и вечная молодость!

Глава 1

Греческий салат

Столичная сутолока подождет. Прямо из аэропорта мы едем на Афинскую Ривьеру: по здешним понятиям – пригород, а по московским – 20 минут на такси – почти центр. Приехали – точно и нет Афин. Высокая коробка отеля «Аполлон» на берегу моря, желтый песочный пояс, вдоль которого, как белые зубы в рекламе стоматологии, плотным рядом тянутся дома с террасами; ленивые лежаки сгрудились у бассейна, легкие столики у стойки бара и мерный стук игры в крокет с пляжа.

В путешествии главное – не спешить. Морская таверна прямо на берегу, легкий ветерок и греческий салат. О, это не то жалкое подобие из бледных помидоров и твердых, как орешки, оливок, что подают в московских ресторанах! Настоящий греческий салат выкладывают слоями: тугие овощи, блестящие маслины и сверху – ломтик белоснежной феты, по которой струится золотая полоска оливкового масла.

Кстати, о сыре фета. Заглянув как-то в продуктовую лавку, мы попросили продавца отрезать кусок сыра.

– Какого сыра? – переспросил тот.

– Фета! – довольно ясно объяснили мы. Но не тут-то было. Битых десять минут мы размахивали руками, привлекали на

помощь других покупателей, тыкали пальцами в витрину, но продавец упорно повторял, как попугай: «Какого? Какого?», пока наконец мы не сообразили, что за спиной у терпеливого грека стояли ванночки с десятью сортами знаменитого сыра!

Подбадриваемые самым молодым участником путешествия, мы наконец вылезли из-за стола, вызвали такси и влились в поток машин, мотороллеров и туристических автобусов.

Скала, на вершине которой замер Парфенон, возвышается над океаном городской жизни, поглядывая на нашу суету с высоты тысячелетий – величественно и снисходительно. Пройдя через древние мраморные ворота – Пропилеи, мы поднимаемся по широкой лестнице, поминутно останавливаясь, чтобы прочесть в путеводителе историю очередного шедевра. Античность, христианский мир, турецкие завоевания – все переплелось и слилось на священной горе в единый неповторимый ансамбль. Ареопаг, перед которым апостол Павел произнес свое знаменитое обращение к афинянам, театр Дионисия, где малоизвестные драматурги Еврипид и Софокл представляли взыскательной афинской публике первые произведения, пещера, где опальный философ Сократ, завершив трехдневную философскую беседу с учениками, выпил ядовитый напиток – цикуту.

Круты ступеньки, слепит солнце, жара, – дорога к храму должна быть трудна, как заметил, кстати, Сократ, – и вот взмыл перед нами апофеоз европейской цивилизации, за-

мершая на лету птица, великий Парфенон. Внизу, у подножия Акрополя, кишит и шевелится самый старый квартал города – Плака. Так и не осилив поход в Археологический музей, мы спускаемся через древнюю рыночную площадь – Агору – на современные торговые улочки. Не знаю, как в Греции, но на Плаке есть все. Уличные кафе под низкими густолиственными деревьями; антикварные лавочки, где соседствуют зеленоватые монеты с профилем Александра и изысканные коралловые ожерелья; витрины роскошных магазинов с бесполезными шубами и прилавки, уставленные бутылками с оливковым маслом, грудями пахучих пакетиков с мылом, связками желтых пористых губок. Туристы щупают сандалики, прикидывают на себя легчайшие белые платья, добросовестно обнюхивают корзиночки со специями...

Утонув ненадолго в сумеречной глубине маленького магазинчика, мама с дочкой в новых сарафанах вынырнули на солнечный свет, где их ждал заботливый отец семейства с высокими бумажными стаканчиками холодного кофе – фраппе.

Тщетно искали мы на беспечных афинских улочках следы кризиса. Пожалуй, только на площади Синтагма наблюдалось повышенное скопление полицейских. но по-прежнему неизменно шагает у памятника неизвестному Солдату президентский караул в плиссированных юбочках, высоко поднимая ноги в тапочках с красными помпончиками. А за стенами королевского дворца, возведенного здесь в XIX веке,

бьется над антикризисными законами тревожная мысль парламентариев. Надеюсь, не без пользы.

Лавируя между мотороллерами, мы перебегаем улицу и ловим такси. И через полчаса бежим к морю, где нас ждет закат солнца, золотая дорожка у самых ног, вечерний бриз и октопусы-гриль!

Глава 2

История в натуральную величину

Дорога бежит вдоль моря, вдоль белых домов с плоскими крышами и блестящими баками солнечных батарей, прорезает оливковую рощу и обматывает серпантинном каменные холмы с редкими суховатыми кустарниками. Внизу, словно на ожившей карте, видна короткая голубая полоска Коринфского канала, соединяющего два залива – Саронический и Коринфский. Городок жметя к берегу, тычутся носами в гавань Коринфа катера и яхты.

Строго следуя правилу – не спешить, мы усаживаемся в кофейне прямо возле автобусной остановки и, жмурясь на утреннем солнце, пьем из малюсеньких чашечек кофе по-гречески.

Пять километров и несколько тысячелетий отделяют современный город от древнего Коринфа. Можно, конечно, взять такси, но мы люди упорные и этот путь в гору преодолеем пешком. Бывалого туриста римскими развалинами не

удивишь. Нет, наверное, места в Европе, где не ступала нога римского легионера и где по сей день не сохранились следы их строительного размаха. Амфитеатры с пологими ступеньками, колонны, чья стройность помогает воображению достроить мысленно изящный храм, обломки стены, свидетели величия, прячутся среди современных домов, одиноко царят на высоких и пустынных холмах...

Древний Коринф сохранился целиком. Как и многие старые города, за свою тысячелетнюю историю он пережил войны, разруху, возрождение и снова упадок. Наконец в середине XIX века сильное землетрясение нанесло Коринфу непоправимый удар. Те жители, кто пережил катастрофу, покинули развалины и построили новый город на берегу моря.

Улицы и дома древнего полиса на склоне горы засыпал песок, словно специально сберегая для археологов. Семьдесят лет назад начались раскопки и продолжаются до сих пор. Современному наблюдателю город-памятник представит в том виде, который был создан римлянами и который был свидетелем проповеди святого Павла. Однако история его началась намного раньше. Древний греческий город стоял на стратегически важном месте, там, где узкий семиметровый перешеек соединял полуостров Пелопоннес с материком. Через Коринф проходили торговые пути из западного Средиземноморья в восточное. Экономя время, моряки обходили Сардонический залив и волоком перетаскивали суда через этот перешеек, там, где ныне проложен канал. На

знаменитых рынках Коринфа продавали арабский бальзам, финики, слоновую кость, вавилонские ковры, козий пух и рабов. Здесь изобрели гончарный круг и с помощью древнегреческих богов обжигали горшки.

В столице мореплавания появился первый скоростной транспорт: парусники-триеры за счет трех палуб, на каждой из которых работали гребцы, развивали практически крейсеровскую скорость. Город богатой греческой знати, торговцев и ремесленников опередил по могуществу даже Афины. Напоминают об этом величии колонны храма Аполлона и легенды. По этим улочкам бродил босой, в хитоне из грубого полотна Диоген и с фонарем в руках искал человека. на рыночной площади, где сегодня пробивается меж мраморных плит кустарник, стояла глиняная бочка, в которой философ предавался размышлениям, и здесь, у городских ворот, в кипарисовой роще состоялась его знаменитая встреча с Александром Македонским.

– Что я могу сделать для тебя? – спросил Диогена великий завоеватель.

– Отойди, пожалуйста, – попросил философ, – и не заслоняй мне солнца.

У развалин храма скользит ручеек. Быть может, здесь, склонившись над свежей струей, Диоген готовил свой скромный ужин, когда мимо проходил местный бизнесмен, Агриппа.

– Вот если бы ты умел водиться с тиранами, – нравоучи-

тельно заметил он Диогену, – не пришлось бы тебе мыть коренья.

– Вот если бы ты умел мыть коренья, Агриппа, – последовал ироничный ответ, – не пришлось бы тебе водиться с тиранами!

Однако тираны приходят, когда их и не зовут.

Стройные колонны римских легионеров прошагали через всю Грецию, оставляя за собой руины. Пал и Коринф. на его месте император Юлий Цезарь построил новый город и превратил его в столицу завоеванной римской провинции.

Большой, с четко, по-римски, спланированными улицами город открывается нам во всей своей целостности и сохранности. не нужно даже особой фантазии, чтобы представить, как бурлила в нем жизнь.

Случалось нам видеть реконструированные художникам римские города, разглядывать геометрически чистые линии улиц и изумляться стройным пропорциям дорисованных зданий. Совсем другое дело, оказывается, ходить по сохранившемуся целиком городу, ощущать соразмерность его и гармонию всех частей: галереи, площади, термы. Трава вьется вокруг мраморных обломков, покрытые мелкими трещинами колонны храмов демонстрируют знаменитый коринфский орнамент, меж желтовато-белыми плитами улицы, ведущей в порт, пробиваются алые маки.

По этой дороге в Коринф пришел апостол Павел.

Он поселился в семье палаточных дел мастера, трудил-

ся с ним, зарабатывая хлеб насущный, и дарил жителям города хлеб духовный. Здесь основал верный ученик Спасителя христианскую церковь. Святой Павел нашел здесь и учеников, и гонителей. Проповедуя на рыночной площади, роскоши и легкомыслию портового города противопоставил он урок самоотречения и преданности. Через полтора года, уже оставив Коринф, апостол писал коринфянам послание, и именно к ним обратил он великие слова о трех главных чувствах, вере, надежде и любви: «...но любовь из них – больше».

А Коринф продолжал жить своей жизнью. Горожане построили новый порт, возвели за городской стеной храм Асклепия, а городской казначей, богатый и уважаемый всеми Эраст, за свой счет выложил мраморной плиткой пол в театре и, не удержавшись, подписал центральный квадрат: «Эраст» и поставил дату...

У ступенек амфитеатра, собравшись кругом, стоят польские туристы. Они приехали в Коринф из Эфеса по паломническому маршруту, который так и называется: по следам апостола Павла. Ксендз в белой сутане указывает на плитку с автографом Эраста и, раскрыв Библию, зачитывает строчку из послания Павла к коринфянам: «Передайте привет Эрасту, доброму человеку».

Склонившись, я срываю высунувшийся из-под обломка плиты мак и прячу меж страниц путеводителя.

Глава 3

Остров в подарок

Корабль на воздушной подушке доставил нас из порта Пирей на остров Эгина за полчаса. Издалека, с моря, все греческие острова выглядят одинаково: белые яхты в два ряда, круглые купола церквей, каменистые склоны, покрытые оливами, склонившиеся над водой пинии. Везде вас встретит нарядная набережная с зонтиками кафе и смуглыми островитянами, которые, прижимая отчаянно ладони к сердцу, будут уверять вас, что вид на их гавань – самый красивый в Европе. Но сойдите на берег, пройдитесь по витым улочкам, заглядывая в окна лавочек с керамическими кувшинами; пригнув голову, проскочите под длинными серыми ногами гигантского морского гада, свисающего под вывеской «Кальмарная», вдохните аромат фисташковых садов – и вы больше никогда не спутаете Эгину ни с чем!

Собор святого нектария стоит на самом высоком холме, возвышаясь над развалинами античного храма Афины-Афеи, розовой венецианской крепостью и тридцатью православными монастырями. Вместе с другими паломниками поднимаемся по длинной лестнице, любуясь кружевной резьбой по мрамору, украшающей фасад собора и балюстраду, и двигаемся еще выше, в женский монастырь, основанный в прошлом веке святым нектарием. Сюда, к саркофагу, в котором почитает основатель обители, приходят те, кто нуж-

дается в исцелении от тяжелых заболеваний и духовной поддержке. Присев на скамеечку возле источника, мы слушаем журчание воды и размышляем – каждый о своем.

Однако пора возвращаться в Афины. В роскошном отеле нас ждет столик, заказанный ради серебряного юбилея. Но так не хочется уезжать...

– Нам сейчас святой нектарий подскажет, как лучше запомнить этот день, – задумчиво говорит дочка. на краю дороги, ведущей из монастыря в гавань, глазами натываемся на фанерку, где от руки написано: «Tavern». Переглянувшись, мы сворачиваем на тропинку, которая упирается в огороженный деревянной изгородью апельсиновый сад. несколько столиков расставлены между деревьями, важно прогуливаются гуси, и вьется ручек с цветными рыбками. Из двери выглядывает хозяин, ныряет внутрь и через минуту, не задавая вопросов, ставит на стол кувшин вина и корзинку с крупными ломтями белого хлеба. За ними следует миска с салатом, красные и золотые рыбешки, мидии, сыр, медовые пирожки... Белые лепестки падают на вышитую скатерть. Зачем нам шикарный ресторан в Афинах? Дочка, наш семейный фотограф, вытаскивает родителей из-за стола для торжественной съемки.

Мы становимся на фоне апельсинового дерева, и я притягиваю к волосам ветку с белыми цветами. Флер-д'оранж – что может быть романтичнее в серебряный юбилей!

КУЛОН.

Я не люблю и боюсь античности. Синяя книжка Куна с золотыми фигурками греческих богов на обложке не предвещала нисколько той тяжести, которую я ощутила, ночуя в квартирке у друзей на Кипре, вблизи развалин амфитеатра. По Греции я чаще всего путешествую в надежном окружении людей воцерковленных, перемещаясь из храма в храм. Но даже и при такой защите всегда чую, что язычество здесь близко к поверхности, будто затаилось и ждет. И не надо заблуждаться, глядя на притихших в музеях мраморных красавцев с лукавыми улыбками: идола – они и в Ватикане идола.

Мой отец, выйдя в отставку, увлекся подводной археологией. Как-то в разговоре он упомянул, что новгородские энтузиасты собрались поднять со дна Ильменя сброшенного туда во времена крещения Перуна и приглашают его присоединиться к экспедиции. Вот я тогда поняла, что значит выражение «темная стена страха». Именно стена, заглянуть за которую отказывается все твое существо.

– Даже не думай, – замахала я руками, – даже не подходи и никак этого дела не касайся!

Всегда какая-то странность происходит со мной в Греции, даже если далека я от античных развалин, даже если и живу прямо напротив Афона.

В общем, приснился мне сон. Удивительного тут ниче-

го нет, сны я вижу сюжетные, по детализации и количеству вовлеченных персонажей вполне сопоставимые с сериалом. Странность этого сна заключалась в том, что меня в нем не было ни в какой роли. Чисто как требовала моя наставница Наташа Соколовская, когда читала наброски романа: оторви от себя, перестань писать от первого лица, пусть это будет другой человек, увидишь, как тебе станет легче раскручивать характер. Может, это я во сне тренируюсь? Но почему так банально? Для пробы пера? Вот такой, короче, сюжет.

Герой и героиня знакомятся на пляже, флиртуют, бродят вечером по набережной вдоль Эгейского моря, пьют белое вино за столиком под тростниковым зонтом. Молодой человек напорист, дама отшучивается.

Темнеет неожиданно, вместе с дневным светом исчезает духота, народ разбредается по ресторанам, и становится слышен прибой. Они болтают о гостиничных нравах, о легкости местных вин, о завидной безалаберности греков. Русские инвективы, подхваченные ею в университете, смешат и разбавляют его заученный греческий.

Он только приехал из Афин, какие-то дела, она путешествует одна, любительница античных красот и дайвинга. Он загорел ровным красноватым колером, белая майка с абстрактным рисунком, длинные мокрые волосы. Она говорит все быстрее и быстрее, не оставляя пауз и избегая глаз. Сарафан, купленный в местной лавке, балахонистый и невесомый, чуть раздувает на спине вечерний бриз. Рука теребит

шнурок с аляповатой головой медузы Горгоны.

По влажной кромке моря бегут три мальчика. Фигурки цвета темной охры двигаются друг другу в затылок, высоко и ровно, словно по команде поднимая коленки. Кажется, что они бегут вокруг амфоры.

– Забавный кулон!

– Не поверите, нашла на берегу. Наверное, кто-то забыл или оборвалась веревочка. Я прилетела поздно вечером и сразу спустилась к морю, едва забросив чемодан в номер. Присела на сухой валун у воды и с час, наверное, так и провела: не могла надышаться, насмотреться, послушаться. Собралась совсем уходить, смотрю, на песке, там, где волна выталкивает водоросли, блестит камень – мне так показалось, что это камень.

Я наклонилась, и он скользнул мне в ладошку. Я прицепила шнурок и вот ношу не снимая. Что-то в ней есть особенно греческое. Я всем говорю, что Горгона – моя покровительница. Отпугивает от меня и неприятности, и тех, кто на них тянет. – Она закончила кокетливо, намекая, что ей понятно, куда ведут его уклончивые разговоры. Имитируя интерес, он протянул руку и покрутил в быстрых пальцах кулон, как бы случайно коснувшись белой полоски, на которой заканчивалось золотистое пространство. На круглом щитке небрежно и сильно было вырезано чуть удлиненное лицо со смазанными чертами, окруженное витыми, похожими скорее на руки, чем на змей, волосами.

– Античные боги распроданы на сувениры, – усмехнулся он, откинувшись на спинку веревочного кресла. – Геракл разносит по пляжу пончики, Афродита прислуживает в таверне, а кентавры бастуют.

Она молчала, повернув к нему прямой классический профиль. Официант расставил на столиках свечи, и огоньки колебались, отражаясь в опустевшем стеклянном кувшине.

– Эллада ушла в небытие. Теперь очередь за Грецией. Вон там, – он показал рукой на цепочку огней, дугой опоясывающих старую рыбацью пристань, – понастроят сетевых отелей, вместо пиний поставят пальмы в горшках, а водоросли до последнего листочка пустят на детокс.

– Эллада? – Она повернулась и посмотрела в его смеющееся лицо зелеными, прозрачными, пожалуй излишне, на его взгляд, накрашенными глазами:

– О нет, она никуда не ушла. Она здесь, она гораздо ближе, чем вы думаете.

Медленно, цепляя слово за слово, они дошли до гостиницы. Маленькие двухэтажные виллы с продуваемыми балконами отделялись друг от друга деревьями, усыпанными цветами, как клумбы.

Он так и не понял, договорились они или нет. Свет в ее комнате горел неярко, будто включила она только ночничок у кровати. В дверном проеме на балконе пузырем билась штора. Он постоял, колеблясь, прислушиваясь к отдаленным людским голосам, стрекотанию цикад и мерным ударам при-

боя. Коротко засмеялся и, опершись руками на перила, ловко вскочил на балкон. Отодвинув скользнувшую кольцами штору, он шагнул в полутемную комнату.

Прямо на него с противоположной стены смотрело темное лицо, и длинные блестящие пряди шевелились, как живые. Он окаменел.

– А я думала, вы не решитесь, – пропел откуда-то из угла женский голос, – что же вы замерли?

Щелкнул выключатель, и свет резанул глаза. Он зажмурился на секунду и, разжав ресницы, увидел свое побелевшее под давним загаром лицо, отраженное в круглом без рамы зеркале, и мокрые волосы, которые веером раздувал тянувший с моря сквозняк.

– Дурь какая-то. – молодой человек передернул плечами, отгоняя морок, и огляделся.

Простота обыкновенного гостиничного номера – поцарапанный журнальный столик, тарелка с общипанной виноградной кистью, полуразобранный чемодан, светлый сарафан, комком брошенный на кресло, – восстановила дух и вернула к цели. Кровать, узкую, как фелука, накрывала тень, но под туго натянутой простыней легко угадывался рельеф.

Ему вдруг стало душно. Душно и муторно, как бывает, когда в нос и горло попадает морская вода. Он даже почувствовал вкус ее, прижал ладонь к гортани, как бы помогая дыханию, и судорожно сглотнул.

Белая ткань съезжала вниз, словно кто-то тянул ее за дру-

гой конец, словно готов был этот кто-то явить миру блистательный милосский мрамор, но нет! Извиваясь, скользил, шевелился, сверкал змеиной чешуей черный клубок, и высвечивалось в сердцевине его удлиненное, жестокое, будто вырезанное на гипсе лицо. Гадкий йодистый запах водорослей подкатил ко рту.

– Ну что же вы, что же, я жду, – брызгами летели слова, тянулись, манили бурые склизкие руки, и взгляд зеленых прозрачных глаз ударил ему в лицо, как прибор.

УЗЕЛЬЦЫ ТРИ ЗЛАТА

Записки о паломничестве в Бари.

Я люблю ездить в паломничества. В короткие, как, например, в древнюю деревенскую церквушку под Новгородом, в долгие – в таинственные пещеры Инкермана и почти недосягаемые горные монастыри Пелопоннеса, счастливо сочетая духовную пользу со страстью к истории и полным незнанием географии. Люблю путешествовать одна, произвольно меняя маршрут и пристраиваясь вдруг к группе тетушек с круглыми славянскими лицами и в люрексовых платках, семенящих за деловито шагающим молодым батюшкой, и, стоя в разноязыкой толпе, петь с ними акафист. Но интереснее всего и «пользительнее» паломничать с теми, кого любишь.

Мне Бог дал, по великой милости своей, дружбу с воспитанницами приюта «Отрада» Черноостровского женского монастыря города малоярославца. Не раз и не два присоединялась я к этой замечательной компании в их поездках.

В декабре на праздник Николы Зимнего оказались мы вместе в итальянском городе Бари, который восьмой век хранит мощи великого святого. Почти зримым участником нашей экспедиции стал знаменитый русский путешественник Василий Григорович-Барский, чьи «Странствия по святым местам Востока» придали всему, что произошло с нами в Бари, колорит и глубину.

Глава I

Тепло и bello. Вверх по витому балкончику карабкается Санта-Клаус в красных пижамных штанишках, на витринах рассыпались бумажные звезды, склонились над пустой колыбелькой цветные фигурки... Не прогнал декабрь жителей Бари с улочек, для большей близости скрепленных круглыми арками, узеньких, каменных, похожих на коридоры коммунальных квартир.

На застланном клеенкой столе женщины в пестрых платьях чистят овощи, ловко огибая тазы несутся мотороллеры – presto! – в тарелках, расставленных прямо на мостовой, плавают, распахнув створки, ракушки, топорщат мокрые иголки морские ежи, свернулся в ведерке упавшей звездой осьминог. От окна к окну, как флаги и транспаранты, колышутся простыни; присел в уличном кафе выпить

сарруссіно – прямо перед тобой свисают бесстыдно расстегнутые джинсы. Из маленьких угловых ниш выглядывают игрушечные мадонны. С гладких глянцевых веток свисает крепенький лимон, размером чуть больше грецкого ореха, – так и тянет обхватить ладонью его пупыристую прохладную поверхность. Пахнет стиральным порошком и морской солью. Вместе с улочкой сбегашь к морю. Прозрачная волна бьет о парпет полоску перепутанных водорослей, фонари на тонких стебельках бегут вдоль набережной, ветер холодит лицо, йодистый, терпкий, манящий.

Я кружу по средневековому плетению улиц, башенок и мраморных раковин с тоненькой водяной струйкой, тщетно пытаюсь остановиться и приступить наконец к рассказу.

«Стоить же Барь-град на веселомъ полю, далече от горь, яко едва зрятся отъ тамо, на мьсть равномъ, пьщистомъ, на самомъ брезь, яко отъ единия страни ограду его омочаетъ волна морская. Строениемъ костеловъ, монастырей и домовъ есть льпотень, народу въ себъ живущего иматъ много, такожде и отъ приходящих на поклонение по морю и по суху есть множество. Градь той оградою каменою огражден есть льпо, съ врати отъ камене съченого зданными»*.

Поздним воскресным вечером в июле 1724 года у городской стены, привалившись спиной к корявому стволу оливы, сидел усталый паломник в черном запыленном плаще и соломенной капелюхе. Последние версты перед Бари пришлось брести по каменистой, осыпающейся кромке берега.

Течет в каменные ворота людской поток: такие же, как и он, богомольцы, увешенные образками из обители, кою уже посетили, нищие вереницей, солдаты на костылях, рыбаки со свежим уловом, торговцы с корзинками, монахи на осликах с впалыми боками. Уныло глядит им вслед Василий

* Здесь и далее цит. по: *Григорович-Барский В. Г.* Странствия по святым местам Востока. Часть I. м., 2004.

Барский – на ночном переходе пропали у него документы дорожные. «Паломник без патентов, – вздыхает он, – что воин без оружия, что птица без крыл, что древо без листвия». Предстояло пешеходцу, переночевав в придорожной гостинице, поутру несолоно хлебавши двигаться в Рим. Но не могло так бесславно закончиться двухлетнее путешествие Барского, давно, с юности, замысленное. «Протихомъ зъло прилежно всехъ стражей, глаголюще, яко ми отъ толь далечайшихъ странъ не возльнихомся приити, да видимъ и лобизаемъ мощи угодника Божия, нынъ же тщи отходимъ въ желании...»

Глава 2

Как обычно, мы примкнули к группе воспитанниц приюта «Отрада» и вкупе с ними присоединились к большой компании, объединяющей паломников из разных городов. Спустившись с трапа, слегка возбужденные и чуть заметно тронутые эйфорией теплого чужого воздуха, мы радостной гурь-

бой кинулись к пас-портному контролю.

Толя, как положено единственному мужчине в шелестящей девичьей компании, шел замыкающим. Тут все как раз и замкнулось. Облокотившись на окошечко паспортной будки, он обернулся ко мне и сделал рукой театральный жест: «мне придется улететь завтра». Я замужем 28 лет, ему меня ничем не удивить. Удивилась я девушке в Домодедове, которая, открыв Толин паспорт, не заметила, что его виза заканчивается на два дня раньше, чем у всей группы.

У синей ленточки, отделяющей территорию Италии от ничейного транзитного зала, волновались полицейские. Ни нравы Домодедова, ни привычки моего мужа не укладывались в стройную систему их взглядов. Толе предстояло переночевать в гостинице, утренним рейсом вылететь в Рим и оттуда несолоно хлебавши возвращаться в Москву. Отец Владимир, настоятель православного собора в Бари, единственный, кто располагал официальным статусом русского, бросился на помощь. Он просил продлить визу на недостающие дни, обещал взять «нарушителя» на поруки, клялся, что ни на шаг не отпустит от группы...

Остальные получили багаж и двинулись автобусу. Я добежала до нашей группы, которая тревожно топталась у чемоданов.

– Мать Серафима, у нас проблема. Анатолий Михайлович забыл...

– Молимся за Анатолия Михайловича, – быстро скоман-

довала мать Серафима, повернувшись к детям. – Что забыл?
– Забыл, что виза заканчивается, – выдохнула я. – Будем бороться.

Мать Серафима, ахая и сокрушенно кивая, повела воспитанниц к автобусу.

Анатолий Михайлович скромно сидел на стуле опустив глаза. Вокруг него собрался консилиум. Главный полицейский аэропорта, высокий итальянец с хищным носом благородного разбойника, ожесточенно жестикулировал и кричал так, словно пытался передать штормовое предупреждение уже взлетающим самолетам. Я смогла различить только слово *signorina*, не нашла, куда его приткнуть, и только следила взглядом за полетом рук. Кудрявая красавица в полицейской форме время от времени поворачивала ко мне потрясенное лицо, подмигивала и снова обращала к начальнику глаза мадонны. Седой старик с бархатным бантом на шее, лысый в рабочем комбинезоне и с чемоданом, комендант аэропорта, двое-трое черноглазых полицейских напирали друг на друга, орали, толкали в плечо и патетически вскидывали ладони. В какой-то момент мне показалось, что они давно забыли про нас и решают жизненно важный для них вопрос – ограбление банка например, где сотрудники аэропорта хранили все свои сбережения, или провал на выборах кандидата от местной мафии. Я подкралась к батюшке, который сочувственно слушал, сложив руки на животе: «Это у них обычное дело, – пояснил он, – покричат, а потом будут разбираться».

Я потопталась и спросила, нельзя ли предложить им оштрафовать нас с ног до головы. Батюшка строго посмотрел на меня и сказал, что здесь так не принято. Других идей у меня не было.

Все упиралось в отсутствие консульства. Шлепнуть штамп о продлении даже при обоюдном непротивлении всех сторон технически было некому, а оставить на территории страны после того, как истек срок визы, наверное, невозможно даже у нас. Впрочем, я могу ошибаться.

Итальянцы кричали, спорили, лысый повернулся в гневе и ушел, потом вернулся снова, катя впереди чемодан. Вдруг все разом замолчали и повесили руки. Батюшка наклонился, прошептал на ухо: «Вам повезло, – и приветственно закивал импозантному моложавому господину с улыбкой Мastroяни, который неторопливо двигался к нашему кагалу. – Это полковник финансовой гвардии. Он пришел встречать приятеля, прилетевшего вашим рейсом».

Финансовая гвардия в Италии – это организация, по значимости превышающая Счетную палату, Минфин и Cosa Nostra вместе взятые.

Все оживились. Толю взяли под локотки и торжественно повели по территории Италии. Я, как верная жена, трусила следом. нас посадили в полицейскую машину, впереди шла патрульная с мигалкой, и вся кавалькада покатила к берегу моря. Прямо на песке стояло несколько зданий, отделенных от шоссе глухим каменным забором. над самым большим из

них, двухэтажным, синими неоновыми буквами горела надпись «Guardia costiera» – береговая охрана.

Бари – портовый город. Собственно, поэтому мы и были здесь – несколько столетий назад в этом самом порту пришвартовался корабль, на котором местные моряки привезли из мир Ликийских мощи Николая Угодника.

Власти аэропорта сдали нас на руки береговой полиции, единственному органу в городе Бари, располагающему правом ставить печать, тепло пожали руки и уехали. Милая итальянка открыла сейф, на котором глиняный Санта с трудом удерживал мешок с конфетами, и достала круглую печать на длинной деревянной ручке.

– Пусть никто не скажет, что в береговой полиции нет добрых людей, – торжественно произнесла она и опустила волшебную палочку на открытую страницу Толиного паспорта. Мы заплатили в кассу 35 евро. Прощаясь, муж, по московской привычке, спросил:

– Я вам что-нибудь должен?

– Помолитесь обо мне святому Николаю, – застенчиво попросила Патриция и помахала нам рукой.

Личный состав встречал нас в гостинице крика-ми «ура!».

Глава 3

В странноприимном доме святителя Христова Николая,

находящемся при церкви, в которой почивают его мощи, сошлись в тот вечер десять путников. «Окресть града, – поделился Василий своими впечатлениями с сотрапезниками, – суть много садовъ миг-даловихъ, инное овозие имущихъ, виноградовъ такожде и маслинъ велие изобилие». Изобильна была и трапеза, которую, по обыкновению, давали чужеземным странникам бесплатно в течение трех дней, не пожалел служитель гостиничный и вина. Каждому отвели постель, и Василий, приткнув в углу натруженный посох, уснул сном праведника.

«Заутра же сидехамъ... въ дому и писахомъ книги путешествва своего». Василий вынул из поношенной торбы склянку с разведенной сажей, присел у оконца поближе к нежному раннему свету, – и по пергаменту побежали мелкие убористые букочки: «Азь сие токмо пишу, еже разсмотрех...»

Глава 4

Собор чужой, непривычный: желто-серые колонны, на выщербленных ступенях, поднявши лапы, как живые, – чудные готические двери, окна высокие стрельчатые. Примиряет статуя Николая Угодника, в которой издалека, как только вступишь на брусчатую площадь перед базиликой, узнается родство с Петром Первым, Колумбом и прочими произведениями плодовитого автора. Внутри собор огромен, гулок и гол. С двух сторон нефа крутые ступеньки ведут вниз, в

крипту. Низок сводчатый потолок, с фронтонов спускаются резные цветы и птицы, железной решеткой отделен мраморный, окованный серебром саркофаг. Две лампы на нем, тонкое узкое стекло держат на бронзовых спинах лобастые быки.

«...въ понеделокъ идохомъ въ костель... Вошедшимъ же намъ тамо и созирающимъ, гдѣ мощи Святого опочиваютъ и не обрѣтахамъ. Видехомъ же множество народа с женами и дѣтьми, входящихъ внутрь и исходящихъ вон, по обою страну степенми каменными, тогда уразумѣхомъ, яко тамо суть мощи, и текохомъ абие въ слѣдъ ихъ степенми мраморными шерокими, льпотнѣ созданными, под спудъ великия церкви, деснимъ входомъ, два бо суть тамо входи...»

Месса должна звучать в каждом католическом соборе по воскресеньям, и это фундаментально, недвижимо, как восход. В этом году праздник Николы Зимнего выпал как раз на выходной.

В архивах базилики хранятся письма столетней давности, в которых русские священники, приехавшие приложиться к мощам великого святого, жаловались, что их заставляют снимать облачения прежде, чем они войдут в храм. Ныне жители города Бари, которых мы называем красивым словом «барийцы», к паломникам привыкли. Русское подворье, построенное в XIX столетии, с храмом, где служит отец Владимир, небольшой гостиницей и чудесным парком итальянские власти несколько лет назад вернули России. Городок

«русееет» на глазах. «Карашо, карашо!» – кричат официанты в тратториях, размахивая меню, нарядными, как детская книжка с картинками; «вино», «масло», «оливки» – оповещают покупателей корявые печатные буквы кириллицы; с фотографий, приколотых к стенке в популярной угловой кафешке, смеются Дмитрий Анатольевич со Светланой Владимировной. В сувенирной лавочке у базилики толпятся паломницы, я выбираю подарки – флакончики со священным миром, платки с изображением Николая Угодника, зеленые, желтые, но мне, конечно, хочется такой же, как взяла соседняя тетенька, красный.

– Что, – интересуюсь я, – расхватили?

– Та не, красный она принэсла. Rosso! – кричит тетенька продавщице. – Uno rosso per signora! – И выплескивается из ящичка красный шелк.

«Суть тамо близу церкви комори четыре, продающие сосуди штеклянные, имущие на себь икону Святителя Христова Николая изображенную; сосуди же они великии продаются праздни, ради взятия мира святого Николая, оть мощей его истекающего...»

На весенние и зимние праздники святого Николая в городок Бари прибывают автобусами, чартерами, пароходами тысячи и тысячи паломников. Одних вот нас ни много ни мало – 130 человек.

Крипта полна...

– Радуйся Николае, великий Чудотворче... сверкают золотые облачения священников, поет Сретенский хор, поют наши девочки, стоя ровным рядом перед саркофагом. Литургия заканчивается. Людские водовороты, обвивающие батюшек с чашами, напоминают очереди к походным кухням в оккупированном Берлине. Причастившиеся ждут у кованой решетки и по одному идут мимо древней раки, опускаясь на колени у небольшого оконца, проникая в него почти до пояса, тянутся рукой, чтобы дотронуться до стеклянного глазка, едва видимого в таинственной мгле, коснуться вечности, почувствовать тихое дыхание чуда...

«...и отверзе спереди малы дверцы, яко точию человеку можно вползти, и заже малъ свѣтилникъ, да зримо будетъ. Вльзохъ же и азъ по немъ...»

– Радуйся Николае, великий Чудотворче...

Отец Августин, улыбаясь с той стороны решетки, командует: «Поем!» мы запеваем дружно, по-солдатски, пропускаем вперед детей, перемещаемся к подносам с низенькими стаканчиками... В чужой стране, в чужом храме, покрытая сводом величавой славянской речи, объятая чувством неизъяснимой общности со словом литургии, с дыханием не знакомых мне людей, поющих радостно рядом со мною, здесь, на границе времен, стоя перед золотистым в лампадном свете мрамором, не отделяющим нас от торжества чуда творения, я во всей полноте ощутила, что это значит – быть русской.

Глава 5

С каменных ступеней собора благосклонно улыбается приор в белом облачении и круглой черной шапочке.

– Со смирением и радостью уступили мы вам сегодня наш храм. – И добавляет политично: – Впрочем, наши прихожане без мессы не оставлены, в Бари храмов предостаточно.

«...о. настоятель... начать насъ вопрошати: откуда и почто прийшли, и камо грядем. Ми же ответствовахомъ вся, и сказа ему, яко сии странние путницы, отъ странъ московских грядущие на поклонение святыхъ местъ... настоятель зва насъ въ домъ, не далече отъ церкви стоящий, и представивъ намъ трапезу честну, ею же ми удоволившеся, зъло благодарны бихомъ Господеви и оному человеку ибо гладни приидохомъ въ градъ...»

После литургии вся компания традиционно трапезничает в ресторане на берегу моря, а воспитанницы «Отрады» выступают с концертом. мы волочим с собой чемоданы, набитые костюмами, переодеваются хористки в автобусе со сновкой солдат после побудки, репетируют, на радость постояльцам, каждую свободную минуту в коридорах гостиницы. Технической частью, а именно компьютером с записями музыки, камерами, фотоаппаратами и прочей аппаратурой, заведует Анна. Это ее дебют в качестве ответственного работника – до этого она выступала в роли подмастерья.

Стеклянная стена открывала вид на голубое пространство; круглые столы уставлены бокалами, тарелками с морскими гадами и остро пахнущими морскими ежами – местным деликатесом, который мы не рискнули попробовать – хотели, но так и не догадались, с какого конца укусить.

За соседним столиком расположились батюшки, обстоятельно поднимаясь, пели «многая лета» и добродушно смеялись в густые бороды. Мать Серафима бдительно распорядилась:

– Расчищаем площадку и готовимся.

Девочки сыпанули в выделенную специально комнату развешивать костюмы. Анна, облеченная контролем над музыкальным сопровождением, вместе с добровольцами из официантов потащила провода к розеткам. Мы с Толей ослабленно откинулись в креслах и неторопливо рассуждали, глядя на веселых, богатырского сложения, батюшек, о том, как быстро восстанавливается в России коренная порода.

Плавный ход наших мыслей прервался внезапно. Вытянувшиеся лица матери Серафимы и Анны были бледны, как морские раковины.

– Мы забыли в автобусе компьютер, – пролепетала Анна, – что делать?

Мать Серафима опустила голову:

– Будем молиться.

Удар был смертельный. Первый раз благочинная поехала старшей, без матушки, первый раз Анна выступала ответ-

ственной за технику... и сейчас они должны были подойти к руководителю группы и признаться, что концерт сорван.

– Бежим, – сказала я.

Как ошпаренные вылетели мы с матерью Серафимой из ресторана. Обе понимали смутно, что в Италии парковаться в пределах города запрещено даже самокату, но ужас, охвативший нас, был так велик, что мы все-таки добежали до ближайшей остановки и замерли около единственного во всем Бари рейсового автобуса: не наш! медленно и печально мы повернулись и, сорвавшись с места, понеслись обратно в ресторан.

– Не волнуйтесь, с вашими вещами ничего не случится. Они заперты, все в порядке, – удивилась переводчица, оторванная от бокала.

– Нет, – топнула я ногой, – нам нужен автобус. Сейчас. Где он?

– Водитель обедает в соседнем зале, а автобус отогнали на базу, в другой город.

Я бежала, волоча за рукав переводчицу; за мной, лавируя между столиками, неслась мать Серафима; следом за ней семенила, причитая, Анна и двое официантов с проводами. Толя на ходу отсчитывал двадцатки. Для полноты картины мне не хватало только ведра с водой.

– Вы куда? – закричала моя подруга Лена и бросилась за нами.

– У нас беда, – гордо ответила я. – не мешай.

Водитель в белом свитере мирно доедал креветок.

– Я не съел горячего, – простонал он и показал растопыренную пятерню, – пять минут.

– Bambino, – умоляла я, для наглядности хлопая ладонью, как по мячику. Водитель скорбно уронил салфетку в еще полную тарелку и поплелся за нами. Такси стояло у входа.

– Где расположен ваш другой город? Сколько до него ехать?

– Далеко, – посуровел водитель, – минут десять. – И добавил мстительно, видно вспомнив креветки: – И обратно столько же.

– Как медленно он едет, – горевала мать Серафима, когда такси останавливалось и терпеливо ждало красного огонька на совершенно безлюдном и пустом шоссе.

– Мать Серафима, – говорила я, – они и тарелки так же медленно носят, успеем до конца обеда.

До другого города было ехать приблизительно как от начала Тверского бульвара до его конца, если без пробок. Водитель выкатил автобус, раскрыв серебристые ворота, мать Серафима вспорхнула вверх по лестнице и через минуту появилась, прижимая обеими руками к груди чемоданчик.

У входа в ресторан скорбным столбиком замерла Анна. Мать Серафима выскочила из машины, Анна вырвала у нее компьютер, и две тоненькие фигурки нырнули в дверь.

Расплатившись с таксистом, я вышла на набережную. Меня пошатывало. Я чувствовала себя как солдат, вылезший из

окопа. Когда добралась до столика и плюхнулась в кресло, еще только подавали ризотто. Я съела три порции.

Отроковицы в красных сарафанах и серебряных кокошниках плыли по сцене. Анна с деловым видом нажимала на клавиши. Благодичная, ровненькая, как свечка, чуть шевелила рукой, подхватывая звуки песни. Шум затихал волнами. Прервали беседу и прислушались соседние батюшки, перестали стучать вилками паломники, подвинулись поближе сретенские певцы. Защелкали фотоаппараты, застрекотали камеры, замигали вспышки. Из кухни выбежал повар в высоком колпаке, на ходу вытирая руки; из дальних концов зала пробрались официанты и легли перед сценой, как для группового снимка; в дверях столпились водители и гардеробщицы.

– Радуйся Николае, великий Чудотворче...

Глава 6

«...весть путническую нужду и терпение утружден сый до зъла, како во время дождевное, наипаче аще случится долече отъ града или веси, на поле, или въ дубраве претерпева-ет лияние и ветры, ...весь сый хладомъ пронзень и дождем излиянь, измочень, отяго-щень!»

Труль – это маленький конусообразный домик, похожий одновременно на чум и крытый мангал. Двуслойные стены, сложенные из некрупных и неровно подогнанных серых

камней, как крепостные донжоны, и в жару и в холод держат постоянную температуру девятнадцать градусов. Накрытый остроконечными, как шляпы, крышами трулей, городок Alberobello, как огромная сказочная грибница с извилистыми, словно проетыми гигантскими червяками улочками, сползал с холма. Накапывал дождик. По итальянским понятиям, было холодно, мы застегнули куртки и, прыгая по крутым каменным ступенькам, перебрались в обыкновенную часть города.

Моя подруга Лена и ее невестка сидели за столом напротив нас, благонаравно сложив на коленях руки. Мы выуживали кальмаров, заплутавших в гуще макарон.

– Саша купил труль, – ровным голосом сообщила невестка.

– Настоящий? – Лена нагнулась вперед, чтобы не пропустить ни слова.

– Судя по тому, что он звонил из банка...

Они обе выпрямились на стульях и замолчали. Боясь не попасть в тон, я осторожно заметила:

– Будете отдыхать у моря.

– Нет, – махнула рукой невестка, – кто бы ему здесь продал. Он купил на вывоз.

Мы замолчали.

– И куда же он его поставит? – спросила Лена.

– Вот в чем вопрос, – ответила невестка и снова затихла.

Было слышно, как за соседним столом делят пиццу.

– Догадываюсь, – выражая покорность судьбе всем своим видом, сказала Лена, – ко мне на дачу! – и обвела взглядом наши ряды, словно пытаюсь убедиться, что мы оценили ее догадливость.

Я представила каменный чум на берегу Истры и зажмурилась:

– А коляска туда войдет?

– Две коляски, – уточнила Лена.

Мы снова замолчали. Невестка меланхолично чертила черенком вилки по скатерти какие-то линии, видимо прикидывая соотношение размеров коляски и входа в труль.

– Стойте! – закричала я, словно они сорвались с места и побежали за линейкой. – А как вы его довезете до Москвы?

– Вот в чем вопрос! – вскрикнула невестка и захохотала, как Комиссаржевская.

– Пусть сам договаривается, сам. – Лена напирала на последнее слово с отчаянной решимостью матери, впервые отправившей ребенка одного переходить улицу.

– Вы обе, – заметила я, – производите впечатление очень толерантных женщин.

Мой муж, который ограничивал свое участие в дискуссии ловлей кальмаров, поднял глаза и задумчиво посмотрел на меня, прикидывая, видимо, что ожидало бы его, приволоки он труль к нам на дачу.

В ресторан вошел Саша.

Он сел за столик и насыпал себе в тарелку кальмаров.

– А где труль? – спросила Лена, видимо еще на что-то надеясь.

– В номере, – ответил Саша, не переставая есть.

Я представила себе, как Саша и три портье натруженными руками впихивают в лифт эту бандуру, и пододвинула к нему поближе пиццу.

Не отрываясь, мы следили за движением его вилки, словно он месяц боролся с перемежающейся лихорадкой и наконец согласился съесть ломтик хлеба.

– Как он пролез в дверь? – вежливо поинтересовался Толя.

– Кто?

– Труль.

Саша положил вилку и с некоторым недоумением оглядел наши лица, полные, как у детей на елке, ожидания хлопушек, разноцветных огоньков и страшного волка. Мы насторожились.

– Я купил детям вертеп, – отдельно произнес он, – в виде труля.

– И туда нужно будет совать фигурки? – осторожно уточнила я.

– Придется совать, если выпадут, – пожал плечами Саша.

Лена глубоко втянула воздух и рубанула с последней прямотой:

– А какого он размера?

Ее сын очертил ладонью параметры «Киевского» торта.

Некоторое время мы в молчании наматывали на вилки макароны.

– Где же мы будем отдыхать летом? – вздохнула Лена.

– Вот в чем вопрос, – пискнула невестка, прикрыв рот салфеткой.

– А вы обратили внимание, – сказал Толя, самый добрый из нас, – что в вертепах, которые выставлены здесь во всех витринах, не хватает фигурки младенца. Должно быть, ее подкладывают в ночь Рождества, с последним ударом колокола.

Глава 7

У благочинной на следующий день был день рождения...

Стратегический замысел состоял в том, чтобы мать Серафима, проснувшись утром, обнаружила у себя на столике цветы («Скромный букет», – подчеркнула Анна) и подарок. Подарок был готов. Дело было за малым. За цветами. Однако за всеми волнениями мы вспомнили о них только после триумфального концерта.

– Кто у нас выдающийся пиарщик? – сказала я Лениной невестке. – нужен букет.

– Где она достанет ночью цветы? – кинулась Лена, которая всегда встает грудью при малейших по-пытках побудить младших членов ее семьи двигаться.

Галя сдалась не сразу:

– Дайте мне двадцать минут, и цветы будут.

– Тридцать, – милостиво согласилась я, – а мы пока выпьем чаю.

Невестка подошла через полчаса, и по ее повешенному носу было видно, что Лена права.

– В Бари нет цветов, – развела Галя руками.

Окрыленная успехом с компьютером и неискоренимой привычкой показывать пример, я демонстративно вздохнула и поднялась:

– Всему вас надо учить. Ладно, так и быть, смотри. Можешь даже записывать.

Трапеза подходила к концу, официанты, ухватив тарелки веером, бегали между кухней и залом, Сретенский хор сидя допевал «Кудеяра», у входа разбирали шубы. Анна сворачивала провода, не теряя из виду чемодан. У темнеющего окна, за стойкой, бармен с лукавыми черными глазами складывал в белые столбики чашки. На краю у термоса с кофе стояли цветы, рождественские звезды, красные листья которых расцветают перед Рождеством.

– А ты говоришь, в Бари нет цветов, – сказала я Галине снисходительно. – Принеси две салфетки и встань справа.

Я взяла в руки глиняный горшочек и принялась рассматривать, словно прежде ничего подобного не видела, листик за листиком. Бармен мельком взглянул на меня и подмигнул:

– Bello?

– Bellissimo! – согласилась я, как платок на ночник наки-

нула на цветок салфетки и быстро двинулась в сторону гардероба.

– Учись, – сказала я.

– Signora! – завопил бармен и выскочил из-за стойки. – Allora, signora!

«Ну и денек», – подумала я.

Бармен что-то крикнул официанту, и они вдвое бросились ко мне. С цветка предательски сползли салфетки. Запыхавшийся бармен схватил меня за руку:

– Uno momento, signora, uno momento!

Официант вынырнул из-за его спины. на вытянутых руках он держал высокий глазированный торт.

– Per bambini, signora, per bambini!

«...случися пойти вкупь съ другомъ моимъ до единого Францешканского конвента, си есть монастыра, ради прошения сньди, идъже единъ отъ братий тѣх, имьяй любовь Божию и ближняго въ сьрдцу своемъ, изнесе намъ хльба бѣла и чиста...»

Красный рождественский цветок спрятали в соседней комнате и ночью по балкону передали в комнату благочинной. Потом мы великодушно рассказали ей правду. Мать Серафима ахала, ругала нас, но было уже поздно – мы ехали в аэропорт.

«Тогда же ми за вся, яже видѣхомъ и слышахомъ, Богу благодарение сотворши и Его угоднику Святителю Христову Николаю, изийдохомъ отъ Бара града того же дне, въ среду,

июля 1724 года, предъ захождениемъ солнца».

ЛЕТО ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Глава 1

Солнце еще не спустилось ниже первых этажей. В угловом кафе пьют капучино загорелые мужчины в оранжевых комбинезонах; у обувного магазина меланхолично машет венником ацтек, цветом лица не отличимый от своего товара; гуськом пробежали, уткнувшись в карты, японцы в разноцветных панамках; воздух тяжелеет, мешается с выхлопами уборочных машин, солнечный прямоугольник медленно наползает на витрины. Стрекочут мотоциклы. Ацтек из обувного магазина поднял жалюзи и открыл миру смуглые кожаные сандалии; проснулся короткохвостый пес, дремавший в мраморной нише вместе со своим бездомным хозяином; просеменили сестрицы в белых крылатых платках; проплыла красавица негритянка из рюкзака, свисавшего с могучей шеи, похожий на Пушкина младенец косил блестящим глазом; ацтек безмолвно замер у входа. Прохожие несли упаковки с водой, толкали впереди себя тележки с чемоданами, кричали в мобильные телефоны: «Pronto! pronto!»; бармен, стоя на пороге, орлиным взором оглядывал заполняющиеся столики, запел колокол на Maria Maggiore. Вечный му-

равейник кипел, расплачивался, листал путеводители, перекликался, звенел, выгуливал собак, облизывал мороженое, курил на ходу, выпрашивал монету, закусывал, молился, хотал, – солнце накрыло город с головой, и наступил день.

Глава 2

– Строимся! – скомандовала мать Серафима. Со скоростью сверхсрочников мы разобрались на пары и двинулись к автобусу: 25 воспитанниц приюта, их воспитатели – сестры подмосковного монастыря и хормейстер Евгений Иванович.

Первая остановка – храм Святой Праскевы. Тень мраморной колоннады, древний портик низко навис над входом... а вход закрыт. Снова в автобус – слева быстрый Тибр, белые шляпки тентов вдоль берега... Храм Святого Георгия Победоносца. У входа – нарядная толпа, цветы, охрана. Свадьба! В наших рядах оживление: головки склонились в кружок, беглый анализ наряда невесты, однако надо ждать...

– Что-то мы не с того начали, – задумчиво говорит матушка, – поедем-ка мы сейчас в православный храм, помолимся, акафист споем, нам святая Екатерина и откроет дороги.

Острроверхий пасхальный купол, блещет золотая маковка, высокая лестница с балюстрадой (как в Риме без лестницы!); родная речь – день всего не слышали, а кажется, будто в прохладную волну окунулись.

Тяжело поднимаюсь, отстаю. Болит голова после пере-

лета, после душевной ночи. Второй год болит после неудачной зубной операции. Сажусь на стул у входа, на слабеньком сквознячке.

– Радуйся, ликующая со священными девами на небеси. Радуйся, Екатерино, невесто Христова премудрая, – гулко доносится из храма, а у меня круги перед глазами и давит затылок.

Нетерпеливая ладошка тербит за рукав.

– Матушка сказала всем прикладываться! У них сегодня мощи святой Елены!

Матушкино слово – закон.

– Ну тогда помогай!

Две крепкие ручки подхватывают меня под локоть...

Темный ковчежец спрятался в нише, воспаленный лоб чуть касается холодного края: «О святая Елена, не оставь...» Прохлада обтекает лицо, как летний дождь, я поднимаю голову, я легко поднимаю голову, озираюсь, как ребенок:

– Матушка, ушло, исчезло, как не было! Что же это такое!

– Редко вы, Лена, к причастию ходите. – Матушка спуску не даст!

Глава 3

Автобус двигается, останавливается, мы выскакиваем на брусчатую мостовую, ныряем в живи-тельную прохладу мраморных притворов, снова по местам.

– Посмотрите направо, дети, это Castel Sant'An-gelo, – остановка, – а это тот самый колодец, – все свесились в колодец, – а вот здесь – видите развалины? – на этих ступеньках убили Цезаря...

«Ликует буйный Рим...» Белые кони влекут золотую колесницу по Via Sacra, Цезарь с кроваво-красным лицом поднял руку в триумфальном жесте... Сыплются розовые лепестки с галереи Золотого дворца, накрывая разнузданную толпу, и корчится над своими забавами Нерон... Бегут по сырому рву львы, разбрасывая пену... Ползает по полу, плача и собирая губкой кровь в свой скорбный кувшинчик, дева Праскева... Присел под хрустальной лестницей незнакомец в родительском доме, Алексей, человек Божий... «Камо грядеши?» – вопрошает Петр, и на пыльной Аппиевой дороге навеки впечатываются следы... Бьет источник в зловонной Марментонской темнице, узники припали к ногам Павла... Сверкают на злом июльском солнце латы, качаются орлы на пиках – не легион, нет – 40 тысяч мучеников походным маршем двигаются в бессмертие... Уронил меч Максенций, и замерло войско императора, и поднял коня на дыбы Константин, и плывет над ними огненный крест... и парит над нами огненный крест, и стоим мы, запрокинув головы, посреди толпы в Рафаэлевых станцах, и слышим глас трубный: «Сим победиши!»

Привал на Капитолийском холме. Волчийца с острыми сосцами высунула язык: жара. фотографируемся. Заткнув пальцем дырочку крана, пьем струйку из настенного фонтана, брызги летят, кропят и тут же высыхают на разгоряченных лицах, мелюзга (числом двое) собирает шишки у подножия корабельных пиний.

Глава 5

Базилика Святого Климента стоит на римской мостовой. Придерживаясь рукой за железные перила, спускаемся по тяжелым каменным ступенькам с верхнего уровня на средний, со среднего – на нижний, пролет за пролетом, вниз, в глубь истории, на улицы Древнего Рима, еще один пролет – и нога опускается на неровно подогнанные темно-серые плиты I века от Рождества Христова, на мостовую, «сработанную еще рабами Рима».

Узкая улица похороненного под слоями эпох города, высокие стены кирпичных многоэтажек с пустыми черными окнами... сыро, чуть слышен шум реки, гул толпы у Колизея.

Два нубийца с факелами выбежали из-за углового дома: дорогу консулу Титу Флавию! Консул – важная птица, двоюродный брат императора Веспасиана. Прыскают в сторону мальчишки-водоносы, прижимаются к стене торговцы, менялы у монетного двора прибирают ближе к ногам мешочки

с драгоценным профилем родственника великого консула. А великий консул благосклонно взирает с носилок на только что отстроенную после Нероновых пожаров улицу – процветает город! – и особенно на свой дом из белого туфа. Однако ни мозаики настенные с дельфинами, ни сверкающий струями фонтан во дворике с пиниями не рассеяли римлянина: был он задумчив, да, пожалуй, и озабочен. Верный человек при дворе эпарха Мамертина донес ему на утреннем приеме, что градоначальник не только подозревает, что он, Тит Флавий, является тайным христианином, но и верное знает, что в доме из белого туфа проводятся запрещенные встречи, и даже про то уже извещен, что богослужения в новом флави-евском приобретении ведет епископ римский Климент.

– Сильно недовольны они, – горячо шептал Титу верный человек, – писцами, которых епископ, на семь частей Рим поделив, направил все гонения на христиан записывать.

Тит брезгливо отодвинулся, вытер забрызганное слюной ухо и про себя добавил: «Особенно имена гонителей».

Как скрыть, если на форуме только об этом и говорят? на праздник Пасхи – Тит сам поставил раба-грека счет вести – 424 человека крестились. Грек клянется, что среди толпы видел даже племянников Траяна!

Над тем, как опростоволосился муж ревнивый и подозри-тельный, уже в Сенате смеются, через весь зал кричали ему сенаторы: «не в твоём ли доме Сессиний ослеп?» не в его. но историю не только Тит – каждый гладиатор, каждая торговка

рыбой на Траянском рынке могут рассказать.

Сессиний, между прочим не последний в Риме человек, сановник, заметил, что жена его Феодора стала вечерами часто исчезать из дома – то ей к подружке понадобилось, то тетушку двоюродную навестить, то братец с войны вернулся. Сессиний, не будь дурак, решил за Феодорой проследить. Что же он обнаружил? Феодора, оказывается, ходит на тайные встречи христиан и вместе с двоюродной тетушкой, подружкой и вернувшимся с войны братцем вечерами слушает проповеди Климента. Сессиний расшумелся, на увещевания куролесил еще больше. Буян в одночасье ослеп и оглох – не было у Климента, видно, другого способа заставить Сессиния замолчать. Так его, притихшего, слуги под руки и увели. Жалостливая Феодора расплакалась, Клименту в ноги кинулась: «Пожалей мужа, гневлив, но отходчив». Епископ, само собой, пожалел. Сам пришел к Сессинию в дом, простил его, наказание снял. И что же Сессиний? Едва глаза открыл – снова стал скандалить и безобразничать. Слуг поднял: «Тащите, сукины дети, Гозмари и Альбертель, тащите вон. Карвончелле, помогай сзади рычагом», – орет, злится и не понимает, почему вокруг хохочут. А слуги-то вместо епископа обломок колонны тащат, прогибаются.

До сих пор весь Рим над Сессинием смеется...

Тит Флавий сошел с носилок и грузно опустился на скамью из каррарского мрамора у высокой корабельной пинии...

...Дымится на пылающем солнце гулкая грязная улица: пробирается виноторговец с высокой амфорой на плече, несет на палке привязанный за ремешки товар торговец сандалиями, волокут корзины с сушеными фидами старухи, заматанные в драные платки, высовывается курчавая головенка с двумя блестящими глазами из мешка, свисающего с могучей шеи красавицы-негритянки, катят телегу с камнями на соседнюю стройку загорелые рабы, вопят торговки рыбой, разливают оливковое масло по кувшинам сириец из угловой лавчонки, торопится лысый писец с длинными пергаментными трубками под мышкой, расталкивая толпу, спешат к Колизею легионеры в кожаных доспехах, истошно орут зазывалы... Ведут по римской мостовой четвертого епископа римского Климента...

– Вот что повелел Великий Император. – Эпарх развернул пергамент и поднял на Климента потяжелевшие глаза: – Либо ты, Климент, принесешь жертву нашим богам, либо быть тебе заточенным в пустынном месте Понта близ Херсонеса...

Замерла римская улица, затихли торговцы, замолчали солдаты. Тяжело Мамертину, жарко, нещадно жжет солнце слезящиеся глаза.

– Прошу тебя, Климент, оставь свои заблуждения, не хули почтенную Афродиту, не бесчесть Геркулеса! Мы же разумные люди! Давай заколем барашка и разойдемся. Ну что тебе стоит?

– Жаль мне тебя, Мамертин, жаль тебя, эпарх, огорчения твоего жаль и слез твоих. Но сам подумай, как разумный человек: могу ли я приносить жертву идолам бесовским, когда известен мне свет правды?

Заплакал Мамертин, приказал слугам вывести в Остийскую гавань крепкий корабль, погрузить на него все, что в путешествии надобно, и удалился к себе в покои и сидел там, повернувшись лицом к стене, чтобы не видеть, как сотни римлян потянулись в Остию, как снарядили галеры и как двинулись вереницей к Понтийскому морю вслед за Климентом в пустынное место близ Херсонеса...

...Низкий свод. Алтарь с престолом, маленькие окошки, выточенные из камня, неровные стены – своими руками вырубил первый храм на Русской земле блаженный Климент. Здесь, в инкерманских камено-ломнях, продолжал он свою проповедь, исцелял, являл воду страждущим, крестил узников...

...Мчится по римской мостовой всадник Авфидиан, мимо курии, мимо Колизея, мимо дома из белого туфа – дома опального консула Тита Флавия. Долго будет скакать Авфидиан до Остийского порта, долго будет плыть Авфидиан по Понтийскому морю, долго будет терзать Авфидиан инкерманских христиан, долго будет смотреть с берега Авфидиан, как удаляется от края воды лодка, в которой рабы везут блаженного Климента, привязав ему на шею железный якорь...

Дворик с корабельной пинией и звонким фонтаном слой

за слоем, век за веком засыпали щебнем, песком, мелкой галькой, накрыли каменным сводом – и превратился дом из белого туфа в базилику с обширным нефом. Фривольных Флавиевых дельфинов сменили рыба, чаша и корабль...

Неспокойно Понтийское море, беспокойны и братья Кирилл с Мефодием; мечется суденышко по волнам, озабочены книжники невеселыми мыслями. Константинопольский патриарх Игнатий даже смотреть не стал на новую азбуку: «Как помыслить могли, – кипятился он, – Евангелие на варварском языке читать. нет такого языка – славянского!»

...Не пустынное уже, напротив, густозаселенное место Херсонес Таврический – четыре храма за городской стеной, один из них и вовсе четырехапсидный. Сотни монахов в инкерманском монастыре подвизаются. Сам нерадостен, встречает моравских братьев епископ таврический Георгий: «Восемь веков, по словам святого Климента, в день его имени расступались понтийские волны. С песнопениями шли паломники по морскому дну, водорослями и ракушками покрытому, разбивали шатры и возносили славу у мраморного гроба, в нетленности хранившего святые мощи. И вот уже пятьдесят лет как сокрыты под водяным спудом и железный якорь, и гробница, ангельскими руками возведенная. Всем миром вечером двинемся ко берегу, будем в грехах каяться и умолять прощения».

Полный день епископ и бывшие с ним молились, стоя на корабле. Не дрогнуло Понтийское море. Как стемнело, Геор-

гий поднялся, ни слова не говоря; отвернув поникшую голову, махнул рукой капитану: возвращаемся. Корабль повернул к берегу. Небывало светлая луна поднялась над теплыми водами и бросила дрожащую серебристую дорожку под ноги Кириллу. В ясном, почти дневном свете увидел он, охваченный восторгом, как над волнами показалась сначала глава, а потом и все нетленное тело великого святого...

Скачет по Аппиевой дороге всадник, бьет солнце в затылок, лицо в пыльных подтеках, конь взмылен. «Кто таков? Что в Рим несешь?» – кричит стража у городских ворот. «Весть несусь Адриану, папе римскому! Корабль к Остийской гавани пристал, братья-книжники из хождения вернулись, мощи святого Климента везут!...»

Со святым покровительством великомученика Климента принесли создатели славянской письменности папе Адриану богослужebные книги, написанные новой грамматикой, и свершилось чудо – папа Адриан на такой радости дал свое благословение. В базилике святого Климента впервые прозвучала служба на славянском языке.

...Опираясь на железные перила, поднимаемся вверх, оставляя за собой первый век, четвертый, восьмой, двенадцатый... Солнечный свет прямоугольником лежит пред алтарем, тяжелый мраморный саркофаг накрыт покровом с золотым якорем. Над головой мозаично-изумрудные ветви древа жизни. направо славянский придел.

– Дети, – продолжает рассказ матушка, – здесь с восьмо-

го века благоговейно хранятся святые мощи основателя славянской письменности Кирилла.

Тихо льется славянское песнопение: «Радуйтесь, всем грешным пред Богом блазии заступницы... Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостоли и богомудрии учителя».

...Все дороги ведут в Рим, но как много дорог начиналось из Рима...

Бьются волны Понтийского моря о берега Тавриды, лагерь стоит под стенами Корсуни. У расшитого шатра сидит, уронив у ноги круглый шлем, князь Владимир Святославович: «А еще пиши императору византийскому, – диктует он лысому писцу, – что за дочь его Анну готов отдать вено – город Корсунь или, как греки кличут, Херсонес». Хохочут дружинники-варяги, хлопают себя по бокам, головами мотают от смеха: кто, кроме природного Рюриковича, может предложить за принцессу только что захваченный у императора город? «Жду даров свадебных, пришлет пусть поболее книжной премудрости, священников греков и святынь христианских, которым мы, крестившись, поклоняться будем».

...Киев. Мать городов русских. Народ толпится у Десятинной церкви. Молодухи в платках встают на цыпочки – одним бы глазком на заморскую принцессу глянуть! Шелестит шелковый узорный сарафан, горит на солнце золотой убор, в красном княжьем кафтане выступает Владимир Красное солнышко с молодой женой. «А вот этот придел,

други, мы назовем Климентовым». – Владимир Святославович снял украшенный золотым шитьем покров и передал в руки священнику серебряный ковчежец, священный дар византийского императора – честную главу великомученика. Первую христианскую святыню на Руси, нетленные мощи святого Климента, защитника и покровителя Русской земли...

– Матушка, а где сейчас честная глава?

– В Киево-Печерской лавре в Дальних пещерах вместе с мощами других праведников и святых. В тысяча девятьсот девяносто втором году, когда монахи распечатали для паломников чудом сохранившиеся после восьмидесятилетнего забвения святые мощи, честные главы нетленные замироточили.

...В Москве на Пятницкой улице стоит красно-белый храм с узорными решетками, храм Святого Климента. Здесь, у «Климентова острожка», как он назывался 400 лет назад, князь Пожарский принял первый бой с польским войском.

«Боже, придоша языцы в достояние Твое, оскверниша храм святой Твой, положиша Иерусалим яко овощное хранилище» (Пс. 78). Во времена большевистских гонений храм был закрыт, но в помещении, по святому покровительству, учинен был не плавательный бассейн, не картофелехранилище, а филиал Государственной библиотеки. Книжные люди, библиотекари, благоговейно сохранили тысячи церковных книг, не повредили византийского иконостаса и древних

рописей...

Девочки притихли на скамье из каррарского мрамора под высокой корабельной пинией. В фонтане купаются голуби, по стенке древней базилики бежит, перебирая лапками, пестрая ящерка, теплый камень скамьи – как живой.

Глава 6

Столики стояли вдоль трамвайных путей, накрытые красными полотнищами.

– Мадре, madre! – завопил официант. Одной рукой он отчаянно жестикулировал, а другой волочил обитый бархатом стул с высокой судейской спинкой. Матушка невозмутимо опустилась на бархатное сиденье, оглядела заполненную едоками, музыкантами и прохожими римскую улицу и распорядилась:

– Молимся каждый про себя!

Звенели вилки, булькала в высоких бутылках вода, носились Клаудио и Марио, вздымая на поднятых руках пылающие пиццы, стрекотали девчонки, звенел трамвай, появлялись и исчезали тирамису, арбузы, мороженое, мелькали опустошенные тарелки.

– Мадре, – вопил Марио, – не надо счет, это от ресторана!

– Дети, давайте мы их отблагодарим. – матушка кивнула, Евгений Иванович приподнялся, вытянул вперед руку, взмахнул – и...

– Под сосною, под зеленою спать положите вы меня-аааа, – вывел тоненький голосок.

Стихли соседние столики, замолчала очередь, застыли официанты со смоляными кудрями.

– Спать положите вы меня, – волной набежали вторые голоса.

Остановились прохожие, из окон высунулись старушки, закутанные в цветные платки, в сердцах захлопнул гармошку негр в белых парусиновых штанах.

– Калинка, калинка... – Евгений Иванович скрючился, склонился над столом (вывернув из-за угла, остановился микроавтобус, водитель выскочил на тротуар и подбоченился, на перекрытой улице тормозили машины, из магазинчика напротив высыпали китайки в узеньких брючках...) и выпрямился во весь рост, поднимая руками сияющие детские голоса.

– Калинка моя-аааа!

Глава 7

Упакованы сарафаны, купальники, босо-ножки и прочая девичья дребедень: хор едет дальше, к морю, в провинцию марке. В городе с волшебным названием Лорето юные певцы станут участниками фестиваля искусств. Маэстро Евгений Иванович переживает: в первый раз девочки будут выступать в сопровождении органа. Мы – я имею в виду по-

клонников юных талантов – не волнуемся нисколько: главное, чтобы орган справился, а уж наши не подведут!

– Строимся! – Девочки рассаживаются в автобус, а я – увы – остаюсь на римской мостовой. Отчаянно машу рукой расплюснутым о стекло носом, огромный аквариум разворачивается и увозит веселую стайку.

Повар в белом, как снега Килиманджаро, фартуке повернулся и, подбросив чуть заметно, скинул с деревянной лопатки пиццу. Переливались перламутром пупырышки оливок, морщились, выпуская на свободу жирок, колбасные кружочки, мягкими волнами лежал сыр, горбилась шершавая корочка, – а запах, запах! – печи и березовых дров, нещадного солнца и синего моря... Запотевшая бутылочка приятно холодит ладонь, пена пузырится и оседает в пластиковом стаканчике... Лето, Рим.

ЕСТЬ ГОРОД ЗОЛОТОЙ

– На одном метре этой земли больше жизни, чем в ином городе, – сказала я, глядя на мальчишек в кипах, которые гоняли мяч на тротуаре, у стены, сложенной из выпуклых камней. Табличка, написанная от руки на английском, русском и иврите, уведомляла, что за этой кладкой пыльного цвета томился апостол Петр.

– Причем так же и в глубину, если копнуть, – ответил Сережа Чапнин, подумал, остановился на секунду и посмотрел

на небо: – А уж если взглянуть наверх...

Мы ускорили шаг, чтобы не отстать от коллектива.

Иерусалимов не счесть. Горластый восточный базар, обнесенный средневековой стеной. Белый западный полис с модными магазинами. Прифронтовой участок с блокпостами и черноглазыми красавицами с автоматами в нежных руках. Памятник основателям, в виде цветущего сада, где к каждому деревцу, к каждому кустику благоуханному подведен шланг с живительной водой. Нищий арабский пригород с кофейнями, где смуглые молодые люди курят за низкими столиками, вытянув ноги. Осуществленная мечта эмигрантов с бойкими людьми, болтающими на смеси русского с ивритом. Город церквей с Русской Свечой, как зовут здесь самую высокую колокольню, мечетями, откуда несется таинственный крик муэдзина, аккуратными греческими храмами и могучими строениями крестоносцев.

И он – Небесный Град.

Чтобы увидеть его, вовсе не надо включать воображение. Он тут, рядом, прямо перед тобой, к нему можно прикоснуться рукою.

Простота и ясность его присутствия так сильна, что, ошеломленный, ты понимаешь вдруг, что всего этого множества городов на самом деле нет, именно оно, это множество, и есть плод твоей фантазии, а на самом деле настоящий только он – Небесный Град.

Скажите, что может чувствовать человек, которому экс-

курсовод, сидящий на первом сиденье автобуса, повернувшись, говорит в микрофон:

– Посмотрите направо. Там Геенна огненная. А налево, обратите внимание, – долина Иософата. Видите кладбище? Очень дорогие места. Ведь именно те, кто там похоронен, восстанут первые, когда наступит час Страшного суда.

Не знаю, как другим, но мне было бы непосильно путешествовать одной. Но я и не одна.

Наша экспедиция разместилась в четырех автобусах. Прихожане, священники нижегородской епархии и сам владыка Георгий, с проседью в черной бороде. Мы с моей дочкой Анютой и другие москвичи, например Сергей Чапнин, на правах гостей.

Я в Иерусалиме второй раз. Впервые сподобилась побывать здесь вместе с матушкой игуменьей и сестрами любимого моего Черноостровского монастыря, что стоит в городе славном малоярославце. Ох и крутило меня тогда. Главное, никак не могла смириться.

– Ну почему, – кричала я мужу (а кому еще могу я кричать?), – почему я, взрослая, самостоятельная тетка, должна подчиняться чужому капризу?

А дело обстояло так. Жили мы, матушкиными стараниями, в Горенском монастыре. Это довольно далеко от старого города, и чтобы добраться до него, нужно было пользоваться такси. Пустяк, казалось бы? Но матушка, которая не впервые путешествовала по этой загадочной восточной стране, каж-

дый раз вызванивала одного и того же знакомого таксиста. Тот, надо заметить, был страшным разгильдяем и непременно опаздывал, да не меньше чем на час, а то и полтора. И этот час, а то и полтора, нам приходилось кантоваться на мощной площадке у ворот Горенского монастыря. Происходила вся эта история, между прочим, в самом что ни на есть августе. Представьте, как я кипятилась, причем во всех смыслах этого слова. Бог весть откуда матушка терпение брала, глядя на мою надутую физиономию. Наконец, муж не выдержал моего напора и предложил один день провести оторвавшись от группы. Матушка не возражала.

Выйдя из ворот, я демонстративно набрала номер такси по вызову. Машина появилась практически сразу. Мы сделали ручкой честной компании и забрались в прохладный салон. Прытко, как школьник, сбежавший с урока, я выскочила из такси, едва машина остановилась у Яффских ворот. За мною, расплатившись, вылез и муж.

Я немедленно захотела пить, ватрушку и новую шляпу. Мы подошли к лавке, где два вертких парнишки давили в стеклянной колбе шершавые гранаты. Я взяла в руки стакан, полный венозно-красного сока, а муж рассеянно полез в карман. Потом в другой. В третий. Короче, кошелька не было. В нем, надо признаться, лежали, обращенные в наличность, все деньги на поездку, карточки и документы.

Мелочь на обратный путь в монастырь наскребли по карманам. матушка только головой покачала, глядя на наши

смиренные лица, с которыми явились мы под ее светлые очи. Вот такая история. Хоть в патерик записывай.

Но теперь-то я ученая.

Первым делом у меня перестал работать телефон.

– Это для того, – назидательно сказала дочка Аня, – чтобы ты сосредоточилась на паломничестве. (Сама-то, между прочим, вечерами торчала

«Вконтакте».)

Потом один за другим начали развязываться узелки. новые друзья, как бы между прочим, щелкали сгустившиеся перед отъездом проблемы.

Вот, например, я давно хочу, чтобы моя книжка появилась в Финляндии, и никак не могу найти издательство. Переживаю.

Сосед вынул из сумки журнал «фома» и помахал в воздухе блестящей белой обложкой с красным пасхальным яичком:

– Как вы думаете, где мы эту красоту издаем? Правильно, в Хельсинки! Вот вернемся – сосватаем и вашу книжку.

Задумала я снять фильм про питерские храмы и их прихожан, но самой не справиться, нужен знающий консультант.

– Я сама найду тебе героев, – улыбаясь, предложила Наташа Родоманова.

Мне хорошо знаком ее голос. Моя мама, которая в силу возраста передвигается мало, в пасхальную ночь смотрит по телевизору службу из Петербурга. Я всегда остаюсь дома с

мамой, и мы вместе слушаем, как Наташа ведет трансляцию из Казанского собора. Голос знаю, а саму ее, во плоти, увидела впервые. Плоть вполне под стать голосу – жаль, что во время трансляции ведущих не показывают.

– А это все для того, – поучает меня моя образованная дочь, – чтобы ты не суежилась, а во всем привыкала полагаться на волю Божию.

– Я вижу, как ты не суежишься со своим хвостом по философии.

– Мама, ну что ты все переводишь на пустяки!

– У меня самого, в смысле чудес и искушений, – Сергей деликатно уводит разговор от неприятной темы, – паломничество началось еще до отлета на Святую землю. Вечером схватился – нет паспорта. Три часа искал, уже почти отчаялся, нашел все-таки во внутреннем кармане куртки. Утром – продолжилось. Такси, которое с вечера а заказали, не пришло. Якобы пробило колесо. Ждал, препирался с диспетчерами. Махнул рукой и поехал на своей. Еле-еле успел. Спасибо, отец Виталий сумел договориться, чтобы меня после окончания регистрации все-таки посадили на рейс.

Становилось жарко. мы стащили с себя сначала куртки, потом свитера и кофты с длинными рукавами. Кстати, заметила недавно, что сложился типичный наряд православной прихожанки: длинная свободная юбка, в цветок или широкую полосу, нарядная светлая блузочка, туфли на низком каблуке, чтобы ноги не уставали стоять долгие службы, и лег-

кий шарф – именно шарф, а не платок, элегантно переброшенный одним концом за плечо. Очень красиво. мы с Анютой, как всегда, выпадаем. Ребенок строг. Белый верх, черный низ. Тугой платок. А я – как придется: джинсовая юбка, свитерок навывпуск, шарфик сползает на затылок. И обе в кроссовках.

Итак, мы ускорили шаг.

Впереди нашей группы двигался, перепрыгивая через плоские ступеньки, экскурсовод по имени Павел, замыкал шествие отец Василий.

Мы шли по Виа Долороса.

Ух, как припекало. Как нестерпимо жгло солнце, как хотелось пить и сохли губы, как кричали торговцы водой, жая барабанные перепонки своими высокими истошными головами, как резок был и прян запах жел-того шафрана, как тянуло забиться в узкую полоску тени, ползущую от низких домов с террасами... Проклятый город Ершалаим! Стоп, хватит.

Мы сгрудились у второй станции. Темница, где уже осужденный, уже подвергшийся бичеванию Господь ждал исполнения свой судьбы. Крутая лестница спускается вниз, в узилище. Каменный мешок со скамьей. Сырой, гнилостный запах. Ступени ведут еще ниже: камера, где сидел Варавва и тот, другой, благоразумный разбойник. налево от входа – греческий храм, небольшой, группа набивается впритык. Владыка Георгий служит молебен, и гулко звучат его слова.

– Сейчас вы пойдете по крестному пути Господа нашего, Иисуса Христа, – говорит он, обернувшись к нам грустным лицом. – Пусть этот путь откроется перед вами, как вся ваша жизнь.

Народу на улице – как на демонстрации. Мусульманки в длинных тяжелых пальто и хиджабах, по-пушкински кудрявые эфиопы в белых, как простыни, бала-хонах, лощеные иудеи с витыми пейсами, туристы в шортах. Как таран, несут наперевес огромный крест бразильцы. Поют сосредоточенно. Пряча руки в широкие рукава, – неужто замерзли? – пробегают стайка монашек. Шагает энергично русский батюшка, за ним – выводок круглолицых тетенок в платках. Скользит сквозь толчею длинноволосый босой монах, красавец писанный. Кричат зазывалы, у серебряной лавки, где лежат навалом узконосые кувшины и пыльные лампы Аладдина, торгуется семейство американцев, толстый араб крутит веретено с кебабом, пахнут ванилью сладости, и льется холодный лимонад. Роскошные ковры и молитвенные коврики, жемчужные нити, гребни из оливкового дерева, библейское масло – нард – и перламутровые радужные раковины.

– Да что же это такое? – сержусь я. – Самое драгоценное для всего человечества место, а что здесь устроили? Базар-вокзал!

– А как бы ты хотела, чтобы это выглядело? – спрашивает дочь. – музей под открытым небом? Под стеклянный колпак?

Еще утром они кричали: «Осанна!» Но только Вероника

выйдет на порог и протянет Ему свой платок. Молча.

– А вы знаете, – говорит Сережа Чапнин, – что если бы хоть один человек из толпы вступился за него, то судьям бы пришлось отдать дело на новое рассмотрение?

– Только один? – спрашивает Аня. Она восторженно смотрит на обгоревшее Сережино лицо. Ей льстит, что она, студентка, может запросто разговаривать с настоящим главным редактором и даже называть его по имени.

– Только один, – подтверждает Чапнин и, словно в поисках этого одного, оглядывает кипящую вокруг нас толпу. Встряхнув рюкзак за спиной, он бодро ныряет в самую гущу, и мы семеним за ним, стараясь не терять из виду его светлую голову с перехваченным резинкой хвостиком волос.

– Русский хорошо! – завопил торговец, тыча в нас какими-то буклетами. – Америка капут!

– Дожили, – проворчала я, – они считают, что нас это должно порадовать.

– Не обращай внимания, – бросил Сергей через плечо, – это у них всю жизнь, без всякой связи с нами!

– Мама, не отвлекайся на политику!

Меня одергивает, а сама застряла у прилавка с рахат-лукумом, липким и прозрачным, как витражное стекло. Так и тянет взять розовый кубик двумя пальцами за сахарные бока, поднести к прищуренному глазу и рассматривать сквозь него золотое солнце.

Делать из этого места музей – все равно что на-крыть

стеклянным колпаком саму жизнь.

– В этой кафешке хорошо пересидеть дождь, – сказал Павел.

Он вел нашу кампанию, петляя между столиками, коврами, распластанными прямо на тротуаре, меланхолическими игроками в нарды и многоцветными, как муранское стекло, рядами кальянов. По виду местечко напоминало фургон, четвертой стены у него не было, а проем плавно перетекал в следующее заведение, в котором стены отсутствовали и вообще мы расположились, словно на галерке, и через головы едоков и курильщиков наблюдали людское коловращение.

– Я как-то просидел здесь с туристами несколько часов. Сбежал к Яффским воротам за ракией...

– А что, разве здесь есть? – встрепнулись мужчины.

– Что вы, здесь конечно нет, – обычное для Павла сосредоточенное выражение лица, словно он все время внутренне нас пересчитывает, на минуту приняло строго плакатный вид. – Но с собой, – он пригнул голову, будто раскрывал большой секрет, – с собой – можно.

О ракии, впрочем, на таком солнцепеке думать не хотелось до отвращения. А вот о дожде... Я представила, как вдруг разойдутся хляби небесные, жаркие и как хлынет ливень и кинутся под навесы зазывалы, бросятся врассыпную продавцы, роняя по дороге серебряные блюда, расшитые бисером платья, кожаные сандалии, которые зовут здесь апостольскими, побегут, раз-гоняемые неожиданным потоком во-

ды, как бежали торговцы из Храма...

– Я думаю, – задумчиво протянул Сергей, – у нас этого уже больше никогда не будет.

– Чего не будет? – встрепенулась я. – Дождей?

– Нет, я имел в виду, – он покачал подбородком в сторону россыпи сувениров, – лавок, например, которыми по триста лет владеет одна и та же фамилия.

– Тут не только лавки – ключи от самого храма Гроба Господня с двенадцатого века принадлежат одной семье. Это право им подарил Сулейман Великолепный, когда покорил Иерусалим. Причем правом открывать этими ключами двери владеет другая семья, – профессионально включился Павел.

«Как странно жить обыденной жизнью внутри чуда, быть в каком-то смысле его частью», – думала я.

Мы знаем, что брошенный предмет всегда упадет вниз, а не полетит, расправив крылышки, в облака. Точно так же они знают, что прадедушка отмыкал замок в дверях храма, что правнук будет хранить ключи в заветной шкатулке сандалового дерева и что когда наступит урочный день и час, то он вернет доверенное – тому, кого пошлет за ним Творец всего сущего. По крестному пути они каждый день идут на работу, а библейские стены укрывают их от непогоды. Мы же – как дети, перед которыми внезапно распахнули двери, и они топчутся на пороге, пораженные дивной красотой рождественской елки. Стоим и ждем. А нас здесь ждут?

– А ведь у нас больше свободного времени не будет, – вмешалась Наташа. – Вечером крестный ход, ночью – литургия. Когда же мы с вами к самому Гробу Господню попадем?

– Имейте в виду, – заметил Павел, – там очередь часа на два, не меньше.

– А как-то обойти это дело нельзя? – честно, по-нашему спросил один из нижегородцев. – ну, договориться с кем-то, пусть проведут.

– Заманчиво, конечно, – вежливо ответил западный человек Павел, – но я бы не взялся.

– А во время ночной литургии, – подступилась с другого конца Наталья, – можно будет зайти в кувуклию и приложиться к Гробу?

– Вообще-то можно, – уклончиво согласился Павел, – но там могут идти службы, и вас не пустят.

Народ томился. Быть в Иерусалиме и не попасть к самой его сердцевине – сам себе потом не простишь, но и двухчасовая очередь энтузиазма ни у кого не вызывала.

«Вот, – подумала я, – удачный для меня случай: преодолею лень и за народ постою».

– Давайте так, – сказала я вслух, – я пойду держать очередь, а вы все допивайте спокойно кофе и бродите по лавкам. А время от времени заглядывайте и проверяйте, как я движусь.

Анюта схватила сумочку.

– Слушай, – удержала я ее руку, – ты же не хочешь, чтобы

мама волновалась. Давай договоримся: приходи ровно через тридцать минут. Если еще далеко буду стоять, пойдешь гулять дальше.

– Хорошо, – уже на бегу крикнула дочка и смешалась с толпой. Не люблю я, когда она уходит одна. Но ведь и удержать взрослую девицу при себе никак невозможно. Я вздохнула над вековой родительской дилеммой, оперлась на стул, чтобы не ступить на больную ногу, – старая травма от хождений и от жары ныла, как новая, – и двинулась к храму, благо недалеко. Да там все недалеко.

Очередь обвивала кувуклию плотным кольцом, человек по десять в ряд, повторяя очертания ротонды. Колонны уходили вверх, в круглый сумрак купола. Я встала в конец. Справа от меня жалась семья казахов. Мать семейства шевелила губами, как школьница, приблизив к глазам раскрытый молитвенник, а отец, его лица я так и не увидела, переступал вместе с колыханиями толпы, не отрывая руки от стены кувуклии, и, двигаясь, словно вычерчивал на ней полосу. Впереди вытягивали шеи японцы.

В саму кувуклию, храм в храме, укрывающий место погребения Господа нашего Иисуса Христа, пропускают человек по пять, по шесть. И когда последний из допущенных, пригнувшись, выходил обратно на свет, плотные ряды, словно одновременно, делали глубокий вдох и, выдохнув, волной сдвигались вперед. Позади меня пристроилась группа русских паломников. ну, наших тетенок учить держать очередь

не надо. Приняв форму ядра, они двинулись вперед. Не прошло и нескольких минут, как японцы, которые даже не заметили, как их оттерли, остались позади, мои робкие соседи-казахи вдавились в стену кувуклии, а я, в силу причин, которые ничем, как зовом родины, объяснить не могу, оказалась внутри компании соотечественников и, подпираемая крепкими русскими боками, поплыла по воле волн.

«Куда мы рвемся, – думала я, глядя в целеустремленные славянские лица под шелковыми шарфиками. – Куда спешим мы, прибежавшие в одиннадцатом часу, запыхавшись и расталкивая локтями тех, кто стоит здесь с самого начала? Все расхищено, потеряно, разбазарено без всякого смысла и толка. Кто мы на этом празднике жизни и смерти? Почему нам опять больше всех надо?»

Между тем Анны не было. Не было ее и в тридцать минут, как договаривались, не появилась она ни в сорок, ни через час.

Туго зажатая с двух сторон, я крутила головой, стараясь не упускать из виду ни один из входов в ротонду. Страх еще не было, я знала, что страх навалится позже, а сейчас, с неизбежностью тошноты, поступала тоска. Пока еще помогали легкие средства типа самоуговоров: увлеклась, забрела далеко, а когда схватилась – оказалась где-нибудь у Дамасских ворот, откуда тащиться обратно не меньше полчаса. Копшилась обида: что же так меня расстраивать, но это уже мелочевка, можно и пренебречь.

Тем временем меня выносило все ближе к входу, где сутился распорядитель. Плотный грек в черной рясе то отмерял новую микропартию, то вовсе перекрывал движение, пропуская монахов, то снова ото-двигал загородку и кричал:

– Россия, быстро! Fullpeople! – И махал руками, словно выгребая задержавшихся паломников наружу.

«Надо прекратить нервничать и сосредоточиться на главном, – думала я, стоя уже в самых первых рядах. – Сейчас я зайду туда, где мне нужно понять самое важное. А я? Я только и думаю, куда подевался мой ребенок. Вот так всю жизнь, всю свою жизнь я провела, волнуясь за нее».

– Бисстро! Бисстро! – кричал грек.

«Как казаки в Париже», – подумала я и, не чуя под собой ног, ни больной, ни здоровой, ступила на порог.

В висках стучало, словно я поднялась высоко в гору, словно в разреженной атмосфере на меня не хватало воздуха. Прикрытый плитой, стоял посередине маленькой комнаты камень. Это его отвалил от входа в пещеру своими легкими руками ангел в блистающих одеждах и ждал, присев на него, когда придут ученики. Оттуда виден был край розовой мраморной глыбы, той, которая потрясла жен-мироносиц своей ослепительной пустотой. Мысль лихорадочно скакала и не могла уцепиться ни за одну букву, ни за один проблеск в сознании: что говорить? что делать? Вдруг словно отворились затворки, и из каких-то неведомых глубин всплыли единственно возможные слова:

– Отче наш, иже еси на небесех...

И привычные сочетания, которые я речитативом произносила вместе со всеми, молящимися в храме, уютная домашняя молитва, которой учила меня, маленькую, мама, слились с грозной простотой библейских камней.

Как-то давно я спросила своего друга, Сашу Любимова, который вернулся из поездки в Иерусалим:

– А что ты чувствовал, когда прикоснулся к Гробу Господню?

Саша, мастер слова и говорун, задумался, поднял глаза к потолку, потом отвернулся к окну и произнес, не глядя мне в лицо:

– Не знаю. Просто выходишь оттуда другим человеком.

Жара потихоньку спадала. на выщербленных ступеньках, отделяющих храмовый дворик от улицы, сидели мои компаньоны по путешествию, без моей помощи отстоявшие свой срок к Гробу Господню.

– Анюту не видели? – спросила я, в общем не рассчитывая на ответ.

– Может, она в храме?

– Как же, – проворчала я и опустила на теплый камень, вытянув вперед большую ногу.

– А что бы тебе просто не позвонить ей? – спросила Наташа.

– Ты забыла? У меня сломался телефон.

Дальше началась колготня, которая обычно сопровожда-

ет неприятности. Все наперебой давали советы, вспоминали, у кого на мобильном может оказаться Анютин номер, – конечно, у Чапнина, но где сам Чапнин, его вроде видели в армянском квартале, он покупал крест с затейливым орнаментом, – у кого есть его номер, номер есть, но именно на этом аппарате кончились деньги, – наконец, есть деньги и номер, но не работает связь.

– Ну что ты так переживаешь? – Наташа присела рядом со мной и положила мне на руку теплую ладонь. – С ней ничего не может случиться. Загулялась, глаза разбежались от изобилия.

– Понимаешь, – неуверенно сказала я, – дело в том, что она однажды терялась. При самых страшных обстоятельствах. Если я не знаю точно, где она находится, у меня как черная пелена все в голове застилает. Наташина ладонь стиснула мои пальцы.

– Время от времени мне снится страшный сон: я ищу Аню. Первые годы после того ужаса я все искала и не могла найти ее. Просыпалась оттого, что дыханье перехватывало. Потом, со временем, стало отступать. Помню, я проснулась на рассвете и закричала, тряся мужа за плечо: «Толя, я нашла ее! Нашла!»

Я с силой провела ладонями по лицу, словно сдирая с него напряжение.

– Ее нет уже два часа. Она такая доверчивая. Ее могут заманить куда угодно, обмануть, увлечь. А если у нее тепловой

удар? Если она упала на ступеньки и разбила лицо?

– Я обойду храм. Вдруг она где-то в прилегающих приделах. – мой нижегородский друг поднялся и, не оборачиваясь, быстро пересек двор.

В конце улочки показался отец Василий. Увидев нас, он призывно помахал рукой, показывая на дверь

В каменной кладке, и, не дожидаясь остальных, исчез в стене.

– Пойдем, – сказала Наталья, – там, вверх по лестнице, как на антресолях, прячется греческая церковь. Подождем Аню там.

– Она же знает, что я должна быть в храме.

Я автоматически поднялась вместе со всеми и прошла с ними до низенькой, скрытой от ненаблюдательных глаз дверцы. Наташа накинула на пушистую голову шарф и пошла вперед, все оборачиваясь на меня. А я встала, прислонившись к нагретой солнцем стене, лицом к входу в храм Гроба Господня.

Паломники вытекали и втекали в раскрытые двери. Разноцветное людское месиво крутилось перед моими глазами, образуя пестрый ковер. Вдруг в толпе, слаженной общим неторопливым ритмом, мелькнуло движение, фиолетовое пятно, маленький вихрь. Я качнулась навстречу: вихрь, пятно и движение слились в одно – в бегущую ко мне дочь. Она бежала, подпрыгивая, словно катила перед собой обруч, и лицо ее смеялось и было таким детским, будто замерло в

самом любимом мамами возрасте – лет десяти! Если бы она была виновата, я узнала бы сразу по сжатым губам и набыченному лбу. Нет, лицо ее было весело и легко, словно я приехала навестить ее в лагерь, словно она только что получила пятерку по музыке и неслась получать заслуженные восторги!

– Я стояла прямо за тобой! – закричала она, еще не подбежав. – Я пришла ровно через тридцать минут, но к тебе было совершенно не пробиться.

Она с разбегу толкнулась в меня всем телом и тут же отскочила: она не маленькая, чтобы устраивать нежности на улице!

– Я видела, как ты крутила головой.

– Что же ты не подошла ко мне, не крикнула?

– Как?! меня сжали, как кильку в бочке! А где все?

Я крепко взяла ее за руку, и мы пошли вверх по ступенькам туда, откуда слышен был, словно из включенного телевизора, Наташин голос:

– Кирие элейсон...

– Ты что-нибудь успела купить в подарок?

– Успела. – Аня потупилась и снова рассмеялась: – Рахат-лукум.

Я опиралась на пальмовые ветви, точно на посох. Узкие стрельчатые листья кололи пальцы, а тонкое основание, к которому крепились зеленые лопасти, стояло крепко и несгибаемо.

– Сереж, мы случайно не твою ветку утащили? – осторожно спросили мы Чапнина. Стол, за которым возвышалась его спина, украшала тарелка с пятью видами капусты.

Сергей живо повернулся к нам:

– А я-то думал, где я ее забыл?

– Понимаешь, – смутилась я, – когда мы выходили из автобуса, я стянула с полки пальмовый пучок. Думала, что там лежат две наши.

– А оказалось, – закончил бодро Сергей, – три наши!

Он поочередно окинул нас взором главнокомандующего:

– Анюта, а чего у тебя физиономия такая постная? Это еда у нас постная, а вид у паломника должен быть бодрый и молодцеватый! Лена! Ты что тарелку отодвигаешь?

– Слушай, не могу уже, что ни возьму – все не нравится.

– Терпи! – вдруг строго сказал Чапнин и, как бы смягчившись, добавил: – немного уже осталось.

Он вдруг вынул откуда-то из капустных недр зеленый перчик:

– Мне знакомый монах посоветовал любопытный рецепт: если съесть перчик и сразу запить его горячим овощным супчиком – то эффект получается особый, будто принял пятьдесят граммов водки!

Анюта чопорно поморщилась.

Я же доверчиво приняла из дружеской руки не-винный овощ и зачерпнула ложкой зеленую дымящуюся замазку из круглой чашки с ручками по бокам.

– Это еще ничего. – Сложив руки на животе, Чапнин с довольной физиономией наблюдал, как я машу обеими ладонями, пытаясь загнать воздух в пылающий рот. – мне и острее попадались. А знаете, – оживился он, привлекая внимание соседей по столу, – оказывается, есть общество поедателей перца. У них даже введена единица измерения «жгучести» – шкала Сквилла. Доходит до пятнадцати миллионов пунктов. Этот-то, – он проследил, благожелательно улыбаясь, как я лихорадочно глотаю шпинатный суп, – больше чем на сотню не тянет.

– ну ладно. – Он поднялся, подхватил пальмы и, пообещав обмотать их скотчем, чтобы нас с ними пропустили через границу (представляю, как мы идем через таможеню с пальмовыми ветвями и выносным армянским крестом – настоящий крестный ход!), удалился.

Словно поджидая этого момента, в дверях ресторана возникла Наталья. Найдя нас взглядом, она уселась на место Сергея, расправив широкую голубую юбку.

– Наташа, – сказала я совершенно невинным голосом, – нам только что Чапнин рассказал очень интересный рецепт. Вот видишь этот маленький зеленый перчик?

Началось с того, что пальм у нас не было.

Перед тем как пересечь Иерихонскую пустыню, наша экспедиция остановилась на привал у зеленого пятачка. С некоторой натяжкой его можно было назвать романтическим словом «оазис». Там действительно росли пальмы, а в стандарт-

ном киоске в стан-дартной кофеварке варили черный напиток и раздавали в бумажных стаканчиках за стандартную мзду. мы с Анютой заметили, что наши товарки по путешествию, опытные паломницы, собирают ветки, в изобилии разбросанные по поляне, придирчиво каждую из них оглядывают и волокут в автобус. По дороге к Иерихону экскурсовод объяснил, кстати, что пальмы – это, оказывается, вовсе и не деревья, а трава. И наглядно продемонстрировал нам из окна отличие банановых трав от таковых же, но плодоносящих фигами: первые, или, наоборот, вторые, не помню точно, высокие, а другие – низкорослые. Сбор веток нашими паломницами мы объяснили этнографическим интересом и подивились размерам гербария, могущего вместить в себя банановый, например, образец.

А выяснилось, что все совсем не так!

Когда мы поднялись на Елеонскую гору, откуда должен был начаться крестный ход, оказалось, что все, кто собрались на шествие, имеют при себе пальмовые ветви. Причем к некоторым из них были привязаны – дань укоренившейся русской традиции – вербочки, другие же украшены были цветами, и почти у всех верхние листья были изящно переплетены в виде креста. Тут мы с Анютой сообразили, как бездарно провели время на зеленой стоянке.

Между тем народ прибывал. Вокруг храма с терракотовой черепичной крышей собрались русские паломники, гречанки в черных тугих платьях, арабы. Приплясывая, взобра-

лись вверх по каменистому склону эфиопы с трехконечными крестами, которые они поднимали и опускали в такт пению. Хлопотали, деловито пересекая церковный двор, священники. Ждали Патриарха Иерусалимского. С террасы, выложенной каменными плитами, был виден город.

Казалось, что он вырастает прямо из холма. Как грибы гигантской грибницы, прорезаются из сухой земли Иудеи дома с плоскими крышами, башни, круглый храмовый купол, – прорезаются и упорно ползут, боязливо прижимаясь друг к другу, вверх, к столбу горячего света. Их распахивают плугом, стирают с лица земли, раскидывая камни, а они снова и снова поднимаются, влекомые наверх неведомой силой. С верхушки Елеонской горы город казался таким близким, что казалось, протяни руку – и она обожжется о золотой купол, как об уют.

Я склонилась над фонтаном и прыснула водой в разгоряченное лицо.

Мне все время казалось, что самое главное со мной все еще не произошло. Будто я что-то упустила, недослушала, недотянулась. словно я должна была найти этот недостижимый город, а он ускользал, распадался на фрагменты, как несложившийся пазл.

– Мама, – воскликнула Аня, – смотри, там мать Параскева.

И верно: в тесной группе монахинь Горенского монастыря шло несколько малоярославских сестер. Они частенько

приезжают в Иерусалим по своим по-слушаниям.

Молодая монахиня, уловив свое имя, остановилась и весело заулыбалась нам навстречу. Впрочем, я не знаю возраста матери Параскевы, у монахов всегда молодые лица.

– А я знала, что вы придете на крестный ход! – сказала монахиня. Она отсоединила от толстой связки две пальмовые ветви и протянула нам: – Я правильно догадалась, что вам они понадобятся? Мы радостно приняли подарок, тронутые тем, что и здесь, вдали, так сказать, от родины, мы все равно находимся под покровительством родного монастыря.

– А вы к камню уже подходили? Вообще про него не знали? Идите скорее, вы еще успеете. – Мать Параскева показала рукой в сторону небольшой часовенки. – По преданию, на этот камень Господь ступил, чтобы сесть на ослика, на котором Он и вошел в Иерусалим.

– А интересно, – спросила Аня, – что случилось потом с осликом?

– Про ослика нигде не сказано, – развела руками монахиня, словно расстроилась, что жизненный путь такого знаменитого животного покрыт тайной.

– Известно только одно, – повеселев, вспомнила она. – Когда ученики накрыли спину ослика своими одеждами, то он загордился и решил, что это не ради Господа стараются они, а для того, чтобы его, ослика, украсить.

– В таком случае, – заметила я, – можно предположить, что судьба его, как у всякого гордеца, была незавидна.

Мать Параскева вздохнула, печалуясь, видно, и о зазнавшемся ослике, и о гордецах.

По толпе пробежала волна оживления.

– Пора, – сказала мать Параскева. И правда, двери храма отворились, и на пороге появился Патриарх Иерусалимский.

Стараясь не терять друг друга из виду, мы с дочкой двинулись вслед за всеми по дороге, ведущей в Иерусалим. «Сегодня мы кричим: “Осанна!” – думала я, – а завтра? Кто из нас завтра опять предаст Его: словом, делом или дурным помыслом?»

Сначала мы держались в первых рядах, а один раз даже каким-то загадочным образом забежали вперед, так что несколько минут наблюдали, как шли впереди густой колонны иерусалимский патриарх с владыкой Георгием, окруженные греческими священниками, которые, с пением и слово-словием, несли икону Спасителя. Потом мы, естественно, отстали. мимо мелькали наши друзья, разрозненно и парами, в какой-то момент появился Сергей, качнул нам одобрительно пальмовой ветвью и исчез впереди.

И тут нам по-настоящему повезло! Мы оказались рядом с нижегородскими батюшками как раз в тот момент, когда их греческие собратья взяли паузу.

Самый старший из них поднял высоко руку, и над при- молкшей колонной, над кривыми улицами, над балконами, с которых, перегнувшись через перила, глазели на нас местные жители, разлился раскатистый волжский бас отца Ан-

дрея.

– Благословен грядый во имя Господне! – пели священники, а за ними как-то сразу сплотилась и запела вся их нижегородская команда. Чем-то они все были схожи между собой: крупные, широкоплечие, густобородые, с веселыми глазами. Коренные русаки.

«Не случайно, – думала я, глядя на их прекрасные лица, – что спасение Святой Руси в Смутное время пришло оттуда, с Волги. Именно так нижегородцы шли за князем Пожарским, воины, купцы, жены, чьи имена, как обычно, забыли внести в историю, – жены, которые сняли с белых рученок перстни, чтобы снарядить своих витязей в поход. Спасут ли и на этот раз?»

Смеркалось. Тьма обволокла раскинувшийся перед нами город. Скрылись белые дома, витые силуэты олив и лабиринт улочек. Великая стена, составленная строителями Сулеймана из камней, которые скопились в предместьях царского города со всех его эпох, ограждала собой кусок темноты. Зажглись уличные фонари. Но не повсюду, а только на короткой дороге между Гефсиманью и городскими воротами. В арке ворот тоже загорелся свет. И только он один и был виден с горы, по которой спускались мы с пенем и пальмовыми листьями. Только они, врата, сверкали перед темным, покрытым вечерним сумраком Иерусалимом, перед золотым небесным Градом.

И он ждал нас.

И ЛЕВ, И ВЗДЫБЛЕННЫЙ ЕДИНОРОГ

Имена, сюжеты и ассоциации копошились в памяти и выпирали, как иголки в голове у Страшилы. Теперь им следовало воссоединиться со своим визуальным отражением. Словно бы я до сих пор знала только письменный английский и впервые должна была услышать звук живой речи и соединить оба внутри себя.

Я путешествовала по Англии, обходя последовательно средневековое королевство, римские отметины, след в след ступала за героями Диккенса. Устав, ночевала в случайных гостиницах под стук бильярда; замерзнув, грелась у очага в доме родителей Гая Фокса; проголодавшись, покупала на фунт кулечек чищенных ракушек на пирсе Брайтона. Пинта эля и йоркширский пудинг в таверне «Красный лев» – балки держат низкий потолок, и протертые скамьи твердо стоят на ногах.

Невиданная прежде роскошь живой истории. Прочность непрерывной жизни. Пространство, полное, как картина, на которой можно рассматривать каждую деталь, а можно отойти и окинуть взглядом целиком: башня на голубом небе, темные волны Темзы, и лев, и вздыбленный единорог.

Гостиница

Водитель изучил адрес, который высветился на экране телефона, и кивнул: но проблем. Судя по всему, это было любимое выражение из его небогатого английского лексикона. Довез, однако, быстро и безошибочно. Шустрый араб перехватил у него мой чемодан и занес в холл гостиницы, чистой, как прачечная. Сходство с прачечной увеличивали белые кафельные полы и китайцы, которые пытливно выясняли у портье маршрут. Процесс давался им непросто: луноликая мексиканка почти лежала грудью на стойке, чтобы дотянуться до карты, которую крепко, не выпуская из рук, держали китайцы, и переспрашивала по три раза каждое их слово.

На диванчике, нахохлившись, замерли два индейца. Их орлиные профили глядели строго в одну сторону. Во главе стойки возвышался красавец ситх в черной чалме. Шевельнув роскошными бровями, он кивнул, слегка опустил подбородок и что-то произнес. Я не поняла, но присела за столик, ожидая, пока он расселит немолодую пару с тугими, как леска, седыми волосами.

Я огляделась. В холле было довольно оживленно: интеллигентный кореец в тяжелых очках рыскал в Интернете, носильщики с томными арабскими глазами сноровисто двигали чемоданы на колесиках, тоненькая вьетнамка робко мыла пол.

«Мистер Твистер умер бы на месте», – подумала я.

Открылась дверь, и ввалилась группа курчавых, как Пушкин, подростков. Я поднялась и, двигаясь на опережение, быстро подошла к гордому, как утес, ситху.

– Мэм, – разборчиво произнес он и вручил ключ.

– Вай-фай, – лаконично спросила я.

– Но пароль. – Он скрестил руки в отрицательном жесте.

Тот же шустрый парнишка занес мой чемода в номер, вверх по лестнице, которая жала в плечах, я воткнула все, что надо заряжать, в розетки и заснула.

Утром, найдя ресторан по запаху пережаренного бекона, я спустилась в цокольный этаж. Официантки разливали кофе в круглые белые кофейники. Я с некоторым удовольствием отметила их милые европейские лица. Одна из них улыбнулась мне и отчетливо прошептала другой по-русски:

– Не забудь тетке счет за кофе отдельно втюхать, а то будет как в прошлый раз.

Я вернулась в номер, накинула дождевик и вышла на улицу.

Трехэтажные дома с белыми портиками, не размыкая рядов, тянулись до конца улицы. Из-за угла здания, на котором качалась вывеска: «Лиса и пес», вывернул двухэтажный автобус. Налево краснела телефонная будка, а направо – зеленел Гайд-парк.

Я в Англии!

Язык

Английский язык – это вечное несбывшееся. Всю жизнь учу, начиная с садика, помню даже картинку, к которой надо было прикладывать карточки со словами, помню таинственное слово «шуге-бейсен», о значении его я теперь, конечно, догадываюсь, но так и не применила ни разу.

Учила в школе: неправильные глаголы путались с правильными школьниками, которые рассказывали про папу с мамой, они работают на заводе и ходят в кино по вечерам, из сумятицы времен выростал Биг-Бен, а с ним – одинаково сказочные Королева и Парламент.

– На Дальнем Востоке водится много диких зверей. – Эк-заменатор в ужасе от моего произношения закатывает глаза к потолку, но пропускает в мир, где на меня наваливаются тысячи, десятки тысяч слов из газеты английских коммунистов ‘Morningstar’, которые надо перевести к утру с помощью словаря Миллера. Где она теперь, эта газетенка? Угасла вместе с рассветом капитализма в стране, где водится много диких идей?

Ан нет! Иду третьего дня по Блумсбери и вдруг на стенде у магазинчика с отталкивающим названием «Все о социализме» вижу знакомый логотип! Жив, курилка! Кто его теперь кормит?

Всю жизнь учу, путешествую, читаю, а английский язык

по-прежнему ускользает от меня, как Фрези Грант, маня интонацией и дразня непереваемой игрой переведенных за руку слов.

Глава 3

Магазин

Вот, например, я люблю магазин «Херродс». Огромная египетская лестница с кофейно-молочными сфинксами, зеленые пакеты с золотыми буквами, анфилады с шуршащими вечерними платьями, роскошными драгоценностями и взволнованными женщинами.

Я люблю продуктовые залы. Выложенные, как на голландских натюрмортах, окорока и рыбу, мокрые раковины в осколках льда, горы шоколада, корзины с фруктами. Люблю забраться в самый угол устричного бара на высокий круглый стул и, цепляя серую скользкую сущность маленькой вилочкой, оглядывать все это изобилие удовлетворенным взглядом и думать: как много в мире еды!

Опытные люди говорят, что занозы, которые засели в нас с советских времен, так просто не вытащишь. Еда – это оно и есть. Сколько, помню, ходило рассказов о том, как, впервые попав из СССР за границу, люди теряли сознание в супермаркетах от запаха и изобилия невиданных продуктов. Сама я, помню, впервые оказалась в Бостоне. Моя знакомая, про-

гуливая меня по городу, предложила выпить кофе в кофейном магазинчике. Мы зашли.

– Ты какой кофе предпочитаешь? – спросила она.

– Кофе, – ответила я.

До того я пробовала только один вид растворимого кофе – литовский. Он был расфасован в высокие металлические банки и отдавал чем-то кислым. Однажды моей подруге привезли с Запада банку гранулированного кофе. Она собрала друзей, и мы вечер честно делили его по гранулам между всеми.

Короче, что значит – какой? Кофе.

– Выбирай. – Американка показала рукой на стену, где в стеклянных колбочках стояло около ста сортов: колумбийский, бразильский, с шоколадом, с корицей... Да что вам рассказывать, теперь вы все это сами знаете.

Для петербуржцев это и вовсе больной вопрос. Мой дедушка, сколько помню его, никогда не расставался с маленьким полотняным мешочком, в котором он носил нарезанные кубиками сухари.

В той же Америке пришли в гости. Хозяева показывают мне огромный аквариум, где плавают рыбы непонятной, но, видно, ценной породы, размером с хорошего карася. Хозяева смотрят на меня с ожиданием, надо что-то сказать.

– Замечательные рыбы, – говорю я, – в случае блокады неделю продержаться можно!

Вот часто спрашивают меня московские друзья: отчего

ваши питерские оказались такими жадными? А может, поэтому? может, действительно сидит в них не пережитый родителями страх голода? Ведь так и не изучили последствий медицинских длительного голодания. Опытные питерские врачи говорят, что у детей блокадников особые болезни...

Вот за что люблю Херродс. Торчишь, как на жердочке, на высоком стуле, смотришь на не сваренных еще раков, на длинные, как копыя, багеты, на россыпи конфет и мандаринов и думаешь, ну почти как Скарлетт О'Хара:

– Я никогда не буду голодать!

Глава 4

Разговор в «Спагетти хауз»

Столик напротив меня. Спиной сидит девушка, лица не видно, только светлые распущенные волосы скользят по спине вверх-вниз с каждым кивком. Молодой человек смотрит прямо на меня. То есть смотрит он на девушку, но ко мне развернут полный фас. Фас симпатичный: тени от ресниц достигают почти кончика приплюснутого носа и шевелятся, как лапки. Парнишка говорит горячо, для убедительности налегая животом на край стола:

– Я буду снимать по фильму каждые два года! Забудьте про этот отстой! Только фэнтези!

Белобрысый затылок заинтересованно кивает.

– И все эти старомодные актеры... я соберу только тех, кто вообще ни разу не снимался, не подходил к их скучным студиям!

Он возбужденно взмахнул в воздухе вилкой. Спагетти развевались на ней, как флаг.

– А вы давно в Лондоне? – услышала я наконец девичий голосок.

– Второй день! – гордо ответил молодой человек и внимательно посмотрел на соседку: – А кстати, как вас зовут?

Глава 5

Век живи

В Оксфорд мы приехали затемно и по делу. Я хотела посмотреть на птицу Додо. Единственный ее экземпляр, а именно головка (это не считая модели в натуральную величину, но она не настоящая), находится в музее Эшмолиан, где, кстати, ее увидел и превратил в литературный персонаж Льюис Кэрролл.

Музей мы нашли сразу, место, где должна находиться искомая птичка, – тоже, но саму ее, как оказалось, перенесли в какое-то другое место. Испытывая законное разочарование, мы обошли со всех сторон голубую модель и окончательно расстроились, увидев рядом надпись: «Вот здесь должен стоять фонарь Гая Фокса».

Вдруг мы заметили огромное полотнище, на котором был нарисован ярко-красный попугай величиной чуть ли не в два этажа. надпись над птицей гласила: «Выставка к 200-летию Edward Lear».

– Вот это удача! – порадовала я своего спутника. – Это тот самый Lear, художник-натуралист, который писал замечательные греческие пейзажи. Летом, когда я отдыхала на Корфу, мне попалась книга с его иллюстрациями и письмами, которые он писал, спасаясь на Ионических островах от сырого английского климата. Потом, гуляя по Корфу-таун, я обратила внимание, что там повсюду присутствуют копии с его изящных гравюр. А письма и дневники произвели на меня впечатление великолепной литературы.

Покружив по залам, полным античных статуй (одна из них – Октавиан Август – была даже раскрашена в яркие цвета), японского фарфора и кремниевых наконечников для стрел, мы поднялись на последний этаж.

Узкий проход в зал украшали рисунки какаду, летучих мышей и розовых фламинго. Сам зал – довольно небольшой – представлял публике не более сотни гравюр, набросков, акварелей и пару масляных холстов, по которым можно было проследить нелегкую биографию художника, которого астма и ностальгия разрывали между Лондоном и южными странами.

В центре зала стояли витрины, накрытые стеклом, и на них были выложены альбомы с его иллюстрациями и книги.

Подойдя к первой же витрине, я вперилась взглядом в открытую книгу и замерла, как пораженная громом!

Передо мной лежало одно из первых изданий «Филина и кошечки» – сборника лимериков Эдварда Лира. Тут до меня дошло наконец, что Edward Lear, художник-натуралист, чьи гравюры я рассматривала на Корфу, и Эдуард Лир, поэт, чьи смешные и бессмысленные стишки в чудесном переводе Маршака я прекрасно знаю с детства, – одно и то же лицо!

Жила девица в России,
И сколько б ее ни просили,
Предлагая весь мир,
Запомнить, где Лир,
А где Lear,
не смогла эта дура в России!

В оправдание себе могу только сказать, что лимерики я читала, конечно, в переводе и в моей визуальной памяти имя автора запечатлилось в русском написании. Дневники и подписи к гравюрам попались мне в руки уже в оригинале, и английское имя не совпало в моей голове со своей русской версией.

Желая успокоить растрепанные чувства, мы зашли выпить горячего вина в паб «Орел и дитя» (The Eagle & Child), где Толкиен (Tolkien) и Кэрролл (Carroll) по вторникам сочиняли ландшафты Средиземья и Нарнии – видимо, наперегонки. В Кроличьем зале (Rabbothall), где они обычно сжи-

вали, мест не было.

Мы развернулись и поехали в London.

Глава 6

Город Кентербери

Про город Кентербери надо рассказывать не придумывая. Там уже, во-первых, много чего придумано, начиная с поэта Джеффри Чосера и его пилигримов, которых он еще в четырнадцатом веке заставил рассказывать случаи из жизни и верхом на осликах отправил в английскую литературу, а во-вторых, столько произошло, что только поспевай находить на карте меченные историей места.

Маленький населенный пункт на юге Англии построен был, как почти все в цивилизованном мире, римлянами. Знал он хорошие времена и при норманнах, и при саксах, но расцвет и величие принес ему случай, которым гордиться нечего, а именно убийство Томаса Беккета.

В те далекие времена в большой силе была Римско-католическая церковь. Получив корону, Генрих Анжуйский, основатель династии Плантагенетов, обнаружил, что чуть ли не половина его владений, а именно: обильные монастырские земли, богатые соборы и даже юрисдикция над ними – ему, королю Англии, собственно, не принадлежит. Чтобы обойтись без конфликтов с Ватиканом, Генрих Второй на ме-

сто архиепископа Кентерберийского назначает своего друга и сподвижника Томаса Беккета, августейшей рукой проведя его по карьере от монаха до самого главного церковного начальника за один день.

И вот тут происходит странная история. Во многих биографиях английских исторических персонажей я видела этот необычный поворот: получив власть, он принимает свой долг всерьез. Полно на полях английской истории алчных и жалких корыстолюбцев, конечно. Но ведут английскую историю именно люди, которые принимают свой долг всерьез.

Новый архиепископ выполняет то, что полагает своим долгом: защищает интересы Католической церкви. Король Генрих собирает королевство, разоренное гражданской войной. Им бы договориться полюбовно, поделить и забыть, но нет, нашла коса на камень. Они ссорятся, мирятся, обмениваются гневными письмами плащами, привлекают посредников, – тщетно, каждый стоит на своем. наконец раздраженный Генрих, повернувшись к свите, бросает зло: «неужели никто не избавит меня от этого назойливого попа?»

Четыре рыцаря садятся на коней и скачут в Кентербери. Они тоже принимают свой долг всерьез.

Когда Беккета, упавшего на полу кафедрального собора с рассеченной мечом головой, подняли прибежавшие на шум монахи, то обнаружилось, что под рясой у архиепископа была надета власяница, вся кишевшая вшами. А по тем временам это был верный признак святости. Томаса канонизиро-

вали, а город превратился в место паломничества. Гостиницы, постоялые дворы, госпиталь, таверны, торговля, ремесло – все расцвело под наплывом средневекового туризма.

Говорят, история рассудит. Кто из двух упрямцев оказался прав? Генрих, который всю жизнь доказывал, что он не отдавал приказа об убийстве? Томас, так и не сумевший вернуть Англию Плантагенетов под власть Рима? на Европу опускается Варфоломеевская ночь, десятилетиями на континенте будут убивать друг друга за правильность прочтения догматов. Англия, за редкими, спорадическими приступами жестокости, – все-таки Средневековье, как без этого, – вырвется без религиозной войны. Более того, она предоставит убежище гугенотам, пассионарность и предприимчивость которых оказались не востребованы на родине.

Может, вся страсть и упорство неподчинения излились в борьбе этих персонажей?

Два рыцаря бились в поединке на глазах всей Европы. Победитель получил страну, проигравший – славу, Англия – национальный характер.

В собор мы опоздали. Там началась служба, пасторы с белыми воротничками встали у входа в неф, вежливо приглашая желающих послушать музыку. Мы спустились в крипту с низкими арками, где когда-то стоял саркофаг. Само тело Томаса Беккета уже при другом Генрихе, Тюдоре, вытащили и выкинули, объявив святого предателем. Генрих Восьмой прошелся по Англии круто, сметая монастыри, церкви – все

следы владычества католицизма. Теперь он был глава англиканской церкви и защитник веры.

В крипте было сыро и гулко.

По лесенке мы поднялись в левый придел. Высокие витражи уходили так высоко к куполу, что разглядеть лица королей совершенно не удавалось. Дневной свет слабо сквозил через голубые стекла.

Высоко поднятый, жесткий и остроугольный, как молния, висел меч. На полу большими буквами было выложено одно слово: Томас.

Глава 7

Музеи

У нас бы сказали деликатно: для тех, кому за тридцать, а здесь нашу компанию назвали с англо-саксонской прямой – сорок плюс. Тьютора назначили – тоже, между прочим, не девочка, а дама с терракотовым румянцем на бледных викторианских щеках, короткими волосами в тон и того же цвета короткими штанишками, Сара. В левой ноздре у Сары нашлепка в виде ступни. Под ее руководством мы должны получить небольшой, но культурный багаж, если кто уловил иронический посыл в этом словосочетании.

По-настоящему за тридцать чешской паре: профессор в очках и с бородкой, – такую бородку на советских карика-

турах рисовали интеллигентам, глуповатым, рассеянным, но преданным каким-нибудь многоцветным пестикам, – и его супруга с коротким и редким ежиком, сквозь который нежно просвечивает чистенький кожный покров. Немолода и тетенька – шведский страховой агент, по чьему круглоскулому лицу, да и без лица даже, а только по боязливому взгляду и вжатой в плечи головке, легко угадывается эмигрант. Чистенькая немка в брючках, обвисших позади пустым мешочком, оказалась библиотечаршей. Молчаливые испанцы прекрасны: марго, крепкая, коренастая, со стянутыми вверх, в пучок, жесткими ореховыми волосами, и Карлос, с головой продолговатой, как ташкентская дыня, на которой мирно уживаются готический суровый профиль и мягкие петлестые уши.

Сицилиец сразу заслужил отдельного рассказа. Старомодный пиджак в широкую полосу, – а кто вообще сейчас носит пиджаки? – волосы зачесаны назад с шиком, каковой демонстрировали парни с рабочей окраины, когда еще были рабочие, лицо добропорядочное и мягкое, просто подушечка, как у главного ма физио из клана Сопрано. И притом говорит по-английски чуть ли не лучше нашей терракотовой начальницы, без ее бойкости, разумеется. В общем, по всем признакам, заслан в Англию налаживать контакты с местной мафией (возможно, русской), а мы, которым за тридцать, используемся в качестве прикрытия.

На первый день занятий была намечена Британская биб-

лиотека. По дороге – а вели нас пешком – мы разбились на пары с той беззаботностью, которая всегда возникает у взрослых людей, оказавшихся в положении школьников.

– Кельн, – сказала библиотекарьша, попав со мной в ногу, – это небольшой город на севере Германии.

– Да знаю я ваш Кельн, – ответила я, – там две недели назад тигр сбежал.

Жестом, который я, чтобы не вызвать ни у кого оскоми-ну, не стану описывать, она поправила очки и тревожно по-смотрела на меня сквозь стекла.

– Загрыз сотрудницу и сбежал. Там у вас весь зоопарк эвакуировали.

– Не может быть! – Допустить, что я над ней смеюсь, она не могла, скорее подозревала, что я неправильно употребляю слово «тигр».

– Во всех газетах писали. Даже в российских!

Тут я не удержалась и добавила красок:

– Мы с друзьями как раз в этот момент ели мороженое перед вашим знаменитым собором. Тигр вырвался из клетки и помчался прямо на площадь. Доблестная полиция, проявляя массовый героизм, устроила пальбу прямо у нас под носом. Беглеца застрелили, а мороженое пришлось оставить недоеденным: как-то пропал аппетит!

Меня подмывало сказать, что тигр перед смертью слизнул мороженое, как бы на десерт, и мы не могли, видя приближающуюся полицию, отказать ему в последнем желании,

но я посмотрела в честные арийские глаза – и сдержалась.

– Как же я могла пропустить, – пробормотала немка и на всякий случай отстала от меня на два шага.

Пятнадцать минут, за которые обещали доставить нас до места, незаметно превратились в тридцать, а через час мы сообразили, что заблудились. Последнее бледное место на Саре, а именно шея, покрылось терракотовыми пятнами.

– Сто раз ходила этой дорогой, как я могла сбиться, – причитала она, в третий раз сворачивая у одного и того же застекленного кафе. Я даже подумала было выпить чашечку кофе, пока они дадут еще пару кругов, но тут наш сицилиец достал из нагрудного кармана карту и занял руководящую позицию. Мы присели передохнуть на скамеечку. Страховщица, беспокоясь, видимо, что пропадает оплаченное время, сжала ладони коленями и завела со мной разговор.

– Я приехала в Лондон получить культурный опыт. Я специально выбрала именно эту группу, потому что мне как-то не хотелось сидеть рядом с молодыми.

– Тогда отсыдьте, – предложила я.

Она испуганно отпрянула.

«Так я их всех отважу», – огорченно подумала я, и мы поволоклись дальше. на шестом круге сицилиец переломил себя и обратился к полиции.

Натуральный английский Бобби в высоком шлеме, а именно полная кудрявая девушка кофейного цвета, за какие-то две минуты доставил нас все к тому же кафе, на ко-

торое мы уже не могли смотреть без слез: это и был вход в Британскую библиотеку.

Собрав нас в кружок, Сара раздала листики с ключевыми словами и выражениями и начала культурную обработку.

После каждого вопроса немка делала шаг вперед и старательно пересказывала краткое содержание листика. Сицилиец изображал хорошего ученика, испанцы отмалчивались, а я не перебивала.

Наконец нас выстроили гуськом и повели на выставку. Зал, где располагались сокровища из Британских книжных закровов, освещался слабо, но, видимо, не по недосмотру, а по задумке: лучи света направленно выхватывали из полумрака рукописи Оскара Уайльда и Эдварда Лира, первые издания Шекспира, карты мира, еще без Америки и почти без России.

На стене, в витрине под стеклом, среди фотографий и документов, приколотый к черному бархату булавкой, как махаон, белел листок. на нем скорым крупным подчерком было написано: 'Yesterday'. мы смущенно потоптались у нехитрых слов, которые исполняют в мире чаще, чем читают почти все, что сосредоточено в Британской библиотеке. Странное чувство возникало при виде этого листка: словно пришпилен был не он, а кусочек твоей собственной жизни, словно бы ты обнаружил меж Рубенсом и Гойей свой школьный дневник.

В этот момент мне позвонили. Я покинула зал на цыпочках и присела в холле на диванчик. Следом за мной вышла

испанка с черными настырными глазами.

– Ноги гудят, – сказала она и вытянула вперед крепкие лодыжки. – Кофейку бы сейчас...

– Слушай, – встрепенулась я, – я знаю одно местечко за углом...

Джерома Клапку Джерома моя новая подруга, видно, не читала, но идею ухватила мгновенно. Засунув блокнот в сумочку, она встала и вдруг, словно колеблясь, показала пальцем в сторону выставочного зала: надо бы предупредить...

«Ну вот», – разочарованно подумала я – и ошиблась.

– Карлоса надо предупредить, – твердо закончила Марго.

«Наш человек», – радостно поправила я саму себя и закивала:

– Конечно, не бросать же Карлоса!

Минут через сорок, подкрепленные, мы вернулись на выставку.

– Я пойду первым, – сказал настоящий мужчина дон Карлос и заглянул в дверь, просвечивая ушами. Угол наклона тех частей тела, которые были обращены в нашу сторону, наглядно демонстрировал, что наши компаньоны все еще изучают рукописи в низких стеклянных витринах.

– Серьезные люди, – вздохнул испанец.

– Особенно Патрик, – добавила Марго. – Он буквально каждое слово за Сарой записывает!

Патрик, а странное, согласитесь, имя для сицилийца, действительно расположился неподалеку от нас на кожаном ди-

ванчике и, будто не замечая коловращения народа вокруг него, озабоченно водил ручкой в блокноте. Завидев нас, он поспешно прикрыл ладонью исписанный листок и встал во весь свой немаленький рост.

– Мне пора. – Он кивнул так вежливо, что шевелюра, как занавес, упала на лоб, и скорым шагом направился к стеклянному выходу.

– Интересно, – протянула марго, глядя на удаляющуюся прямую спину, – а что это он не забрал из гардероба плащ и шляпу?

Скажу по совести, от современного искусства, особенно после новейших событий, меня тошнит. Да и раньше тошнило, но раньше меня о нем не заставляли говорить.

Пользуясь случаем, я решила устроить себе что-то вроде проверочного теста. В конце концов, если в галерее Тейт не отличают шарлатана от художника, то где? Вот, думаю, посмотрю и наконец определюсь.

Сегодня Сара была не в штанишках, а в юбочке, но основному цвету не изменила.

Выстроив нас в ряд, она проверила, нет ли среди вверенного ей коллектива дальтоники, поправила произношение у тех, кто умудрился вставить слово, и задала сакраментальный вопрос:

– А как отличить искусство от не-искусства?

Немка сделала шаг вперед:

– Если оно производит впечатление – значит, искусство.

– Впечатление, влияние, резонанс! – немедленно расширила Сара ее словарный запас.

– А если на одних людей производит, а на других нет никакого резонанса? – ловко ввернул новое слово Патрик. Сегодня на нем была рубашка с большими манжетами.

– Даже если на одного производит – значит, оно! – Чешский профессор дал современному искусству большую фору, все задумались и разошлись.

Мы с Марго и Карлосом выбрали тот этаж, где располагался буфет. Скажу сразу: лучшее, что мы увидели в галерее Тейт, – это был вид из окна буфета. Мост Миллениум тонкой проволочной линией перелетал Темзу. С высоты, откуда мы глядели, он казался таким хрупким, что становилось непонятно, как мы вообще решились по нему идти. Одним концом, как стрелкой часов, мост указывал на собор Святого Петра, а другой закрывали от нас стройные громады набережной.

Про дону Карлоса не скажу, а мы с Марго все-таки сползли с табуретов и пошли добывать свой культурный багаж.

Белая стена на входе в зал изображала из себя полотно. на ней, одной линией, как на детских рисунках, был выведен силуэт города: крыши, трубы, окна. над всем этим, прищипленные стрелами, висели настоящие чучела ворон.

– Наверное, что-то экологическое, – догадалась Марго. – Типа, городская жизнь вытесняет, не дает развернуться бедным воронам. Англичане ведь знаешь как ценят своих во-

рон!

– Примитивно рассуждаешь, – отрезала я. – Прочти лучше, что написано на табличке: это распятая свобода.

Марго еще раз уважительно взглянула вверх, где, свесив клювы, грустно висели вороны, и покачала головой: глубоко копают.

Самый большой зал занимали три узких ящика длиной приблизительно с гроб. Расположены они были, как бы сходясь у одной точки и веером расходясь в разные стороны. Собралась небольшая очередь. Я встала за невысоким кряжистым дядькой со шкиперской бородкой. Дождавшись своей минуты, посетитель должен был нагнуться и последовательно заглянуть в глазок типа дверного, который был врезан в торце каждого гроба. Выражение лица разогнувшегося шкипера было смутно. Он развел руками, то ли стесняясь признаться, что ничего не понял, то ли не желая оставаться в дураках в одиночестве. Придерживая рукой спину, я заглянула в глазок современному искусству. маленькая светящаяся точка блестела в конце первого ящика, во втором она разгоралась до размеров теннисного мячика, а в третьем сверкала во весь объем.

– Может, этот свет в конце тоннеля? – неуверенно предположила Марго. Я даже спорить не стала.

По общему виду третий зал напоминал школьный музей: модель самолета, старый приемник и ящик, накрытый бурым полотнищем. Я не удержалась и прочитала объяснение.

Оказалось даже интересно. Автор композиции, знаменитый, между прочим, немецкий художник, фамилию которого я, конечно, не запомнила, был ни много ни мало, а ветеран последней войны. Его самолет, чья модель как раз и стояла на табуретке, был сбит в Крыму. Пилот не погиб, что ясно следовало из самого факта композиции, но попал в руки к татарам. Сердобольные татары обмазали его бараньим жиром (видимо, все, что у них было, чтобы уберечь раненого от замерзания) и накрыли одеялом. Вот это-то одеяло и татарское сало, как было написано на табличке, я ни слова не придумала, и стали музами в его дальнейшей художественной карьере.

На этом мы с Марго решили закругиться. Стараясь не смотреть по сторонам, мы прошмыгнули мимо искалеченных мужских торсов, трехногих квадратных тетенок и вышли в холл. Наши компаньоны почти в полном составе пополняли свой словарный запас.

– В конце концов, – заметила толерантная швед-ка, – я приехала совершенствовать английский, и мне все равно, что обсуждать, хоть и эту лабуду.

– Как вы можете! – вспыхнула библиотекаряша. – Я тоже сначала не понимала, но сейчас в этих залах почувствовала наконец, как волнует меня современное искусство, как возбуждает!

Дон Карлос, который как раз в этот момент спустился из буфета и, видно, не до конца уловил нить разговора, взгля-

нул на нее с удивлением и даже раскрыл рот, но, как благородный идалго, тут же закрыл.

Завидев Патрика, который энергично двигался в нашу сторону, Сара радостно закричала:

– А к нам присоединилась еще одна участница, как раз ваша соотечественница, из Сицилии! Вам будет приятно немного поболтать на родном языке!

Чернобровая дама любезно улыбнулась и сказала что-то непонятное.

Патрик даже не взглянул на нее, и его обычно доброжелательное лицо сжалось, как будто из него выпустили воздух.

– Сара, – произнес он сурово, – я не имею ничего против тебя лично! («ничего личного», – быстро подумала я.) но я должен предупредить тебя, что я больше не буду посещать занятия. Я оскорблен в своих лучших чувствах! В программе было написано – культурный багаж! Ты сама-то заходила сюда, прежде чем приглашать приличных людей? Я потрясен и немедленно ухожу!

– Вот видишь, – сказала Марго, – а ты еще спорила. Конечно, это искусство. Вон как его проняло!

– И заметьте, – вставил Карлос, – он опять не взял шляпу!

Надо сказать, мы несколько не удивились, когда на следующий день увидели гладко зачесанные волосы Патрика. Викторианская солидность музея истории Лондона, видимо, смягчила и привела в порядок его чувства.

Решив более не подвергать риску сицилийскую чувстви-

тельность, Сара усадила Патрика смотреть фильм про бурбонную чуму – что может быть утешительней для расшатанных нервов.

Я остановилась у экспозиции, где была представлена история движения суфражисток.

Надо сказать, я часто пыталась представить себе, как должны были мужчины, которые держали в руках все нити жизни зависящих от них женщин, как должны они были реагировать на требования изменить столетиями установленный порядок. (В смысле апофеоза этого порядка нет ничего лучше, чем «Укрощение строптивой». Петруччио, главный герой пьесы, морит жену голодом, заставляет ее совершить длительный переход пешком, на ее глазах рвет платье и достигает успеха. Обращаясь к зрителям, она произносит страстный шекспировский монолог о покорности мужу и вечной благодарности ему за заботу.) Чисто психологически, требования суфражисток, наверное, выглядели для мужчин так, как если бы сегодня подростки 10–12 лет пожелали избирательных прав. Или йоркширский терьер пролаял бы манифест о контроле над личной собственностью.

Да, неизвестно, кому пришлось труднее – тетенькам, которые цепями приковывали себя к решетке Парламента, или дяденькам, у которых с ног на голову переворачивался мир.

Фотографии «Марша в бальных платьях» – это они наряжались, чтобы доказать, что правом голоса интересуются вовсе не только уродины и неряхи. Страшные чугунные ин-

струменты, которые использовали, чтобы насильно кормить голодающих в тюрьме суфражисток. На витрине под стеклом лежали рядом прокламации и чулки, шляпки и первые женские журналы, кружевные платья и молотки, которыми они разбивали окна.

Билль о правах женщин приняли незаметно, когда Первая мировая война уравнила всех, не спросив никого и не помиловав.

– Ты интересуешься историей женского движения? – Это незаметно подошла и встала рядом со мной Сара с вязаной сумкой через плечо.

Признаюсь, я никогда не интересуюсь «движениями», но много читала о женщинах, которым пришлось переламывать неприязнь в собственной семье и оскорбления на улицах, и это еще полбеды, – неверие в свои силы и отсутствие опыта в самых простых практических делах.

Лица на фотографиях – смелые, красивые, умные.

– Знаешь, Сара, – ответила я, – мы должны быть им благодарны.

И мы с Сарой дарим этим женщинам секунду молчания.

– Елена, – потянула меня за рукав Марго, – пойдем, я тебе кое-что покажу. Смотри, видишь костюм с камзолом и буфами? Оказывается, мужчины в то время, чтобы показать свою могучесть, носили ватные подкладки не только на плечах и на груди, вот так, – Марго надула щеки и выпятила живот, – но и на гультфике!

Между чучелом крысы и восковой головой, украшенной бурбонными язвами, нас ждал Патрик. Было заметно, что чумной фильм привел его в необычайно добродушное настроение. Плащ с погончиками, какой последний раз я видела в заключительных кадрах «Касабланки», как-то по-особому весело, как выздоравливающий больной, висел у него на руке, а шляпой, чья шелковая траурная ленточка органично вписывалась в экспозицию, он приветливо махал нам.

Мы осторожно приблизились.

– Друзья! – сказал Патрик, дружелюбно оглядывая наши подозрительные физиономии. – на этот раз я на самом деле ухожу. И я хочу напоследок сделать признание. Дело в том, что я – шпион!

Он запустил руку в карман и вытащил из недр широкой штанины три визитные карточки.

Выкатив глаза, мы с марго приняли из его рук белые картонки с замысловатым зеленым логотипом, а дон Карлос невозмутимо бросил свой экземпляр между страниц пружинного блокнота.

– Я шпионю на швейцарское министерство образования. – Было видно, что Патрик получает удовольствие от нашего изумления. – Внедряюсь в учебные группы и проверяю качество преподавания. Вот сейчас вылетаю на Барбадос.

– Там тоже есть английские курсы? – спросила я, чтобы что-нибудь спросить.

– Ну, английскими их можно назвать с большим прибли-

жением, зато там есть белый пляж, голубой океан и занятия проводятся прямо на катамаранах. В общем, если надумаете – звоните!

Патрик нахлобучил на лоснящуюся шевелюру фетровую шляпу, приподнял ее в знак прощания и бодро двинулся по своим шпионским делам.

– Что скажешь, Карлос? – ошеломленно спросила Марго.

– А вот что: у меня тоже есть сюрприз для вас, леди!

Жестом фокусника дон Карлос выхватил из нагрудного кармана белый конверт и победно махнул им в воздухе:

– Три билета на «Призрак оперы»!

ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

После пяти похолодало, будто лето внезапно сменилось осенью. Захотелось застегнуть покрепче куртку и обмотать вокруг шеи вязаный шарф. Молодая девушка по имени Мария, с хвостиком, пере-тянутым на затылке черной резинкой, и рюкзачком, который оттягивал выдвинутые вперед плечи, вышла на рыночную площадь. Продавцы в дутых жилетах, надетых поверх клетчатых рубашек, перекрикивались друг с другом с непонятным йоркширским акцентом и поспешно убрали с прилавков овощи. Багровые обветренные лица, ловкие, грубоватые движения и деревянные лесенки, которые, как трапы, спускались с кузовов, придавали картине что-то морское; казалось, что они носят вовсе не ящики

с мирной капустой, а грузят на борт бригантины сундуки со слоновой костью и золотом.

Девушка миновала мясную лавку с ликующим поросенком на вывеске и оказалась на улице, которая будто выползла откуда-то из Средних веков. Точно подсолнухи, тянулись друг к другу крышами фахверховые домики и нависали вторыми этажами над мостовой. Балки крестами выступали на оштукатуренных стенах, являя деревянную свою фактуру с трещинами такими глубокими, что, казалось, в них можно сунуть ладонь. Не сопротивляясь потоку, Мария двигалась в толпе туристов, покладисто останавливаясь вместе со всеми у мест, особо отмеченных в путеводителе, и ее худенький силуэт мелькал, отражаясь сквозь стекло в зеркальных стенках баров.

Это была ее вторая поездка в Йорк. Утром она вышла из лондонского поезда на вокзале, укрытом металлическими арками, изогнутыми, как ребра доисторического кита, и тотчас, не теряя ни минуты, двинулась по маршруту, который проложила в прошлом году. Мост с белыми розами Йорков. Каменная дорога с пятнами опавших дубовых листьев, еще зеленых, но тронутых по краям ржавчиной, – дорога, которая вела по верху крепостной стены, вдоль зубцов и тесных бойниц. Крутая тесная лестница на верхний этаж замка Ричарда Третьего, где в ряд, как лыжные палки, стоят острые пики с белыми черепами – и каждый подписан не именем, а строчкой в истории.

По дамскому обыкновению, она зацепилась в антикварной лавке. Викторианские очки, круглые и маленькие, будто на ребенка, чашки из разрозненных сервизов, эдвардианская скорбная брошь и колечко с изумрудом, которое едва натянулось на ее тонкий острый палец, – так с прошлого года и лежит, а может, и с прошлого века.

В тот раз именно у этой лавки, у драгоценной россыпи примет чужой жизни, она почувствовала, что замерзла и устала. не от блуждания по косым улочкам площадям размером с блюдце, нет, просто всего вдруг стало слишком много, не вместить. Желтый столб света из полуоткрытой двери рассеянно освещал ступеньки, ведущие в паб. Она вошла и очутилась в узком коридоре, от которого расходились маленькие, как коробочки, комнаты с шоколадными стенами и потолками, такими низкими, что хотелось пригнуть голову. Пасмурный газовый свет едва обрисовывал деревянные столы, вокруг которых, сдвинув близко плечи, словно заговорщицы, сидели вечерние посетители. Мария пробралась поближе к зажженному камину, к креслу с широким истертым сиденьем и резной спинкой, которое одно и не было занято.

Приняв в замерзшие ладони чашку с горячим вином, она вдохнула пряный гвоздичный пар, огляделась – и вдруг обнаружила, что попала в дом, где родился и вырос не кто иной, как Гай Фокс. Гравюра на стене изображала человека, который собирался, но не успел поджечь фитиль и взорвать бочки с порохом в подвалах британской власти: высокая шляпа

с пряжкой на тулье, плащ, небрежно закинутый через плечо, лукавый взгляд сквозь опущенные темные ресницы.

«Импозантный мужчина, – подумала девушка, скользя глазами по едва различимым словам на стене: заговор, эшафот, петля, – сейчас таких красавцев днем с огнем...»

Первая поездка в Англию поглотила Марию целиком, так, что даже фотографировать не хотелось. Редкое удовольствие – путешествовать одной, ни на кого не отвлекаясь, ни с кем не делясь впечатлениями. Литературные образы, которые всю жизнь существовали только в воображении книжной девушки, на глазах обретали натуральное воплощение: на перекрестье лондонских магистралей стояла, чуть прижатая соломенной крышей, Лавка древностей; мутные волны Темзы плескались у Ворот предателей, сквозь которые скользила лодка с неудачливой красавицей в красном бархате; блестели по краю кожаного платья ракушки, пришитые рукой принцессы Покахонтас, и косила из-за музейного стекла круглым взглядом голубая птица Додо.

Все, чего не было и вовсе, оказывалось вдруг настоящим, набирало цвет, запах и крепкую плоть. Гай Фокс с фонарем, белая маска с острыми усиками – то ли страница в учебнике, то ли символ уличных вольнодумцев. А ведь поди же: жил здесь, в этом самом доме. Он спускался по лестнице, придерживая шпагу за эфес, пил из оловянной кружки эль, подвинув поближе к камину резной стул, в овальном зеркале мелькали подозрительные тени, а мать, спрятав руки под

фартук, качала головой и жаловалось отцу: опять наш мальчик во что-то ввязался... Где, интересно, Гай хранил свой знаменитый фонарь?

Покинув пороховое гнездо, Мария, верная своему географическому идиотизму, перевернула карту города вверх ногами. Вместо одних ворот она попала в другие, дала круг по темнеющей улице и вернулась в исходную позицию. Белая маска Гая Фокса на вывеске заговорщицки косила пустыми глазницами. Городские ворота, упираясь каменными ногами в римский фундамент, глядели в спину темным проемом – жерло времени, готовое то ли втянуть в наступивший мрак, то ли вытолкнуть, как незваного соглядатая.

Бегущие огоньки над входом в гостиницу «Белая лошадь» поманили электричеством, как привет из родного века. В прокуренном зале с растопыренными мутными люстрами было тесно, пахло дрожжами и еще чем-то кислым. Компания фермеров в клетчатых рубашках билась в бильярд, причем каждый держал в свободной руке по кружке пива, желтой, как фонарь. Протиснувшись к стойке, Мария оперлась локтями о захватанную поверхность и окликнула молоденькую барменшу, которая протирала бокалы:

– У вас есть свободная комната на одну ночь?

Та поставила бокал, скользнула по лицу просительницы взглядом – быстро и равнодушно, как это умеют делать люди за прилавком, – и ответила:

– Двадцать фунтов. но деньги вперед.

Увертливо лавируя между игроков, она провела постоянную по лесенке, укрытой истоптанным ковровым ковролином, на самый верх, в крохотную комнатку со скошенным потолком.

На тумбочке у кровати стоял чайник с облесшей по краям краской и мятая коробочка с чайными пакетиками. Мария налила чай в белую чашку, забралась под одеяло и вынула из рюкзака книжку с златокудрыми принцами на обложке. Снизу доносился гомон и стук кия, за окном плыли островерхие башни собора, и хорошо и сладко было это одинокое путешествие.

На этот раз самой хотелось остаться на второй день, да не получается. на прощание надо нанести старому знакомцу Гаю Фоксу повторный визит – и на вокзал, в Лондон.

Девушка с хвостиком на затылке, в плотной джинсовой курточке, которая сообщала всем ее движениям какую-то особую дорожность, с синим вязаным шарфом, обмотанным вокруг шеи, сунула в карман истрепанную на сгибах карту Йорка и толкнула дверь с белой маской над входом.

Молодой человек с сумкой через плечо шел по набережной реки Уз.

«Удивительно, – размышлял он, – кажется, что в Йорке всего с избытком, а в обеденное время свободного места не найти».

Сегодня к обычной толпе, наводняющей и без того самый туристический город Англии, почему-то добавились еще и моряки. Торжественно ведя за руки детей, двигались врас-

качку морские волки с медалями через всю грудь, а народ помоложе, в свернутых набок бескозырках, шумно толпился у пабов.

«Широко гуляют, – подумал молодой человек одобрительно и обогнул лужицу, в которой мокли дешевые розовые бусики, – однако почему, вдобавок к морякам, на улицах полно священников? Для смягчения нравов? А может, они сегодня поминают кого-нибудь? Впрочем, понятно, что связывает моряков и священников: как всегда – смерть».

Молодой человек с длинными темными волосами, прижатыми к шее поднятым воротником, поправил на плече сумку, задрал рукав плаща почти до локтя, и толкнул дверь паба с вывеской, на которой смеялась белая маска.

Пробившись к бару, он подождал, пока парнишка с серьгой в ухе сунет кружки во все военно-морские руки, которые требовательно тянулись к нему поверх плотного ряда голов, и кивнул: «Да, пинту!»

Из голой шоколадной стены высовывались и глядели на пьющую публику две вырезанные из дерева головы.

«Фамильные портреты семейства Фокс», – мельком подумал он и сел в незанятый угол.

Девушка заглянула в знакомый зал. В кресле у камина восседал католический священник, укрыв рукавами подлокотники, и кивал тонзурой, как бы подтверждая свое участие в возбужденном коловращении бескозырок и гюйсов. Она проскользнула к свободному стулу под узорным шкафчи-

ком, запертым на чугунный ключ, который торчал в скважине, маслянистый и пыльный. Последний дневной свет тускло проникал сквозь мелкую расстекловку эркера.

– А вы знаете, почему старое стекло выглядит неровным?

– А почему вы заговорили со мной по-русски?

– А у вас журнал «Огонек» в сумочке. – на-смешливый голос звучал так убедительно, что она невольно глянула на рюкзак, где чего только не было: запасной свитер, шоколадка, билеты – но уж точно не «Огонек»...

Она фыркнула, поймав себя на этом движении. Молодой человек смотрел на нее, склонившись над кружкой, и в сумеречном свете белки темных глаз блестели ярко и выпукло, словно у негра.

– Ну так и что ж там такое со стеклом?

– Стекло – это вообще-то застывшая жидкость. —

Он наклонил полупустую кружку, как бы демонстрируя свойства упомянутого вещества. – И с веками она под собственной тяжестью стекает, образуя неровности и подтеки.

Длинные волосы, распавшиеся на прямой пробор, опускались с каждым движением головы, закрывая лоб и сужая и без того узкое смуглое лицо.

Что-то в его небрежных движениях, в самих складках одежды было милым и узнаваемым, как свое. Впрочем, он понравился ей сразу.

Она провела ладонью по теплой, отполированной миллионом прикосновений столешнице.

– Как англичане ухитряются находить грань между тем, чтоб оставить все как есть, точнее, как было, и порядком? Вот копоть от свечей на потолке. Как часто ее надо смывать? Раз в сто лет? Убери ее – будет чисто, а атмосфера исчезнет. Как вы думаете, вот все эти горки, шкафчики, стулья – они, что ли, здесь остались с времен Порохового заговора?

– Да что вы, от прежней обстановки ничего не сохранилось! – Он откинулся на стуле, и волосы упали назад, как бы выдвигая вперед ясное лицо. – Вся мебель стилизована, но так и стилизовали ее сотню лет назад. ничего не разрушают, по необходимости достраивают, по ходу дела ремонтируют, чтобы совсем не отвалилось. Меня, кстати, зовут Григорий.

– А Гришей нельзя?

– Как хотите.

Моряков прибывало, словно вносило и прибывало к стойке бара прибором, и снова выливалось на улицу, как вышедшую из берегов реку. Они грудились между столиками, бурными ручейками заполняя все проходы и лесенки. Парень с боцманской цепочкой на груди боком протиснулся мимо их столика, держа в каждом кулаке по две кружки. У камина он запнулся, подался вперед, но – бывалый моряк – удержал равновесие и двинулся дальше, не пролив ни капли и только качнув пышной четырехглавой пеной. Чугунная подставка, в которой пылились кочерга, лопатки и какие-то еще таинственные приспособления для камина, пошатнулась и полетела на бок. Моряк обернулся, отсалютовал кружками и ве-

село крикнул:

– О’Брайан хулиганит! Это же его любимый паб! Держи, ребята, крепче карманы!

Григорий поднял рассыпавшиеся предметы:

– Вас не задело?

– Все в порядке.

– А вы поняли, что он крикнул про какого-то О’Брайана?

– Это не какой-то О’Брайан, а знаменитый йоркширский призрак. Про него рассказывают, что он плавал под черным флагом и однажды бежал с общей добычей, унося в рундуке целую кучу золотых.

– И что, поймали?

– Поймали и повесили.

– Что это у них за манера такая: чуть что – сразу вешать, – скривился Григорий, нагнулся вдруг и, выхватив из каминной подставки чугунную пику, сделал ею выпад, как шпагой.

– Вы фехтуете?

– Увлекался когда-то, – нехотя ответил молодой человек, бросил пику к камину и замолчал, сложив руки на груди.

Мария немедленно представила его со шпагой, в плаще и высокой шляпе с красным фазаньим пером: «А ведь красивый парень!» – мелькнула мысль, и она с удовольствием неожиданным осознала, что впервые думает на английском: handsome guy...

Газовый рожок, который освещал овальное зеркало, зашипел, огонек, отраженный в сеточке трещин, заметался,

вспыхнул ярким красным пламенем и погас.

– Что? – спросил Григорий.

Мария вытащила из оболганного рюкзака сложенный вдвое буклет и прочитала:

– Город Йорк гордится своими привидениями.

– Отдельная позиция в местном бюджете? – усмехнулся Григорий, массируя запястье.

– Замки, частные дома, гостиницы и, уж конечно, пабы считают делом чести иметь свой призрак. – Она продолжала читать, пропустив реплику. – В «Золотой овце» его даже не убирают на день, он там сутками сидит за стойкой с кружкой пива. В «Чашке пунша» первый хозяин появляется каждую полночь, чтобы проверить, потушены ли каминны. Вот, смотрите, объявление: новое меню, бильярд, привидение гарантировано.

– Смешно.

– Страшно.

– Я где-то читал, что в средневековых замках, в тесных каменных мешках, каким-то образом появляется ультразвук. Этот ультразвук вызывает в психике человека ужас, а страхи каждый наполняет собственными видениями. Впрочем, чего все боятся одинаково? Смерти. Вот всем и мерещатся мертвецы с веревкой на шее. А что вы делаете в Йорке?

– Совмещаю книжные ассоциации с реальностью. А вообще изучаю язык. А вы?

– А я фотографирую трубы.

– Трубы?

– Вы спешите?

– Мне нужно сегодня вернуться в Лондон.

– И мне. Пошли на вокзал, а по дороге я покажу вам, что я снимаю.

Григорий поднял руку и, поймав взгляд бармена, пошевелил волнообразно пальцем, изображая под-пись. Мария демонстративно положила на стол несколько фунтов.

Они вышли в темнеющий на глазах Йорк.

– Вот посмотрите: прямо перед нами, на кирпичной стенке, выделяется плоский силуэт, напоминающий фляжку. Это каминные трубы. В России труба – это всего лишь функция, здесь – часть декора. Они все разные: по форме, по размеру, по орнаменту.

– Вообще никогда не задумывалась. – Мария, задрав голову так, что хвостик устремился к талии, следила за движениями руки своего нового знакомца. – Как их, оказывается, много, и как они плотно стоят. Упорные такие.

Григорий, не переставая двигать камерой, вел девушку по городу. Он останавливался внезапно, чтобы показать, как можно по кладке определить вид и размеры первоначальной постройки; присаживался на корточки, натягивая на коленях джинсы; высоко закидывал голову и ловил в кадр грубое каменное лицо горгульи, а потом, свесившись с моста, объяснял, как устроены средневековые опоры...

«Как мужчины умеют погружаться во что-то одно, – ду-

мала Мария, добросовестно кивая головой. – мне, чтобы так увлечься, нужно сочинить целую историю. Про упрямые английские трубы, которые прорываются сквозь массу жилья, которые стоняют в упорядоченные ряды узкоплечие домики, строгие хранители порядка и тепла. Что-нибудь вроде этого. А по нему даже не скажешь, что ему интереснее: эти дурацкие трубы или я».

– А мы не заблудимся? – наконец сказала она.

– Я знаю город, как родной, – ответил он через плечо, неожиданно повернулся и раскинул руки гостеприимным и широким, словно приглашающим ку-а-то в заповедное место, жестом: – У вас сегодня персональный знаток.

И расхохотался, словно удачной шутке.

«Что смешного», – удивилась она, но, глядя, как смеются его лукавые глаза и веселый рот, слыша, как низко и глубоко звучит голос, рассмеялась вдруг сама, хотя никогда и не любила громкого смеха и резких звуков, но вовсе не был его смех резким, и они хохотали, попадая каждой нотой в унисон. Он замолчал, продолжая улыбаться, и махнул камерой в сторону невысокого викторианского дома:

– А вот и вокзал.

На перроне черное табло с золотыми бегущими буквами недвусмысленно извещало, что последний поезд на Лондон ушел два часа назад с третьей платформы.

– Про платформу особенно утешительно, – заметил Григорий.

– Значит, так, – строго сказала она, – никто не виноват. То есть все виноваты поровну.

– Угу, – легко согласился он, – оба не догадались заранее посмотреть расписание.

Покачивая головой в белой вязаной шапочке, дежурный индус рекомендовал гостиницу и выдал книжечку с расписанием на завтра.

Они покорно вернулись на мост с белыми розами.

– Ну и история. – Засунув руки в карманы, Григорий качнулся с носка на пятку и вздохнул: – Все планы на завтра к черту.

– Будем расстраиваться или пойдем искать, где переночевать? – спросила Мария.

Ей легко было изображать бодрость, потому что она и не расстраивалась: она скорее бы даже удивилась, если бы на этот раз ей удалось удрать.

– Переполнены, – развела руками девушка в форменном пиджачке. – В Йорке в выходные, да еще и в сезон, найти свободный номер практически невозможно.

Еще не осознавая до конца всей безнадежности своего положения, бесприютные путники снова оказались на вечерней улице.

– В конце концов, – напомнила Мария, – у нас всегда в запасе есть «Белая лошадь».

Историю своих прошлогодних походов она уже давно поведала спутнику.

– А может, сразу туда и направимся?

«Белая лошадь» приветливо мигала электрическими огоньками, фермеры в клетчатых рубашках стучали кием, словно никогда и не прерывались, барменша за стойкой расставляла бокалы, – все находилось на тех же местах, что и в прошлом году, только свободных мест не было. Кто-то уже спал в крохотной комнатке под самой крышей и пил чай из облезлого чайника.

Сомкнутые ряды домов, похожих друг на друга, как члены клуба «Кому за триста», потянулись перед ними, пустынные и слабоосвещенные. Они поднимались по ступенькам к сияющим стаканам света, искали на стене звонок, смотрели, как по ступенькам спускается вниз хозяин пансиона, отрицательно качая головой, пожимали плечами и шли дальше, на музыку и шум большого отеля, к закрытым калиткам, за которыми, в глубине палисадника, виднелась надпись «Bed & breakfast».

Строгий швейцар открывает подъезд, нет, отвечает, в Америке мест...

Через полчаса они сообразили, что табличка с надписью «Novacansu» означает вовсе не рост безработицы в графстве Йоркшир, а банальное отсутствие свободных номеров.

– Вы к нам сегодня уже двенадцатые приходите, – сочувственно сказала светловолосая барышня со значком «Кристина» на лацкане. – Мы всем советуем уезжать в соседний город, например в Лидс. Здесь вам ничего не найти.

«Интересно, – думала Мария, – когда он упадет духом? Когда вспомнит, что в Англии вокзалы на ночь закрывают?»

Странно было и то, что вдруг потеплело. Совсем исчез ветер, и час бессмысленных блужданий не заморозил их и не утомил.

– Выход один, – сказал Григорий. Последние полчаса он перестал шутить и только упорно продолжал подниматься к запертым дверям. – Надо возвращаться на вокзал и садиться в ночной поезд на Эдинбург. Если он еще не ушел.

Навстречу все чаще стали попадаться компании тружеников метлы и мусора. Они проходили мимо молча, мягко огибая парочку, только стреляя исподлобья быстрыми блестящими взглядами.

Инстинктивно она прижалась ближе к спутнику и просушила ладонь под его теплый локоть.

– Я предлагаю двигаться к вокзалу, а по дороге методично стучаться во все дома.

Они свернули в темную аллею, которая вела прямо к городским воротам.

Дом белел в темноте, освещенный изнутри световым колодцем высокой лестницы. За стеклянными дверьми мелькнула фигура.

– У вас нет свободных комнат для двух человек?

Пожилой коренастый мужчина в светлой рубашке с расстегнутым воротом покрутил головой, но дверь не закрыл, словно колеблясь.

– Дело в том, что наш дом на реконструкции.

Мы вообще не пускаем постояльцев, ну разве что одного-двух, из постоянных, а в комнатах жить нельзя.

Но они уже уцепились.

– Любая комната будет лучше, чем ночевать на улице, – твердо сказал Григорий.

– Но нам надо две, – не очень уверенно встряла девушка.

Мужчина постоял, раздумывая минуту, потом решительно повернулся и приглашающим жестом махнул им через плечо: – Пойдемте, я вам покажу, что у меня есть, а вы уж сами решите, подходит вам или нет.

Половину мансандры занимали поставленные на попа матрасы, коробки неизвестно с чем и невскрытые банки краски, вследствие чего повернуться в комнатке не было никакой возможности. Однако также присутствовала большая застланная кровать и – боком к ней – узкий дерматиновый диванчик.

– Отличная комната! – воскликнул Григорий. – Вы нас спасли! Просто подобрали на улице! Сколько мы вам должны?

– Я сейчас спущусь вниз и принесу ключи и полотенца, – уклончиво ответил спаситель. – Душ за соседней дверью, имейте только в виду, что напротив вас, в восьмом номере, живет постоялец.

Приняв у счастливой парочки пятьдесят фунтов, он ожил и, ловко застилая диванчик, словоохотливо рассказал,

что сам родом из Ирландии, моряк («Просто морской день сегодня», – переглянулись они), женился на вдове, хозяйке дома, бизнес идет хорошо, а русских он любит, плавал во Владивосток, в Санкт-Петербург, давно правда, уж и не помнит, в каком году...

Он иссяк, слегка переваливаясь на ходу, сдвинул к окну коробки и бесшумно прикрыл за собой дверь.

– Давайте представим, что мы в купе спального вагона. Я выйду в ванную, а вы в это время укладываетесь.

Когда Мария вернулась, умывшись холодной водой из левого краника, которую так и не смогла смешать с кипятком, бьющим из правого, молодой человек уже лежал на своем диванчике, укрывшись с головой и отвернувшись к стене.

– А где здесь гасится свет?

– Там, над раковиной, надо дернуть за веревочку. Мария дернула за веревочку и забралась под одеяло. Дом скрипел, шуршал, шелестел чем-то и ухал где-то в самой глубине.

Вдруг на лестнице послышались шаги. Они приближались, неровные и нетвердые, словно нога не сразу находила следующую ступеньку. Мария приподняла голову. Со стороны диванчика не раздавалось ни звука, словно там никого и не было. наконец шаги остановились у двери.

«А ведь я не закрыла замок, – ахнула она и подумала: – Пора визжать».

Забрякал ключ, послышался звук мягко поддавшейся двери и щелк замка в восьмом номере.

Мария откинулась на подушку и вздохнула – бог весть почему.

Утром она проснулась по московскому времени. За окном было серо, а в доме тихо. Она припирала к окну, пытаясь разглядеть, льет ли дождь, или это так дрожит воздух сквозь неровное стекло.

– Что ты там высматриваешь?

– Хочу понять, идет ли дождь.

Григорий резким движением нажал ручку, распахнул на себя раму и, подавшись вперед, вытянул руку – ладонью вверх.

– Моросит.

Он постоял, разглядывая влажные черепичные крыши, и, вдруг оживившись, обернулся к ней:

– Слушай, город ведь совсем пустой! Какие снимки получатся! Пойдем скорее отсюда!

Они сбежали по лестнице вниз и остановились у маленького столика при входе. Под зеркалом с подзеркальником, в котором стояла необожженная свеча, рядом с распахнутой книгой, лежал круглый серебряный звонок.

– Помнишь, – Мария потянула руку к кнопке, – моряк просил утром позвонить и оставить ключ.

За стеклянной дверью, отделяющей гостевую часть дома от хозяйской, была видна еще одна лестница, покрытая зеленым ковром.

Сначала они услышали, как где-то наверху задребезжал звонок, потом открылась дверь и по ступенькам, держась за перила жилистой рукой, спустилась старая дама в пеньюаре и чепце на неубранных седых волосах.

– Что вам угодно? – сухо и неприветливо спросила она.

– Мы хотели оставить вам ключ и еще раз поблагодарить вашего мужа.

– Кто вы? Какого мужа?! – отпрянув назад, вскричала дама.

– Я так и думал, – рассмеялся Григорий, – этот парень из восьмого номера неплохо заработал на нас!

– Понимаете, – вежливо разъяснила Мария, делая руками успокаивающие пассы. – Вчера поздно вечером нас впустил мужчина, который сказал, что есть свободная комната. Нам не могло прийти в голову, что он – постоялец.

Лицо дамы затряслось, и, словно стараясь удержать дрожь, она схватила рукой длинный подбородок:

– В восьмом номере никто не живет! У нас вообще никто не живет! Дом на ремонте!

– Постойте, – вмешался с отменной любезностью Григорий. – Этот джентльмен сказал нам, что он ирландский моряк, он и правда так и выглядел: рыжеватые короткие усы, белая незастегнутая рубашка, цепочка со свистком на шее... Мария открыла рот, пораженная его наблюдательностью, а дама вдруг покачнулась и медленно, как груда белья, осела на ступеньки.

– О’Брайан. Это опять он. Я надеялась, что он после ремонта уберется, дважды его рундук проклятый с чердака выносила, а он опять за свое!

– Гриша! – закричала девушка. – Ты что-нибудь понимаешь? Гриша, ты где?

Фитилек свечи в подзеркальнике, почти не вид-ый в бледном утреннем свете, вдруг вспыхнул красным фазаньим огнем и погас.

Припав плечом к перилам лестницы, старуха в громадном чепце рвала платок корявыми пальцами и бор-мотала что-то про черный парус, петлю на рее и золотую цепочку в кружевном вороте белой рубахи. А пустая улица, на которой стояла, озираясь по сторонам, ошеломленная путешественница, – совершенно пустая улица упиралась трубами в мокрое небо и пахла утренним кофе, ранней опавшей листвой и так и не зажженным порохом.

ВАТЕРЛОО

В кэбе полутьма. За окном мелькали уличные огни.

Бледные полосы скользили, поочередно показывая в неживом свете острый профиль, поднятый воротник, отвороты тяжелого, как шинель, пальто, переплетенные пальцы и снова профиль, плечо, воротник. У него была такая странная манера – вдруг замереть и сидеть недвижимо, словно обдумывая какую-то важную мысль, и вид его при этом был

так значителен, что Анна терялась и замолкала сама, ожидая, когда он решит что-то для себя и снова заметит ее, сидящую рядом.

«Если бы я умела рисовать, – думала она, – я бы сделала его своим натурщиком. Усадить в кресло, накинуть на плечи плащ, нет, тогу, нет, дать в руки трость, и пусть он положит ладони, одну наперекрест другой, на серебряный набалдашник в виде львиной головы».

Она откинула назад голову, как будто проверяя дистанцию между кистью и любимым лицом.

«Или нет, по-другому: спустить на запястье кружева цвета слоновой кости, а на лоб натянуть низко, до самых бровей, шляпу с белым страусиным пером.

Двигать, менять позы, тормозить и смотреть, смотреть безнаказанно, без удивленно поднятой брови и вопросительного взгляда: “Что?”»

– Помнишь, – спросила Анна, – мы летом собирались в «Глобусе» смотреть Генриха Пятого?

– Помню, – ответил Антон, – мы тогда не достали билетов.

– А сейчас его ставят в «Аполло». Опять, однако, загвоздка: поскольку пьеса длинная, они начинают спектакль в два часа дня. Ты не можешь завтра пораньше освободиться?

– Ах нет. – Строгая бровь изгибается вверх, а губы кривятся, как у настоящего лондонского хлыща. – Вот если бы еще Первый – тогда ладно, а то всего лишь какой-то Пятый.

Антон рассмеялся, но, кося в сторону спутницы карим глазом, понял без комментариев: шутка не удалась.

Она делано улыбнулась: многолетняя привычка не выдавать разочарования перед мужчинами и деть-ми. Улыбнулась, посмотрела в окно на бегущий мимо Лондон. Поправила беретик на коротких волнистых волосах.

«Чем я недовольна? – думала Анна. – Он должен менять мгновенно планы по любому моему капризу? Нет, он вообще ничего не должен. Да и вправду, почему нам обязательно каждый вечер ходить в театр? Можем, как обычно, встретиться после работы, после его работы, она-то была совершенно свободна в те несколько дней, когда всеми правдами и неправдами ей удавалось прилететь в Лондон. Догулять, например, пешочком до Сохо, болтая и заглядываясь на вывески, а потом засесть в китайском ресторанчике, где в оконных витринах качаются на крюках худые и смуглые утки. Или – еще лучше – забраться на высокие стулья у потерянной стойки, потеснив двух джентльменов в широких расстегнутых пальто, не спеша выуживать из стакана с коктейлем мокрые апельсиновые дольки и смотреть, как падают на лоб длинные темные волосы, когда он склоняется над бокалом».

Кэб остановился у ярко освещенного входа в театр.

– Это «Олдвич», а нам надо в «Олд Вик». Водитель, видно, недослышал.

Это Анна произнесла вслух, а про себя сердито добавила: «Антон, как и прежде, говорит с русской интонацией, про-

глатывая окончания слов».

Они растерянно потоптались на тротуаре. на билетах, которые Анна заказала в отеле, не был указан адрес театра, а обсуждать варианты – причем самый простой из них – снова остановить кэб, – ей не позволяло копившееся недовольство.

Немолодая англичанка, похожая на Маргарет Тэтчер всем, кроме дружелюбной улыбки, заметила явно затруднительное положение пары иностранцев:

– Я могу вам помочь? «Олд Вик»? О да, вас привезли в неправильное место. А театр недалеко, на том берегу реки.

К мосту Ватерлоо они шли в полном молчании.

– Сердишься?

– Нисколько.

Игнорируя осторожно протянутый локоть, Анна поднялась по лестнице, ведущей с набережной на мост.

Рука скользила по перилам. По мокрой мостовой плыли крупные кленовые листья. У решеток листва собиралась в кучи и налипала на кованые прутья, словно билась пятипалыми ладошками в запертую калитку, и скапливалась у ступенек, которые вели к обнаженному берегу реки.

Гнев собирался у горла. Это она хорошо за собой знала. на неожиданном месте – и причины порой не найти очевидной – вдруг именно замолкала – и не добиться было от нее ни слова, ни объяснений, только угрюмый взгляд и тишина. Бывали случаи, признавалась Анна сама себе, как независимый наблюдатель за собственной персоной, когда она замол-

кала на несколько дней. Брат, например, привыкнуть к этим тихим ссорам не мог и так расстраивался, что ей же, им обиженной, приходилось его утешать.

– Знаешь что, – вдруг остановилась она посреди моста, – я и сегодня могу одна сходить в театр! Ты вообще не обязан делать усилия, чтобы сопровождать меня повсюду! можешь идти и заниматься своими важными делами!

Пройдя по инерции еще пару шагов, он остановился и, глядя ей в лицо, отдельно произнес:

– Я сегодня ничем не занят. У меня свободный вечер. Мы идем в театр.

Короткие предложения звучали так, будто он говорил с человеком, плохо владеющим русским.

Сунув руки в карманы куртки, Анна пожалала плечами и двинулась дальше от мутной Темзы.

Прямо за станцией Ватерлоо, как и обещала добрая Тэтчер, белел театр. Издалека виднелись большие буквы на фасаде: «Гедда Габлер».

Пустой холл, разделенный бархатными канатиками, чтобы правильно выстраивать очередь, был похож на бассейн, готовый к заплыву.

– Ты не хочешь, чтобы я оставался?

– Это ты не хочешь идти со мной!

– Если бы я не хотел, меня бы здесь и не было.

– Ах вот как!

– Ну, что случилось? Почему вдруг такая агрессия?

– Ты еще агрессии не видел!

– Когда увижу – скажу, что супер!

– Я что, уже и реагировать не имею права? Ты хочешь, чтобы я была с тобой искренней, – вот, я искренне реагирую. Я же не радио, чтобы меня можно было включать и выключать, когда тебе удобно.

– Это не реакция, а шантаж! Я не придумываю, я правда не могу нарушать порядок!

– Я последний человек, который будет требовать от тебя нарушать что угодно! Не в этом дело!

– А в чем? Что я не так сказал?

– Не знаю.

Анна внезапно устала. Он мгновенно уловил ее слабость и применил классический прием. Сначала лукаво блеснули глаза, потом улыбка побежала вниз, по мягким складкам, которые раскрывались ей навстречу так быстро и уместно, что дрогнули и наконец расплылись губы.

Не устояла, улыбнулась в ответ и она.

– Пойдем, выпьем что-нибудь, до начала еще целый час!

По витой лесенке они спустились в подвальчик.

– Тебе вина? А я, если ты, конечно, не возражаешь, – подчеркнуто спросил Антон, – выпил бы пива.

Расположившись в низких кожаных креслах, они смотрели, как у стойки бара постепенно скапливается публика.

– Интересно, – заметил он, потягивая пиво, – коренная англосаксонская порода отчетливо видна на мужских лицах.

А вот у женщин все больше среднеевропейский вид. Каждая из них может одновременно быть и датчанкой, и немкой, и бельгийкой.

– Разная адаптивность?

– Простые ответы всегда самые правильные. мужчинам нужно сразу отличать, где свой, где чужой. Внешность – как мундир со знаками отличия.

– Женщине и смотреть не надо, чтобы определиться. Говорят, хватает три секунды, чтобы тетенька по одному виду решила, подходит ей этот дяденька или нет.

– Я где-то читал, что женщина, только прикоснувшись к коже, может определить возраст.

Улыбаясь, он подвинул руку навстречу пальцам, которые уже любознательно тянулись к нему. Она прикоснулась к теплему запястью и склонила набок голову, словно прислушиваясь к организму: «Шесть лет, не больше!»

– Что ты чувствовала, когда молчала? Обиду, одиночество?

Анна вошла в образ. насупилась. Казалось, что рыжеватые волосы бросают на ее лицо легкий отсвет, а может, и не волосы вовсе, а электрический свет придавал нахмуренному лбу, светленьким бровям и сжатым в стрелку губам бледный, золотистый колер. Все вернулось: мост Ватерлоо, высокая вода, темные машины блестят мокрыми боками.

– Я чувствовала, как будто тебя нет.

– Одиночество, – удовлетворенно констатировал он и от-

кинулся на спинку кресла.

– А ты что чувствовал?

– Я думал, какая-то глупость происходит.

– Не уклоняйся, я про другое спросила.

– Другое, – согласился он и, подумав, засмеялся:

– Спокойствие. Я был уверен, что все как-то урегулируется.

– Спокойствие?! – возмущенно крикнула она. – Ты бы видел свою перекошенную физиономию! Ты и сейчас боишься!

– Чего же я боюсь?

– Наши отношения оказались сложнее, чем мы думали.

– Думали так, теперь по-другому. Сами отношения ведь не изменились? Ведь так? Не изменились? – спросил он с нажимом.

– Не изменились, – ответила она и испугалась.

Зазвенел звонок. Публика поднялась, торопливо допивая и доедая, и густо двинулась в зал.

– Отношения – это не то, что мы делаем. Они живут сами по себе, как отдельное от нас третье существо.

– Не знаю, не думал об этом.

В баре погас свет, как последний сигнал к началу спектакля. В темноте его лицо казалось большим и детским.

«Еще бы, – подумала она. – Ты никогда не был подвергнут любви. В этом весь ужас».

– Надо идти. – Антон со стуком поставил стакан и поднялся.

Сцена соответствовала той единственной фразе, которую Анна помнила с университетских лет: «Из окон лился свет». молодая женщина в платье из белой парчи резко закидывала назад красивую голову с замысловатой прической, зло смеялась и стреляла из револьвера.

– Займитесь рисованием, – советовал стареющий резонер, а Гедду Габлер распирали неведомые в XIX веке желания.

– Что ты хочешь от него? – спрашивала честная фрау Теа, защищавшая свое право быть преданной. Право не быть собой. Гедда умыкала у нее не просто любовника, она забирала идеал и при этом не имела ничего, что могла бы этому идеалу предложить взамен нечеловеческой преданности.

– Я хочу распоряжаться его судьбой.

– Для этого у тебя есть муж, – со скандинавской прямолинейностью отвечала отвергнутая ради Гедды дама.

– Я хочу распоряжаться его судьбой, – повторила Анна. – Я своей-то распорядиться толком не умею.

Театральный сумрак сближал, и, даже не поворачивая головы, она чувствовала напряженное тепло, ровной волной заполняющее пространство между нею и его плечом. Она оторвала взгляд от сцены и взглянула на молодого человека, который сидел рядом с ней сложив на груди руки.

– Тебе не скучно?

– Нет, нет, нисколько.

– А ты понимаешь текст? Здесь же вся прелесть в репликах. Я сама не все схватываю.

– Да что тут не понять? Старый муж, молодой не-удачник и дамочка, которая пытается всеми манипулировать.

– Слабые всегда манипулируют. Они же не могут впрямую давить, как сильные. Давление ведь намного противнее, да?

– Давления я вообще не переношу, это всегда – как против шерсти.

– Пошли отсюда? На нас уже соседи шикают.

– Нет.

– Да.

– Ты точно хочешь уйти?

– Я помню, чем кончится. Она перестреляет полтруппы.

В дымном блеске светился ночной Лондон. фонари вдоль моста Ватерлоо висели над темной рекой золотую дорожкой.

– Тебя проводить?

– Пожалуй, не стоит.

– Как хочешь, до завтра. Ах да, ты же завтра собралась на Генриха!

– Да ну его, этого Генриха! С ним они неприятности. Тем более что он всего лишь Пятый!

– Ну, созвонимся. – мазнув по ее щеке модной небритостью, Антон быстро двинулся по переходу в сторону метро. Широкая спина мелькнула еще пару раз, освещенная фарами, и утонула в верткой уличной сутолоке.

Наглухо закрытые шторы превращали маленький гостиничный номер в коробочку. Анна скинула туфли и забралась с ногами на кровать, которая занимала столько места, что

между нею и окном можно было пробраться только бочком.

«Эта история никогда не кончится», – думала она. Как ее сегодня подмывало сказать: «Да, уходи!» И вовсе не потому, что правда обиделась. Ей до зуда хотелось натянуть нить и проверить на крепость их двухлетнюю прерывистую связь. Рукой пощупать испуг. Что он будет делать? Уйдет с облегчением, оставив ей только имя в адресном списке между фотографом и печальным красавчиком с НТВ? Или обернет все в шутку, рассмеется, ухватит ускользящую нить и медленно притянет к себе? Покладистый, покорный в мелочах – куда пойти, где посидеть, в какой гостинице снять номер, – он безошибочно вычислял каждую ее попытку проникнуть за очерченный круг. Темные глаза мгновенно теряли веселость и смотрели не-подвижно и чуждо.

Как в плод прорваться сквозь кожуру, вгрызться в податливую мякоть, добраться до влажной сердцевины, до косточки, твердой и шершавой, – так хотелось ей докопаться до того, что на самом деле он думает, чувствует, прячет. И схватить, завладеть, не отпускать уже больше никогда, держать в крепком кулачке самую сущность его жизни. Пробовала не раз – и после каждого Ватерлоо жертв становилось больше, чем спасенных.

Больше они не встречались. Сталкивались, конечно, когда он вернулся в Москву, у общих друзей и в редакции, но все мельком, не глядя. Однажды даже оказались рядом в очереди в буфете. Антон нажал на кнопку кофейного автомата

и налил кофе себе и ей. Обхватив пальцами горячие бока, он поставил бумажный стаканчик на поднос, и от клетчатого фланелевого рукава к ее руке потянулась знакомая волна напряженного тепла.

– Ну, привет. – Он кивнул и быстро двинулся к выходу. Зеленая клетка еще мелькнула пару раз среди незнакомых людей и исчезла, смешалась с толпой.

А она осталась стоять, держа в руке горячий стакан, дымящийся, как револьвер.

ОВСЯНКА ПО-ИРЛАНДСКИ

Честно говоря, ирландцев я представляла по-другому. Крепкими, рыжими, зеленоглазыми. Немного разгильдяями и поэтами. Началось все вроде правильно: в такси играла нежная ирландская гитара, зеленые светящиеся указатели в виде стрелок проносились мимо, сливаясь в изумрудную полосу, которая вела нас в город.

Домик, где нас ждали, оказался коттеджем, укрытым зеленью, внутри же он выглядел как иллюстрация к классическому английскому сериалу. Плетеная мебель на веранде, желтые даффориды в китайских вазах, кресла с высокими спинками у камина и темные дагерротипы в серебряных рамках: мальчик в матроске, молодой летчик в кожаном шлеме, девушка в коляске придерживает шляпу на гладких волосах.

Хозяйка, невысокая, худенькая, с быстрыми, как у белоч-

ки, глазками, поставила по краям длинного стола подсвечники. Два джентльмена – хозяин дома и брат хозяйки – тихими сдержанными голосами ведут застольную беседу. Разговор перекачивается между ними, как теннисный мячик. Я автоматически выпрямляю спину, но где мне – такой прямоты добиваются, как гладкости у газона, – веками.

Близнецов, вихрастых, веснушчатых, одетых в клетчатые твидовые пиджаки подростков, подводят знакомиться. Чуть склонив в знак приветствия головы, они протягивают нам ладошки:

– Как дела? Позвольте представиться: Тони.

– Джонни, рад знакомству.

Хозяйка раскладывает по тарелкам ростбиф.

– Вы не передадите мне йогурт?

– Йогурт к мясу? Благодарю!

– Элина, – это вариант моего имени на английском, – что бы вы хотели на завтрак?

– А что вы готовите обычно?

Если бы вежливость позволила леди поджать губы на наивный вопрос иностранки – но нет, и она растягивает улыбку, пряча в глазах изумление:

– Конечно, овсянку!

Я ухожу, не дождавшись десерта, ссылаясь на усталость после путешествия, и через пару минут спускаюсь по лестнице вниз:

– Простите, нельзя ли включить отопление в комнате?

Там очень холодно.

– В комнате? – Хозяйка смотрит на меня с оторопью. –
Зачем в комнате тепло?

– Вы знаете, – тушуюсь я, – немного болит горло...

– А, – кивает хозяйка, найдя объяснение моей безрассудности. – Обычно мы включаем его по утрам на два часа. но раз у вас такие обстоятельства...

По приставной лесенке, состоящей из трех ступенек, покрытых зеленым фетром (такие бывают в библиотеках), я забираюсь на покрытую пологом постель. Она возвышается посреди комнаты прямо под хрустальной люстрой со свечами. Колотун – как в бараке.

Может, завтра я встречу ирландцев?

Стол накрыт для завтрака. Старинный охотничий сервиз, тарелки со стертыми, как у писем, краями.

Хозяйка торжественно разливает кашу.

– Овсянка, сэр! – не могу удержаться я, да кто бы смог?

– Элина, вот молоко и сахар к каше.

– Позвольте, я положу масло? Невозмутимая леди сдавленно шепчет за моей спиной мужу:

– Смотри, она ест кашу с маслом!

Вот Грег оказался настоящим ирландцем!

– Ирландец должен говорить по-ирландски, – сказал он, – но никто не имеет права заставлять его это делать!

Он был бледен, немного седоват и одет в зеленую теплую куртку. мы втроем (я, мой спутник и наш дублинский экс-

курсовод) стояли на станции метро и рассматривали надписи, сделанные на двух языках.

– Мне кажется, – сказал Грег, – ирландский должен быть похож на славянский.

Его лицо вдруг стало торжественным, как у короля Лира, он слегка отодвинулся от нас, откинул голову и заговорил непонятно и очень красиво. Мы догадались, что он читает стихи на древнем кельтском языке. На славянский было не похоже нисколько.

– У нас допотопная система образования, – горько заметил он (видимо, чтение стихов навело его на эту мысль). – А вы знаете, что во время британской оккупации, буквально до девятнадцатого века, англичане запрещали ирландским детям учиться? Детей учили тайно. Открывали так называемые школы у околицы. В классе было по сто ребятишек. Порой учитель приходил на урок – а школы нет. Это означало, что английские солдаты заметили ее и снесли.

Вся экскурсия так и протекала под знаком борьбы с англичанами. Грег слегка отвлекался на другие моменты, но от основной темы оторваться не позволял.

Вдоль неширокой на российский взгляд реки Лиффи сверкали стеклянные небоскребы. Формы они были самой причудливой: один напоминал уложенные рядами детские кубики, другой изображал опрокинутый на бок бочонок.

– Это все построили во время экономического взлета. Помните: кельтский тигр! – пояснил Грег и тут же вернулся

к главному, тем более что повод был.

– Давайте присядем на скамеечку, – предложил он. Мы сели, подставив лица весеннему солнцу, а Грег показал рукой на надпись «Джини Джонсон», золотыми буквами выведенную на борту старинного парусника.

– В девятнадцатом веке главной культурой, которую выращивали ирландские фермеры, была...

Грег выжидательно посмотрел на нас, и я, как хорошая ученица, быстро закончила предложение:

– Картошка!

– Верно! – радостно похвалил меня Грег, но тут же грустно продолжил: – Вы, может, спросите, почему они не догадались, что нельзя опираться на монокультуру?

– Хороший вопрос! – вставила я.

– Отсутствие образования! – поднял палец Грег, я покивала головой, но, признаюсь, подумала, что тут что-то другое. Вот наш русский крестьянин тоже не был избыточно образован, однако его долго пришлось уговаривать, прежде чем он поверил незнакомому фрукту.

– В общем, когда пришла беда, а именно страшная эпидемия, поразившая картофель, то начался страшный голод. Более миллиона человек погибло. Американцы прислали два корабля с пшеницей, чтобы помочь голодающим, но англичане не разрешили им войти в порт: «Как это – бесплатно раздавать еду? Это разрушит экономику!» – говорили они. А я думаю, – Грег значительно выгнул бровь, – просто радо-

вались: вот так они сломят ирландский дух!

Он повел плечами, то ли от холода, то ли демонстрируя нам, что никакие происки уж его-то духа не сломят, и продолжил:

– Так вот на этом паруснике полтора миллиона ирландцев эмигрировали в Америку. Причем этот корабль знаменит тем, что на нем не умер ни один человек! А ведь в это время смертность во время морских путешествий была такая, что судна называли «гробовыми кораблями»!

Мы поднялись и двинулись вдоль по набережной.

Навстречу нам, к кораблю, шли истощенные, замотанные в отрепья люди: мужчины со скудным скарбом в иссохших руках, женщины с ввалившимися щеками, отец, сгибаясь, нес на плечах ослабевшего ребенка, и тощая, с впалыми боками, собака тащилась за ними следом... на их бронзовые фигуры падала тень от деревьев, и отчаянье на их лицах мешалось с надеждой...

В начале главной улицы Дублина мы остановились у величественной статуи.

– Это Даниел О'Коннели – наш самый выдающийся политик! – объяснил Грег. – Он добился, чтобы английский парламент уравнил ирландцев в правах с англичанами. И он всегда был противником любого насилия! А насилия хватало! Вот посмотрите: видите, во многих местах фигуры, окружающие пьедестал памятника, пробиты пулями? Это свидетельство восстания ирландского народа против англичан.

Походя показав нам несколько великолепных образцов георгианской архитектуры и пешеходную улицу, наш экскурсовод подвел нас к зданию почтамта.

– Это сердце Дублина, – сказал он. – Именно здесь началось неудачное восстание Пирса! Сейчас я покажу вам его памятник!

Мы крепко пожали руку настоящему ирландцу и двинулись в самостоятельное плавание по улицам Дублина. Теперь, когда мы плотно изучили историю освобождения Ирландии от Британского ига, наши интересы направились в более мирное русло: Дублинский замок, твердыня английского могущества, и собор Святого Патрика – средоточие ирландского духа. Удивились, кстати, узнав, что великий сатирик Джонатан Свифт, автор «Путешествий Гулливера», сочетал язвительный характер с должностью настоятеля собора.

Фабрика «Гиннесс» возвышалась над кварталом, как цитадель. За высокой каменной стеной, ограждающей производство самого известного в мире пива, видны корпуса, круглые крыши солодоварень и даже огромный собор. Мы зашли в паб прямо напротив входа на пивоварню. Краснощекий рыжий хозяин поднес темный стакан. на кремовой пузырящейся пене был выведен кленовый листок.

В Москве любую экскурсию начинают с Царь-колокола, в Америке – с отцов-основателей, в Дублине главной гордостью является книга. Келлская книга, которая хранится в

стенах старинного университета «Тринити-колледж», основанного еще Елизаветой Первой Английской.

По легенде, эту книгу начал писать еще в IX веке святой Колумбо с острова Иона, откуда ее, спасая от викингов, и привезли в Ирландию. Викинги, кстати, успели-таки отодрать от манускрипта обложку, украшенную драгоценными камнями. Здесь, в Келлском монастыре, четверо монахов завершили труд. Сверкая немеркнущими красками, священная во всех смыслах слова, книга лежит под стеклом на витрине. Раз в месяц сотрудник музея переворачивает одну страницу. На стенах святятся увеличенные фотографии таинственных кельтских узоров, причудливых фигур, гибких животных – свидетельство золотого века Ирландии.

Пологие холмы катились мимо окон автобуса, как волны. Домики за невысокими изгородями, белые комочки овец, прозрачные речки.

– Обратите внимание, – сказал Грег, – посреди поля стоит невысокий холмик с двумя-тремя деревьями. Это место, где живут феи. никакой фермер не тронет его, и даже если прокладывают дорогу, то предпочтут обойти стороной. Спросишь: «Ты что, правда веришь в фей?» Он руками замашет: «Ты что, как ты мог подумать!» А потом добавит: «но зачем ссориться с ними?»

Мы едем в Ньюгрейндж – так неожиданно называется древнейшее место не только в Ирландии, но и в Европе. В этой долине жили и строили свою цивилизацию люди нео-

лита.

Высокий холм венчает круглое приземистое строение, которое мы назвали бы курганом. Самое древнее крытое сооружение, оно старше Стоунхенджа и даже египетских пирамид. Построено оно из огромных, подогнанных друг к другу плоских камней, а снаружи выложено белым кварцем. Гранитные монолиты по реке на плотах привозили издалека, используя рычаги, поднимали камни на холм и строили стены. Как сложно должно было быть устроено общество в те далекие неолитические времена, чтобы выполнить работу, требующую организованности, изобретательности и дисциплины. И как высока должна была быть цель, с которой возводили первый каменный собор!

Вход в здание преграждал длинный камень. На нем от края до края вились таинственные спирали, вырезанные древним человеком. Какое послание заключено в этих линиях? Кому оно направлено: небесам или потомкам?

Нас всех, приехавших на автобусе, разбили на мелкие группы. По проходу, такому узкому, что иногда протискиваться приходилось чуть ли не бочком, провели внутрь, в погребальную камеру, где в трех нефках располагались ритуальные чаши.

– Когда археологи провели раскопки, – рассказывал экскурсовод, – то неожиданно обнаружилось еще одно невероятное значение этого памятника. Посмотрите, – он показала на проход, по которому мы только что пришли, – видите, над

входом, отделенное плоским камнем, расположено узкое окно. Один раз в году, двадцать первого декабря, в день солнцестояния, утреннее солнце бросает свой луч в эту прорезь. Свет падает золотой дорожкой на пол, бежит по коридору и внезапно освещает все это пространство! Кстати, – добавил Грег менее торжественно, – вы можете стать участниками лотереи. Победители – три человека – получают право присутствовать при этом уникальном событии!

«Нет, – подумала я, – я не стану участвовать в лотерее. надо быть ирландцем, чтобы со всей мощью кельтского воображения чувствовать эту удивительную связь зеленого пространства, спиралей, начертанных на древних камнях, и золотого луча, посланного с небес в урочный час».

– Глендолох, – сказал Грег, – это не просто красивое место. Красивых мест в Ирландии много. – Он подумал и добавил: – Вся Ирландия красивая. – Потом помолчал немного, переживая наше бурное кивание, и продолжил: – Это место силы.

Наш настоящий ирландец провожал нас на автобус, направляющийся в графство Виклоу через горы, через торфяные болота, к руинам монастырского города Глендолох. Грег волновался, отправляя нас одних в путешествие.

– Имейте в виду, – предупредил он, – там везде проложены дорожки, мостики. никуда с них не сворачивайте, на траву не ступайте, там один шаг в сторону приравнивается...

– К сотрудничеству с Англией?

Грег посмотрел в мои невинные глаза, вздохнул и закончил:

– К опасности! Там под каждым бугорком может оказаться топь! Глендолох – это долина между двумя озерами, оставшимися с ледникового периода. Про ледниковый период Грег говорил так, будто он случился прошлой осенью. Я представила себе тающий лед, влажную землю и задержавшуюся в горных долинах воду... Весна человечества.

Много веков назад, не убоившись топей, в Глендолох пришел святой Кевин. Он искал уединения и тишины, однако недолго удалось пожить ему отшельником в пещере над Верхним озером. Как это часто случалось в истории, прослышав про великого святого и его мирные чудеса, в долину потянулся народ. И не просто монастырь основался на берегу ледникового озера, окруженного соснами, а целый монастырский город. Наверное, самым большим подвигом для святого Кевина было терпеть вокруг себя неизбежную суету, которую хочешь не хочешь, а создадут вокруг тебя несколько тысяч человек, – именно столько народу про-живало в то время внутри монастырских стен.

Ирландские монастыри, как и русские, были центрами образования: здесь, в Глендолохе, многие века творилось просвещение и создавалась книжная культура. Монастырь закрыл английский король Генрих Восьмой, а окончательно разрушили солдаты Оливера Кромвеля.

Много чего могут напортачить короли, но никому не уда-

ется принести столько вреда, сколько радателям за народное благоденствие! Вот о чем беседовали мы с моим спутником, блуждая меж величественных руин.

Сила человеческого духа, не уничтоженная ни гонителями, ни временем, стояла в воздухе, крепкая, как рать, и прозрачная, как озерная вода. Церковь Святого Кевина, сложенная из серых камней сухой кладкой, сурово смотрела в небо своей высокой трубой, за которую местные жители называли ее «кухней». Старое кладбище, с утопленными в землю могилами и каменными крестами, собор с окном, похожим на огромный глаз, дом священника, явно построенный в более позднее время, – и над всем этим возвышается огромная круглая башня. Такие башни строили в ирландских монастырях для того, чтобы спастись от набегов викингов ценности, поэтому вход прорезали на высоте трех метров от земли.

Вокруг острой верхушки башни кружили черные птицы. Может, потомки тех самых дроздов, которые вили гнезда в ладонях святого Кевина?

– А ведь ирландское христианство очень близко к русскому православию, – сказал Грег. – У нас даже кресты похожи.

Мы сидели в пабе на набережной Лиффи и хлебали ирландское рагу. Наш дублинский друг пустился в длинный рассказ о том, что римский католицизм обошел Ирландию стороной, что еще до появления святого Патрика ирландцы знали о благой вести, о связях с коптской церковью... мы покорно слушали, не сильно вникая в теологические пери-

пети и подробности нашего родства, и думали: «Какая разница? Главное, что оно есть».

НАСН БЕРЛИН

Улетела в Берлин в домашних тапочках. Ребенок пошутит вслед: в Германию – как домой. Совсем закурилась.

Мимо меня к иллюминатору пробралась барышня, извиняясь и толкая сумкой. Разулась, поставила ноги на край спинки сиденья, которое располагалось перед ней, и закрыла уши наушниками. На все вопросы стюарда, который настойчиво втохивал нам конфеты, советы и правила безопасности, кричала:

– А? Что?

Самолет взлетел, и девица в буквальном смысле слова вцепилась в себя. Сначала она долго и тщательно ковыряла в носу, стряхивая выковыренное на пол. Недра казались неисчерпаемыми. Потом она извлекла салфетки и пару раз – не стану преувеличивать – высморкалась, подвергая использованную бумагу внимательному изучению. Покончив с носом, соседка начала выдавливать прыщи. Поскольку она действовала последовательно, не пропуская ни одного, прыщей хватило до Варшавы. От завтрака я отказалась. После Варшавы наступила очередь перхоти. На этом месте я задремала.

Когда я проснулась, потревоженная предупреждением командира, что самолет приступил к посадке в аэропорту

Берлина, она выщипывала брови.

Все встали и потянулись к выходу. Вскочила и соседка. Она захлопнула книгу, которая всю дорогу лежала у нее на коленях.

Я автоматически прочитала название: «Сила привлекательности».

Прибыв на место, я распаковала чемодан и обнаружила, что ко всему прочему (тапочкам и соседке в самолете) я забыла положить ночнушку, косметичку и костюм, в котором как раз и собиралась вести завтрашнюю пресс-конференцию! Если быть до конца откровенной, не весь костюм, а только юбку от него, что, впрочем, сильно дело не меняло. Но это меня несколько не огорчило! Напротив! Именно напротив того места, где я живу, находится галерея Лафайет. Завтра на фотках с пресс-конференции я буду в новом костюме!

Ночнушку не обещаю.

Обедать меня привели в маленькое кафе на первом этаже большого универмага. Я брела в своих тапочках за сотрудницей принимающей организации, которая помимо прочей со мной – как впоследствии оказалось – схожести еще и звалась Елена Константиновна, и внутренне ворчала:

– Вот уж лучше бы пошли в настоящую берлинскую пивную! Вот бы лучше сейчас пива с сосисками! Ворчать – ворчала, но вежливо помалкивала.

Хозяин заведения выскочил нам навстречу:

– Дамы! не надо меню! Я вам сделаю вкусно!

Нас усадили за круглый столик в углу.

Мы не успели раскрыть рта, как перед нами оказалась тарелочка с крошечными бутербродами.

– Это от дома! Кушайте, такого вам больше нигде не дадут. Это маринованное сало с трюфелями! – торжественно возвестил хозяин и добавил строго: – надо есть с водкой.

Мы покрутили головами: нет, водки не надо. Я надкусила уникальный бутерброд. Анатолий – так звали хозяина – следил за движением моего рта, словно я его оперировала.

– Вы правы, – вынесла я вердикт, – нужна водка!

– Сейчас вы будете ее иметь! – вскричал Анатолий и метнулся к барной стойке. Он передвигался, ловко лавируя круглым животом между столиков.

Лосось, намазанный розовым хреном, пылал во рту.

– Лосося я заказываю в Ирландии. Вы потыркайте, потыркайте его вилкой! Видите, какой упругий! Только у меня в Берлине такой лосось! – Анатолий развел руками. – Здесь, чтобы выжить, надо иметь то, чего ни у кого нет!

– А что вы в Москве ресторан не откроете? – спросила вторая Елена Константиновна.

– Предлагали, сто раз предлагали! Если я там открою бар и буду продавать только бутерброды, где лосося положу больше, чем хлеба, – да отбоя у меня не будет! Но не хочу! Это опять жену менять надо. Да и работал я в Москве. Снова крышу заводи, делись – надоело.

– Десерт не предлагать! – твердо заявила я.

– Это как без десерта! – заволновался Анатолий. – Вы больше никогда такого десерта не поедите! Я его делаю сорок лет!

– Ладно, но тогда пасты только полпорции.

– Лена! – Хозяин сложил руки на сердце, чуть откинулся, как бы оглядывая меня со стороны. – Когда вы так на меня смотрите, мне хочется сказать: «Я вас тоже люблю!»

Мы вышли пошатываясь.

Елена Константиновна вернулась на работу, а я двинулась вверх по Фридрихштрассе.

Девушки! Этой осенью будут носить рыжее! Джинсы, плащики, шарфы на шейках, кружочки на велосипедах, полоска, черный горошек, буковки на животе, парики, – хоть зонтик в руках волоки, но чтобы обязательно один мазок на тебе был огненный, солнечный, оранжевый!

Лично я буду есть апельсины!

На площади перед собором сверкал фонтан. Ребятишки скакали босиком в высоких струях, а вокруг, на траве, сидели, лежали, что-то ели, пили, болтали, обнимались, читали – все кому не лень. Я расстелила куртку, легла, раскинула руки, посмотрела на голубое берлинское небо и заснула.

Берлин тяжеловесен. Колонны, кариатиды, которые головами держат непосильные крыши, львы с грозными мордами, всего много, все большое, важное, все всерьез. Только немцы с их искренностью и прямоотой могли назвать пло-

щадь, которая считается самой красивой в городе, Жандармской. В середине ее, кстати, прямо напротив театра и между двумя соборами, стоит, окруженный музами, Шиллер. То, что это музы, можно догадаться по предметам, которые они держат в руках, типа лиры. Других признаков нет. На их суровых лицах написано: по passaran, и они скорее составили бы окружение последних защитников Рейхстага, приди идея такого памятника в чью-то больную голову.

Посольство занимает практически целый квартал. Не перепутаешь. массивные квадратные коробки, прямые углы, блеклый серый цвет – узнаваемость стопроцентная. Разве что чисто и гладко не по-нашему, словно с плаката. Квартал советской мечты. Часто думаю: вот ходил по чистеньким гэдээровским улочкам известный гражданин, пил пиво без очереди и недолива и думал мучительно: но ведь можно же нормально, ведь можно...

Жизнь в свете чужой мечты. ну да ладно.

Но не Черемушки являет собой само здание посольства, отнюдь не Черемушки...

Оно стоит, как утес с золотыми колосками на могучих дверях, возвышаясь над не мелкими, кстати, окрестностями. Широкая дворцовая лестница устлана ковром. Купол потолка, круглый и недосягаемый, сравним высотой с Исаакием. Вторая Елена Константиновна, по роду занятий частый гость в посольстве, ведет меня по залам. Советская высокопарность немислимая: огромные хрустальные люстры, те-

атрально-багровые портьеры, золотые серпы пересекаются с молотами над каждым окном.

– Как давит, не правда ли, – заметила моя тетка.

– В этом, я полагаю, и состоял замысел. Подавить величием.

На столе мог бы сплясать ансамбль Моисеева.

– Обратите внимание: в российском посольстве на каждом углу гербы несуществующего государства. – Это замечание, конечно, отпускаю я. – Впрочем, здесь, наверное, ничего менять нельзя. Целостность удивительная: так и представляешь за этим столом людей во френчах. Памятник эпохи.

Зал, отведенный для пресс-конференции, мог, наверное, вместить всех журналистов Германии. Часть из них уже расставляла камеры, пила соки, рассматривала нашу подрывную литературу и болтала между собой.

Тема наша не острая: детский фестиваль, студенческий форум – я даже удивилась, как коллеги ухитрились продержаться и продержать нас два часа. Девушка из «Российской газеты» в квадратных очках, с квадратной челкой и квадратным диктофоном решительно, словно загоняя нас в угол вопросом на засыпку, спросила про бюджет. Высокая, худая, стриженная под ежа немка с жилистой шеей нашла все-таки, чем нас уесть:

– Все у вас всегда массовое, – зачитала она, глядя в блокнот, – а почему нет встреч между представителями интеллектуальной элиты?

Я немедленно предложила ей встретиться со мной. Ну чем я не элита?

Маленький седой господин с последнего ряда поведал про идею открытия музея эмиграции в Русском доме. Будь мы в Москве, я бы намекнула ему, что мы здесь про другое, но как остановить, когда тебе говорят про столетнего барона, который поддержал встречу Дворянского собрания по телефону, про Берлин – перекрестье на крестном пути русских изгнанников, про то, что все за, но никто не берется за дело...

Все шло благостно к концу, как вдруг журналист, который сидел почти у выхода, чем-то отдаленно напоминающий Кису Воробьянинова, подскочил и потребовал микрофон. Говорил он долго. Седые волосы клочьями стояли на висках, просвечивая насквозь. Ухватившись за стул, свободной рукой, сжатой в кулак, он гневно рубил воздух. Хриплая немецкая речь время от времени прерывалась русскими словами, и мы вздрагивали: «Путин! Путин! молодежь!» Потом почему-то мелькнуло слово «Академгородок».

«Ну все, – подумала я, – сейчас он вытащит из кармана балаклаву».

Гордо тряхнув головой, Киса сел.

Я обернулась к переводчику.

Не отрывая глаз от бумажки, куда быстрыми закорючками фиксировал реперные слова, он подтянул к себе микрофон и забубнил монотонно:

– Недостаточное внимание к профессиональному образованию...

Новый костюм, по-моему, смотрелся неплохо.

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ОБЕРБУРГОМИСТРА

На брусчатой мостовой перед Ратушей два молодых человека устанавливали камеру. Один прилаживал треногу, а другой, ежеминутно оборачиваясь на здание с золотой кружевной решеткой на высоком крыльце, поправлял объективы, выравнивал, видимо, дистанцию.

Мы с Андреем сидели за деревянным столом уличного кафе, изучая меню.

– Что тут думать? – нетерпеливо сказал мой друг. – Соусики и пиво! мы же в Германии, в конце концов!

Дверь, над которой золотом сверкал герб города Бонна, распахнулась, и оттуда появился господин с седой шевелюрой. Быстро сбежав по ступенькам, он подошел к журналистам, и они начали оживленно беседовать, все время указывая руками в сторону лебединой красоты Ратуши.

– Охранник, наверное, – заметила я и, выудив из кастрюльки белую сардельку, добавила с солидарной желчью: – небось съемки запрещает.

Андрей поставил кружку и обернулся через плечо:

– Да это бургомистр! Ты что, не помнишь, он сегодня на этом же месте детский фестиваль открывал!

– Может быть, – неуверенно согласилась я, – мне немцы, как китайцы, все на одно лицо.

– Помнишь, он еще сказал, что особенно рад приезду детей из России, потому что он учитель и до того, как его избрали бургомистром, тридцать лет преподавал в школе.

– Ну у тебя и память на лица!

– Да не обратил бы внимания, но я его третий раз вижу, – не попадаясь на лесть, признался Андрей и продолжил: – Рассказываю: утром пью здесь кофе, смотрю – по площади бредет мужичок в желтом костюме, а в руке – бумажный пакетик с завтраком. Подходит к Ратуше, достает ключ, открывает эту роскошную дверь – и внутрь. Я еще лениво так подумал: поздновато у них охрана на работу приходит. А на открытии фестиваля подошел к сцене перед Ратушей, глядь, а рядом с нашим послом тот самый мужичок, которого я утром видел! ну, думаю, ничего себе!

Андрей заерзал на стуле, привлекая внимание официанта, и поднял руку с пустой кружкой, словно просился к доске.

Тем временем оператор и журналист закончили возню с техникой. Обербургомистр еще что-то сказал и, развернувшись, заспешил обратно. Из Ратуши выбежала барышня с бумагами, сунула их журналистам и нырнула обратно. Камера застрекотала.

Лавочки на рыночной площади закрывались одна за другой, словно дверцы на часах с кукушкой. Ходяче-го народу становилось все меньше, зато количество сидящего за столи-

ками, уставленными по периметру почти без перерыва, прибавлялось и прибавлялось.

Дверь над крыльцом снова отворилась. мы замерли, как в театре перед финальной сценой.

– Смотри, – вскричала я, – смотри, это опять бургомистр!

Признаюсь, подобный шок я переживала только однажды, когда дочкин кролик запрыгнул ко мне в постель и начал хлебать кофе из моей чашечки. Бургомистр спускался по лестнице, рассеянно глядя по сторонам. В левой руке он держал знакомый пакетик, а в правой, перекинув через плечо, нес чехол с костюмом.

Андрей хлопнул кружкой об стол и гневно произнес:

– Где мигалка?! Где бронированные автомобили? Где вооруженная до зубов охрана, помощники с портфелями и три секретарши?

– Где, – подхватила я, – верные слоны и махараджи? Где слуги с опахалами и ковровая дорожка?

– Ты можешь себе представить, чтобы у нас мэр какого-нибудь Урюпинска сам за ручку двери взялся?

Андрей горько помотал головой:

– И эти люди почти выиграли у нас войну!

– Ведь не выиграли, – примирительно заметила я.

– ну, – сказал Андрей, поднимая кружку, – за победу!

КАРЛОВЫ СОЛЕННЫЕ ВАРЫ

Минеральными водами здесь лечат все

Глава 1

На берегу речки Теплой

Первый раз я была в Карловых Варах лет десять назад. В памяти остался обшарпанный городок с коробками санаториев и ветхими фасадами со следами былой красоты на изящных изгибах. Грустные витрины с россыпью старомодных гранатов и ряды розовых поильников. Вчера вышла на набережную и ахнула: роскошный рождественский город, занесенный на берега Теплой речки прямо из сказок Гауфа. Говорят, что все скуплено и отстроено на русские капиталы. Ну, хоть какая-то польза.

Косметика на минеральных водах. на пиве. На овсе. Под стеклом на витрине покрытые красной крупной ржавчиной предметы: кувшинчики, проволочные розы, камешки. Их бросают в источник, и они мгновенно обрастают шкуркой из минеральных солей.

В регистратуре на столе папка с надписью: «pre-piski».

Ванна – купель (koupelna).

Больница – немошница (nemospice).

Низкий сезон. Мужественные лица горняков и пышные формы в тугих леггинсах.

В ресторане. Шведский стол.

– Это у вас синенькие? – спрашивает дама у официанта, показывая на ровные запеченные кружочки.

– Нет, мадам, это баклажаны.

Гостиницы, рестораны полузакрыты, все ремонтируется, чистится, даже источники огорожены на реконструкцию. Ключевая точка городка – фонтангейзер, вокруг которого сидят отдыхающие с сосредоточенными лицами и добросовестно дышат полезными ионами. Фонтан накрыт коробкой – единственный осколок советской архитектуры «стекла и бетона», и нет таксиста, который не пересказал бы историю, как красивую чугунную галерею, прежде украшавшую набережную, разобрали для ремонта, но тут пришла советская власть, и решетку с тех пор никто не видел. Реденький снежок, ледяные ветви над фонтанами, терпкое горячее вино в круглых металлических бочках. Вредные взбитые сливки и тепловатая полезная вода.

Цены в знаменитых чешских пивных такие, что хочется кусать не только колбаски, но и локти. Втроем обедаем в загородном кафе с видом на скалы – мечту альпиниста – и речку с горной форелью, умеренное количество сосисок на закуску, гуляш, галушки, шкварки, жареный сыр с белой плесенью, короче, 8 блюд и 5 кружек живого пива Гамбринус – 40 евро! В Москве на эти деньги можно перекусить в «Крошке-картошке».

Местные все говорят по-русски с милым пришепетыванием – видно, что воспоминания о раздавленной Пражской весне и советских танках на Вацлавской дороге ушли в историю и на бизнес не распространяются.

Только дизайн чешских гранатов, выложенных на каждой второй витрине, остался старомодным. Ну должно же что-то оставаться непоколебимым и независимым от смены режимов. Пусть это будут дамские украшения!

Глава 2

Снежная чепица

Потеряла шапчонку. Бежевенькая, мягкого цыплячьего мохера. Ее можно было таскать в кармане, извлекая изредка немнущийся пушистый комочек, и натягивать на замерзшие уши. Наверное, забыла в такси. Или в ресторане с низкими арочными потолками, где пили кофе по-венски и желтый яичный ликер.

Снег за окном падал медленно и тягуче, кружевной занавесью отделяя нас от площади, как от сцены. Узкие высокие дома, разноцветные, с завитками на угловатых крышах, темными балками и низко прилепившимися к стенам балконами, стояли, как декорация к зимней сказке.

...В винарне с матовым грамофоном на витрине, деревянной лесенкой и резным шкафом потягивает грог Дросельмейстер в застекленном эркере, облокотившись на подоконник с геранью, маша мечтает о прекрасном Щелкунчике, а Крысиный Король ждет своего выхода с кружкой Гамбринуса в пивной на углу. По заснеженной площади бегут

мальчишки с саночками, последний, в зеленом колпачке с кисточкой, отстает, оборачивается на скрип полозьев – да это Кай! А снежинки липнут к стеклу и растут, растут... Заблуждается тот, кто путешествует летом. Рождественская Чехия прекрасна.

Укрывшись выданным в гостинице зонтом, мы бредем по улочкам средневекового городка Хеб. Дома, видно, от старости – еще бы, они здесь с XI века – чуть кренятся, словно опираясь друг на друга. Пограничная крепость построена из черного вулканического камня. Маленькая, с сожженной в неведомых нам сражениях крышей и деревянным мостом через ров, она выглядит будто и не уходила на пенсию. Вулкан, кстати, не просто достопримечательность, типа последний действующий вулкан в Европе, но местный природный ресурс. Грязи, которые каким-то сложным образом возникают вокруг него, развозят по всем окрестным санаториям, по всем Лазням – Франтишковым, Марианским, да, подозреваю, и знаменитые карловарские воды обязаны своим происхождением именно ему. Народу на улицах почти нет. Лишь редко пробежит с деловым видом местный житель, нагнув на лицо капюшон, или прошествует пятнистая такса, волоча на поводке закутанную шарфом хозяйку. магазинчики закрыты, на витринах блестят ряды не востребованных до весны поильников. Ветер раскачивает вывеску над входом в зеленый узорный дом с высокой, выступающей, как скворечник, мансардой: «У ката». В этом доме коротал свои дни по-

следний городской палач. Говорят, что «кат» после указа об отмене смертной казни, навеки лишившего его и его потомство честного куска кнедлика, был приглашен на службу к Меттерниху, всесильному венскому министру, с целью составить коллекцию редкостей – кунсткамеру. Дом с тяжелыми, почти кремлевскими, стенами и маленькими, похожими на бойницы, окошками – вовсе не крепость, а старинное зернохранилище, в котором при осаде прятались горожане. Собор с высоченными башнями, арки в конце гибких улочек, стрельчатые решетки, кофейни со ступеньками вниз, горячее вино со вкусом гвоздики – и снег, снег, снег.

Свернув с маршрута, проложенного по карте, натываемся на ресторан «У ангела». Ставни в первом этаже закрыты, но у дверей в подвальчик стоит черная меловая доска с соблазнительной надписью: «Теплая кухня».

Нас, что называется, не ждали. Видно, и в более актуальное время редкий турист добредал до стойки, у которой, уютно выставив животы, расположились с пивом друзья хозяина. Но нам рады. Хозяин в расстегнутой кожаной жилетке, не задавая вопросов, подставляет кружку под пенящуюся струю, а хозяйка на смущенной смеси из чешского и немецкого пытается объяснить нам, что меню нет, но зато есть замечательный «взвар» и гуляш! Оставив лингвистические упражнения, мы машем рукой – несите! И снова погружаемся в литературные реминисценции.

...В соседнем зале, расплатившись талонами, поглоща-

ют гуляш три товарища, у входа присев на корточки; Швейк приманивает колбаской болонку, а в темном углу, укутавшись в плащ, крутит в тонких пальцах хрустальный бокал принц Флоризель. Мягко скользит по пустынной дороге лимузин, везет короля Богемии на свидание с Ирен Адлер. Только не с той, худосочной голой теткой из сериала, а настоящей, загадочной, которая появлялась из снежной душистой пелены, шурша шелками, и снова исчезала, роняя конверт, и другой уже король, король сыска, ловил безнадежно ее след и вздыхал в табачный туман: «Та женщина...».

Хозяева в четыре руки несут нам поднос с колбасками, кнедликами, миски с супом, поверхность которого переливается солнечными кружочками, жгучий гуляш с капустой и хреном, вино. Самым сказочным во всей этой истории оказался счет – 10 евро на двоих!

Таксист ждет нас на площади у кофейни. Снегопад усилился; вдоль дороги мелькают белые сады, ряды палок, которые весной обовьет хмель; буксуя, такси взбирается на холм, к гостинице. Карловы Вары почти не видны, сквозь метель торчат лишь башенки и шпили.

Надо же, вечером нашлась и шапчонка. Я, видно, обронила ее в лифте.

Глава 3

Человек, измученный нарзаном

Минеральными водами здесь лечат все. Их пьют маленькими глотками, в них плавают, моются, ими чистят зубы, дышат, их втирают во все места. И когда ты окончательно офонарел от диет и промываний, беги на набережную и проси кулинарного убежища в знаменитой пивной, которая называется именем ветерана чешской литературы, неунывающего солдата Швейка.

Сардельки с уксусом и луком, запеченные пузырящиеся сосиски, толстые красные колбаски, которые едят, жмурясь и трясая головой, – их пусть несут сразу, не томя ожиданием. Сливовица в запотевшей стопочке и теплый, пахнущий тмином хлеб? Само собой. И вот ты уже расслабился, забыл про лимфатический массаж и углекислую ванну, вот ты бодро выглядываешь из окна, потягивая пиво и снисходительно рассматривая таких же, как и ты, измученных минеральными водами туристов, которые фотографируются у входа в ресторан в обнимку с краснощеким Швейком в инвалидной коляске и с приветственно поднятым костылем. но не отвлекайтесь! Уже несут колено. Это апофеоз чешской кухни. Свиное колено, покрытое жаркой золотой кожей, огромное, сочное, лениво разваливается на тарелке, и тебе кажется, что его не съесть и вдвоем, но нет, понимаешь ты, вгрызаясь в деликатную мякоть, второй здесь был бы лишним!

– Пиво повторить? – спрашивает официант, но ты не в силах оторваться и только слабо киваешь жующей головой:

«Несите, несите!»

ИЩУ ГОЛЛАНДИЮ

Моему племяннику предложили поехать в паломничество в Иерусалим. Он мялся, молчал. Вдруг радостно воскликнул:

– Я понял, в чем дело: мне еще рано! Я еще свой Иерусалим не сочинил.

Я поняла его мгновенно. Я поехала в Англию, когда она уже жила во мне всеми своими островами, Давидом Копперфильдом, белыми башнями Тауэра и де-вушкой, которая шла по набережной Темзы, держась рукой за парапет.

А вот Голландии у меня в голове не сложилось. То есть, конечно, если нажать на кнопочку «нидерланды», то сразу всплывет перед мысленным взором мальчик, который стойко закрывает пальцем замеченную им дырочку в дамбе. Через дыру рвется вода, чтобы прорвать дамбу и затопить город, палец мерзнет, подмога все не идет, а он сидит и спасает родные улицы.

А еще помню «Серебряные коньки». Сюжета этой чудесной книжки не перескажу, забыла. Только остался в памяти мальчик – опять мальчик, паренек из бедной семьи, который прикручивает к башмакам железки, а потом упорством своим и честностью добывается небывалой драгоценности – настоящих коньков.

А еще я помню принца. Я его видела своими глазами, причем в Петербурге. Это был нынешний король, Вильгельм Оранский. Времена были романтические – девяностые. Мы были всем рады, и на нас смотрели как на будущих своих. На какой-то юбилей голландцы подарили городу копию памятника Царю-плотнику, – теперь она стоит на набережной Невы, прямо у парапета, – и сам наследник престола сопровождал российского императора на родину. Нас, журналистов, собрали на брифинг, долго тренировали правильное протокольное обращение к королевской особе – и усадили в маленьком зале буквально за один стол с будущим королем. О чем мы говорили – не помню, помню только жесткую средневековость черт и необыкновенное чувство осуществления мечты. Представьте: подняли железный занавес, а за ним – принц!

Тюльпаны, мельницы, сыр. Деревянные башмаки и белые чепцы. Изразцовые печи. Голубые парусники на белом фарфоре, молочницы в фартуках, острокрышие домики в каждом квадратике. Рукой проведешь по гладкой поверхности красивой, как ваза, печки – она прохладна, потому что это уже музей, а прошлое не греет. Высокие голландские крылечки на первой каменной набережной Петербурга, у домов, выстроенных по образцу Трезини. Петровская регулярность, завезенная в страну, как голландская болезнь.

Голландские натюрморты, где еда почти вываливается за рамки и сытые, полнокровные едоки в широких шляпах на-

веки пойманы в камеру обскура.

Мне все нравится, что похоже на Петербург. А Петербург похож на все хорошее: на воду в блестящих каналах, на тяжелые рамы бесценных картин, на раскрытые, как ладони, крылья мостов.

Петровский дух, стойкий, как мальчик у дамбы, благородный, как черный тюльпан, неискоренимый, как династия Оранских.

Вот в нем сколько голландского!

Амстердам

Все низкопоклонничаем перед велосипедистами, а от них просто проходу нет. Причем ни проходу, ни проезду. Дорожки повсеместно, едут все: тетеньки с двойняшками, леди в вечернем платье, араб с огромным черным зонтом, похожий на летучую мышь, старики, подростки, разносчики. Только увиливай! Пронырливые, верткие. Машины тормозят оторопело, как большие псы перед нахальным воробьем... Влажные дорожки оклеены листьями. Мосты-шлюзы поднимают лопасти, как гигантские мышеловки. Лодки скользят по коротеньким каналам, и туристы торчат из открытых окон, как огурцы из теплицы. на цветочном рынке россыпи луковиц. нахожу черный тюльпан, он упакован в коробочку с картинкой – может, получится вырастить на подоконнике?

В центре площади стоит гигантский Рембрандт в бере-

те, окруженный натурально фигурами из «ночного дозора». Они почти с человеческий рост, но рядом с ним выглядят как лилипуты вокруг Гулливера. В этом тоже есть своя правда?

Нет на меня селедки

Хорошо, что я вчера нормально погуляла по городу. Благостно так: солнышко светит; голландцы сидят в кафешках вдоль каналов, развернув к теплу лица; листики под ногами стелятся желтые, зеленые.

Сегодня – чистый потоп. Увидев из окна струи воды, решила идти в музей. Я и так собиралась, даже уже нашла его местоположение на карте. Оказалось, ну совсем рядом с отелем, а тут еще и дождь, короче, не увильнуть, надо тащиться смотреть Ван Гога. Или Рем-брандта.

Человек я предусмотрительный. В гостиничной лавчонке приобрела зонт – вчера пожалела купить с мельницами, вот теперь и буду таскаться с черным, – теплый шарф (для тех, кто понимает: бежевый в алых тюльпанах) и смешную шапчонку с помпоном, ушками и надписью «Я люблю Амстердам». И вышла. Сразу скажу, не я одна такая умная. Очередь в музей занимала собою целую галерею, народ выстраивался в виде многократно свернутой гармошки, а конца я так и не нашла.

Раз так, решила перекусить. То есть это я так говорю: «пе-

рекусить», но план был – найти какое-нибудь типичное местечко, чтобы селедка и прочие голландские радости.

Вчера, надо сказать, мне это почти удалось. Когда я заблудилась, что немудрено в этой путанице каналов, велосипедных дорожек, на которых трафик, как на международных соревнованиях, причем на скорость, маленьких улочек и вечных переходов, которых так много, что напоминают они детскую игру с подброшенным кубиком и фигурками, которые передвигаются шаг вперед – два шага назад, хотя это уже из другой оперы. Короче, вынесло меня в узкую щель между домами, которая упиралась в башенку с часами. То ли садик, то ли задний дворик, то ли пирс, – оказалось, ресторан. Вынесли мне и поставили на столик черную эмалированную кастрюльку с мидиями, сваренными в белом вине и с травами. Я и половины не осилила, хотя мидии обожаю, – те, кто мои рассказы про Грецию читал, знает.

Но почему я написала: «почти»? Потому что селедки не было!

Вот сегодня я и решила ее найти. Смело выставила зонтик вперед и двинулась навстречу мечте. А голландцы, по-моему, в обед вообще не едят. То есть еды полно, но всё сэндвичи, багеты и бургеры. А особенно – картошка фри. У них даже через дом стоят фигурки типа садового гнома с кульком картошки в натруженных руках, или сам кулек с улыбкой, как у людоеда. И хвастливые надписи на забегаловках: мы, мол, чистим картошку сами, типа ручная работа! То есть

нормальному человеку, привыкшему, чтобы первое, второе и компот, буквально негде присесть. Видимо, наедаются вечерами – не знаю, сама не ужинаю, – хотя по их внешнему виду и не скажешь, что им это вредно, видимо, едят селедку.

Так вот, такой погоды я не видела никогда. И это я, петербурженка, которую влажностью напугать – смешно пробовать. Мама моя даже специально любит гулять под дождем, и ее цитата-фаворит – про лягушку-путешественницу, которая в теплых краях предавалась воспоминаниям, как вода льет сверху на голову и тихонько стекает под брюшко. В этом месте моя подруга Ира Ратушинская, которая сама одесситка, ежится и вежливо вздрагивает.

Мало того что дождь – ветер заворачивал края зонтика, который я выставила вперед, как пику, и бил струями, как из водяного шланга. Проезжающие по узкой мостовой машины – им вообще места немного оставили – выпускали из-под колес веер брызг выше самой машины и окатывали прохожих, которые и так шли гуськом вдоль стенок. Когда я перебежала улицу, то кроссовки набрались водой по края и хлюпали так, что даже сквозь городской шум было слышно. Особенно цинично смотрелись фонтаны.

Вода в каналах поднялась, и серые тучи, как крышкой, прихлопнули остроконечные верхушки домов.

«Еще немного, – подумала я, – и селедку можно будет ловить прямо на площади».

Когда я добежала до отеля, я была мокрая вся – от ног

до помпона на шапочке, и, чего никогда не бывало, вода залилась даже в рукава: я же несла в поднятой руке зонтик, и руки были в дожде до локтя.

Вот вечно я обо всякой ерунде пишу: дождь, рыба, еще сейчас расскажу, что в отеле отключили лифт и мы все мокрой чередой тащились каждый на свой этаж, – а великий замысел как лежал – так и лежит.

Спустишь-ка я в бар, выпью чего-нибудь, чтобы не простыть.

МЕРСИ, КАТАЛОНИЯ!

Глава 1

В гостях у Дон Жуана

Самое главное – это не говорить по-испански. Не то чтобы не поймут, но вздохнут, укоризненно покачают головой и на твое заранее старательно выученное «грасиас» вежливо поправят: «мерси». Каталонский язык, древний, как крепостные стены, и изящный, как песни трубадуров, – предмет национальной гордости обитателей северо-восточной части Испании. Во времена франко разнообразие не приветствовалось, язык был запрещен, и только после восстановления короля на престоле каталонцы снова заговорили на родном языке. Сине-зеленый вокзал украшен изразцами, как камин. Из трех указателей – на испанском, каталонском и англий-

ском – мы выбираем единственно знакомый и двигаемся в сторону отеля.

Городок Колде де Миравелья славен горячими источниками. Вся местная жизнь складывается вокруг их неоспоримой оздоровительной ценности. Три завода разливают «Vichy Catalan», и стандартные коробки цехов скрыты от публики плотными рядами вечнозеленых деревьев. несколько больших отелей в стиле модерн, классические виллы и огороженные сады. Высокие пинии, низко подстриженные платаны, пробковые деревья, фиговые, дубовые островки и сладкие душистые акации – нечасто встретишь карту города, на которой кроме магазинов, справочной службы и полиции указаны особо выдающиеся деревья, их высота и возраст.

Вода течет и изменяет историю города. По главной трассе римской цивилизации, по виа Августа, сюда приходят первые любители сохранения здорового духа в здоровом теле и строят город Aquaesalidae, центром которого становятся бани. С высоты смотровой площадки можно увидеть полностью – и это практически единственный случай в Европе – сохранившееся сооружение: широкий бассейн, механизм подачи воды, комнаты отдыха с ваннами, где легионерам наносили на натруженные в боях плечи лечебные масла.

Вокруг античных бань плотно сгрудились средневековые улочки. Узкие, неровно расположенные готические окна, серый известняк фундаментов, круглые островерхие башни крепости и каменные фонтанчики с горячей минеральной

водой.

Во времена замков, турниров и дам в высоких конических головных уборах мыться в банях считалось неприличным, и бывшие римские термы превратились в госпиталь.

Городок, стоящий на оживленной дороге, застраивался постоянными дворами и тавернами. Вернулся и интерес к целебным водам. Знаменитый в Каталонии доктор – гомеопат Модест Форест и Рока – недолго думая называет минеральный источник популярным французским брендом «Vichy» (добавив предусмотрительно слово «Catalan»), и строит под этим же названием роскошный бальнеологический отель в модном стиле модерн.

Вместе с целебной водой в город течет модная публика, архитекторы, поэты, художники. Суровые римские камни, феодальные замки, мраморные фонтаны со львами и изысканные эклектичные линии фасадов начала века, выстроившиеся вдоль бульвара, – все переплетается в неповторимый живой ансамбль.

Площадь перед старинной церковью Сан-Эстив пустыня: сиеста. Только неугомонные туристы с путеводителями в руках пробираются от музея к музею по косым улочкам с террасами. Мы тоже водим пальцем по карте, но цели у нас сугубо практические: мы ищем ресторан «Calnar», который нам особо рекомендовали в отеле. С первого же дня, а точнее, с первого обеда, вкусив, что называется, каталонской кухни, мы стали ее преданными апологетами. Море и горы –

в этих словах выражается ее суть, основанная на уникальной географии. Морские гады и рыба Средиземного моря, баранина, которая, извините, вегетарианцы, только что паслась на склонах Пиренеев, овощи, фрукты и оливы из пышных речных долин. Где еще можно, например, найти в меню цыпленка, фаршированного креветками, и неслучайно всемирно известное слово «паэлья» – запеченный на черной сковородке рис, смешанный с кроликом, свининой, мидиями, луком и помидорами, – это слово имеет каталонское происхождение.

Ресторан открыт, мы ныряем под прохладные своды с деревянными балками четырнадцатого века.

– Ола, сеньор Гуан, – приветствуем мы хозяина; черноволосый, черноглазый, подвижный каталонец поднимает палец и поправляет нас вежливо, но твердо:

– Жуан.

Нас ждет столик в патио под тенью сливы. В стеклянном кувшине прозрачные ломти льда теснят апельсиновые дольки, клубнику и бренчат о стенки, когда, придерживая их деревянной лопаточкой, сеньор Жуан разливает нам в бокалы сангрию. Это слово мы выучили хорошо: ударение надо ставить на предпоследнем слоге! В меню мы даже не пытаемся разобраться: рецепты здесь сохраняют со Средних веков, патентуют и держат в тайне. Хозяин польщен доверием и наслаждается нашим впечатлением. Сладкая колбаса залита карамелью. Круглые шарики с нежной белоснежной начинкой – вовсе не сыр, а рыба, толченная с луком и картош-

кой. Яблоко, фаршированное мясом, и виноградные улитки в томатном соусе, такие свежие, что кажется, они сейчас сами выползут из своих домиков.

Каталонский крем, пахнущий цедрой, на десерт и счет – на такую сумму в Москве, это я всегда подмечаю, мы вполне можем перекусить в «Елках-палках».

Глава 2

Вечно осажденный город

Европу нужно искать вовсе не в столичных мегаполисах. не в болтливой Барселоне и не в Мадриде, похожем одновременно на Москву и нью-Йорк, – нет, дух старой Европы, тугой и терпкий, как травяной настой, хранится в небольших каталонских городах, надежно закупоренных крепостными стенами.

Жерона, а это, по-нашему, районный центр, расположена в часе езды от столицы Каталонии Барселоны и в сорока минутах от знаменитых пляжей Коста-Бравы.

Прежде чем пуститься в путь по каменному лабиринту жеронских улочек, присядем под низкими арками, обрамляющими пешеходный бульвар Рамбла-де-ла-Либертат, и подкрепимся чашечкой шоколада с городской кулинарной приметой – булочкой, про-питанной корицей и апельсиновой цедрой.

Вода и камень: стены домов растут прямо из реки Оньяр.

мосты в каталонской Венеции являются продолжением переулков, пересекающих реку. Разноцветные фасады, на которые любуются туристы, облокотившись на парапет Каменного моста, – это страницы истории Жероны.

Город-крепость Герунда, который построили римляне, после падения Рима побывал в руках вестготов и арабов и наконец перешел во владение к королю франкской империи Карлу Великому. Дома лепились к крепостной стене, ограждавшей город от захватчиков, и, по существу, представляли собой защитный вал без единой щели.

«Вечно осажденный город» – такое прозвище получила Жерона после осады ее стен войсками Наполеона – пережил все войны. Жители домов начали потихоньку проковыривать маленькие отверстия в глухих стенах, и они постепенно превратились в нынешнюю живописную путаницу окон, галерей, балконов и черепичных крыш, вечно осажденную туристами.

Следующий переулок, переходящий в мост, – и мы останавливаемся как вкопанные, потому что мгновенно переносимся из Средневековья в начало XX века, и перед нами, перекинутая через реку Оньяр, лежит Эйфелева башня, причем красного цвета! Оказывается, прежде чем возвести сооружение, навеки изменившее облик Парижа, компания инженера Густова Эйфеля тренировалась в Жероне на строительстве моста «Старые рыбные лавки».

Улица с говорящим названием «Археологическая» снова

возвращает нас в Средневековье.

Улицы становятся темнее, круче, извилистей...

Перед нами – еврейский квартал Каль. Здесь, за высокими узкими стенами, мрачными и глухими, почти тысячу лет жила еврейская община – альхама, отделенная от остального города обычаями, традициями и даже отдельной юрисдикцией. Семисвечники на витрине, внутренние дворики с гулками колодцами, музей истории еврейского народа, где хранятся манускрипты жеронских каббалистов. Все выглядит таинственно – и мы замираем, словно ждем, что сам знаменитый раввин Бонаструк Са Порта, чьи слова «были подобны раскаленным углям», вот-вот выйдет из-за угла и пройдет мимо нас неслышно, склонившись над пергаментным свитком.

Чтобы сбросить наваждение, заглядываем в маленькую лавочку, где торгуют сладостями с начала XVIII века. Юная жеронка с пирсингом в носу наливает нам в крохотный стаканчик ликер святого нарцисса, изготовленный из плодов фигового дерева. Сладко! Заодно покупаем спрессованные из орехов и цукатов плитки. Интересно же узнать, чем закусывали в еврейском квартале. на холме возвышается кафедральный собор. Под самым высоким сводом в мире, выше которого только свод небесный, в световых лучах, льющихся из цветных витражей, стоит на пьедестале алебастровый трон короля франков Карла Великого, которого здесь называют «Шарлемань».

Три макета под стеклянными колпаками лучше любого

путеводителя показывают историю здания. Прямоугольник Римского храма. Две высокие башни Шарлеманя, как они выглядели в XI веке. Готический фасад собора XVI столетия. Если внимательно рассмотреть игрушечные храмы, то уже легко разобраться в многовековых наслоениях. Вот – сохранившаяся башня короля-завоевателя, который держал здесь свою резиденцию. Вот – колоннада внутреннего дворика собора, украшенная резьбой: сцены из Священного Писания служили в Средние века Библией для бедных: те, кто не умел читать, рассматривали в храме каменные картинки про изгнание из рая, Великий потоп, избиение младенцев.

Как большой любитель вышивания, я долго не могла оторваться от великолепного гобелена, на котором средневековые искусницы выткали сотворение мира. Особенно хороша сцена, где Адам дает имена животным: человек, строго указующий перстом, и простодушные звериные морды с молящими глазами: и меня, и меня...

Скамейка в саду «француженки» притянула нас магнитом. Вытянув найденные ноги, мы вдыхали аромат цветущих розовых кустов и клевали носом, лениво перебирая, а пойдем мы осматривать Арабские бани, которые на самом деле не арабские, а римские, или сразу поднимаемся на крепостную стену.

Мы выбрали стену и не пожалели: лучше места для фотографий не найти.

С высоты птичьего полета видны старинные кварталы,

сады, старая больница Святой Екатерины, звонница церкви Сант Фелиу, вершину которой сбила молния, и дворик монастыря Сант Думенек, где, по-бросав на ступеньки рюкзаки, читают, болтают и жуют бутерброды студенты университета, расположившегося в монументальных стенах обители.

По бульвару крепостной стены, следуя по пути, по которому в старину проходили войска, мы обходим раскинувшийся перед нами город. Город, в котором одновременно существуют, никуда не деваясь, не теряя деталей и красок, римские мозаики и каббала, золотое шитье гобеленов и причудливые ноусентинские фасады, ярмарки ремесленников и роскошные магазины.

Город, где кладоискатели до сих пор ищут сокровища, которые закопали бежавшие от преследования евреи. Где в пасхальную неделю по крутой лестнице, ведущей к кафедральному собору, медленно поднимается процессия кающихся грешников в высоких красных колпаках. Где на праздник покровителя города святого нарцисса жители строят живые пирамиды, а раз в год покрывают все улицы цветами.

Жерона лежит перед нами, как завоеванная, а может быть, наоборот: это мы навек завоеваны Жероной?

ПРИЗРАК ОПЕРЕТТЫ

Я работаю в Москве, и мне это не мешает. Но, как бурлыщику на далекой нефтяной вышке, иногда хочется, что-

бы скорее прошла вахта.

Книжный киоск в аэропорту Пулково. Взгляд задерживается на книжке с грустной повестью Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом» – давно собиралась купить ее маме.

– А смотрели ли вы фильм с Крючковой? – строго интересуется тетенька-продавщица в белой вязаной шапочке. Таким голосом школьная техничка в синем халате спрашивала, не забыла ли я сменную обувь.

– Еще нет, – бодро рапортую я.

– Прочтите и только потом смотрите, – распоряжается «белая шапочка» и протягивает мне книжку.

– Мы в Петербурге, – смеется муж.

Вечером мы идем в театр. Любите ли вы театр, как люблю его я; любите ли вы Театр музыкальной комедии, как любят его петербуржцы?

Каждый театр – легенда. История петербургской оперетты морозным узором вплелась в судьбу города, стала частью его мифологии. Единственный театр, который работал в блокаду. Память выстраивает слова, фотографии, кадры хроники... Пожелтевшая афиша в музее истории города (нас водили туда всем классом, мы стояли полукругом у стеклянной витрины, там лежал кусочек черствого хлеба: «125 блокадных грамм, с огнем и кровью пополам», – читала с выражением учительница), Нина Пельцер танцует в госпитале, Александринская сцена, освещенная керосиновыми

лампами, страусовые перья, валенки под бальным платьем, черно-белые очереди за билетами, голодные обмороки, звон разбитого во время артобстрела окна: «Товарищи, не волнуйтесь. Это пока только стекла!» Зрители смеются, плачут. И над всем – победительная музыка Кальмана.

«Катя, кто твоя мама?» Ликующий голосок наташи Защипиной перекрывает сирену воздушной тревоги: «моя мама – Сильва!» «Жила-была девочка». Таня Савичева? Моя мама? Наташа Бехтерева?

Девочки послевоенного города. Они вернулись из эвакуации, из оккупации, из ссылок в разбитые коммуналки, общежития, бараки. Детдомовцы, дети врагов народа, студентки-ремесленницы в шинельках и парусиновых туфельках, начищенных мелом. Тугие косички. Дешевые билеты и бесплатный гардероб. Бедненькие платьица, карточки, голова кружится от голода и вальса... «Снова туда, где море огней...» Что слышало-лось им в беспечных куплетах венских графинь? Что слышал в них сам Кальман, изгнанник, бежавший из оккупированной Вены по фальшивому женскому паспорту? Жизнеутвердительность? А что слышали цензоры, запретившие кальмановские оперетты в фашистской Германии?

Где нам понять логику тиранов? «Красотки, красотки, красотки кабаре...»

Я студентка: вязаный свитер, черные брючки, лодочки в целлофановом мешочке и страстный голос Раджами: «О, Ба-

ядера – воплощение мечты...» Потом театр закрыли. На ремонт. Труппа разошлась по другим сценам, кто-то – в кино, кто-то – на пенсию. Ремонт тянулся почти 30 лет; больше чем достаточно, чтобы погубить театр. Где нам понять логику геронто-кратов? Легенда победительна. Много чего в городе не восстановлено, но «Сильва» звучит! Венский дирижер и будапештский шик, молодые голоса и польская прима – «Без женщин жить нельзя на свете, нет!» – и в афише Кальман, Кальман, Кальман. Жизнеубедительность.

Я знала, что не разочаруюсь. Предупредила мужа, чтобы надел галстук, чуть не купила новое платье, но взяла себя в руки.

Наступает вечер. Муж добросовестно приезжает вовремя. Напудренная, в шелковом платье и туфельках, стою в холле. Мы живем в гостинице на мойке. Муж смотрит с сомнением:

– Может, сапоги наденешь, все-таки минус двадцать?

– Я не школьница, чтобы ходить со сменной обувью, – высокомерно отвечаю я. Мы садимся в машину, проезжаем несколько метров до канала Грибоедова и встаем. Вдоль канала до невского машины замерли, заледенели. Водитель вздыхает:

– Можем объехать по Садовой, но это часа полтора. Муж бледнеет, он понимает, что удар ниже пояса:

– Выход один. Пешком вдоль канала, через площадь Искусств – это минут пятнадцать ходу.

Повторяю: минус двадцать, я в шелковом платье, на плечи элегантно накинут полушубок. Выхожу, боязливо щупаю туфлей снег у машины. муж говорит:

– Поехали через Садовую.

Мы оба понимаем, что сейчас рухнет больше чем выход в театр. Я сжимаю волю в кулак и ставлю дыхание:

– Побежали.

Прохожие оборачиваются в изумлении – мороз, а эта ненормальная бежит по сугробам в серебряных туфельках. Одетый по-людски муж крепко держит меня под локоть. Завтра пресс-конференция, не застудить бы горло. Я открываю рот дважды. Итальянский мостик прогнулся под снегом.

– Я не пропущу увертюру.

Сквозь метель сияют огни трех театров.

– Я назову эту историю «Упорная дура и ее верный друг».

Плюхаюсь на пуфик у гардероба и шепчу:

– Коньяку...

Мы входим в зал одними из первых. В антракте торжественной вереницей шествуем через дворцовые пространства. Зал-грот в таинственном полумраке – о, моя юность. Присаживаемся за угловой столик. Господин средних лет в белом вязаном свитере и шарфе, слегка поклонившись, садится напротив:

– Вы позволите?

Неторопливо открывает сумку и выставляет на стол коробку с кефиром и целлофановый мешочек с нарезанной

булочкой. Обстоятельно раскладывает. Извлекает из той же сумки круглую эмалированную кружечку – ну совсем уже из коммунального детства.

– Мы в Петербурге, – смеется муж.

Я поднимаю бокал с коньяком:

– Ваше здоровье!

Он в ответ – кружечку с кефиром. Мы обсуждаем спектакль.

– Вы что, не местные жители?

– Мы местные, – чуть помедлив, отдельно отвечает муж.

– Что же вы так редко ходите? – наш собеседник поправляет шарф и напевает, выстукивая пальцами по кружке вступительные такты увертюры.

– Вы музыкант?

– Нет, но немного поэт.

Еще чуть-чуть, и я вспомню его лицо над чашечкой кофе в «Сайгоне»...

Мужу нужно возвращаться в Москву, он провожает меня в гостиницу и уезжает в аэропорт. Я устраиваюсь в кресле, открываю книгу Санаева – а не спуститься ли вниз и выпить горячего чаю? Все-таки промерзла. Внезапно гаснет свет, снова включается, мигает. Мне делается неуютно. Набираю номер портье и на всякий случай выхожу в коридор. Через пару минут появляется электрик. Немолодой седоватый господин в рабочем комбинезоне. Вместе мы входим в номер, свет горит ровно. Электрик долго щелкает выключа-

телями, что-то переставляет.

– Здесь все в порядке, все работает.

– Стала бы я звонить, если бы ничего не случилось, – возмущаюсь я. – Было что-то странное, поверьте, я даже испугалась.

– Да я сам боюсь, – с нажимом отвечает он. – Мы все боимся!

– Чего?

– Призрак! Ребята-портые боятся ночью по коридорам ходить! Я сам дважды видел!

– Кого?

– Графа Витте, – наклонившись к моему уху, шепчет он. Ну в точности так дяденька-вахтер из Гатчинского замка рассказывал нам, школьникам, о затаившемся в подвале эхе голоса императора Павла. Мы в Петербурге. Или он в нас?

ЯБЛОКИ ОТ ЯБЛОНИ

Бело-голубая, похожая на «Киевский» торт, коробка железнодорожного вокзала оцеплена. Народ вокруг переминается с чемоданами и тюками, словно беженцы. Пожарные, полицейские, еще какие-то огромные машины.

– Что такое?

– Да бомба! – в сердцах кричит черноокая полная тетя с сумками в руках. – Так это у них уже по три раза в неделю! Все вокзал поделить не могут! Вчера во Львове заминирована-

ли, сегодня – здесь! Одного уже убили, усе мало! А вы докуду едите, бабочка?

Зазевавшись, я не сразу соображаю, что обращаются ко мне.

– Да мы до Нежину, – синхронно попадаю в распевную мелодику украинской речи.

– Вам не с этой платформы, которая оцеплена, бабочка! Вам вон туда, за вареничную, где ступеньки вниз. Вы напрямую не идите, там перекрыто, в обход погонят, а вы с детьми.

– Мы не дети, – строго говорит Рома, подхватывает чемодан, Анину неподъемную сумку с книгами и двигается, куда показали. По его решительному виду понятно, что ближайшую остановку он сделает в вареничной.

Очередь в кассу дружелюбна, словно билетов всегда хватает на всех. не очередь, а семейное торжество. Мне, растерянной иностранке с двумя детьми, советы сыпят наперебой.

– Жинка, вы в ту кассу не стойте, там не до самого Нижену, а только до Кабыщей. Вам ведь в Кабыщи не надо?

– В Кабыщи не надо, – твердо отвечаю я.

– Там зато билет дешевле, а от Кабыщей она на автобусе доидит, – вступает усатый дяденька в защитной куртке.

– Куда она с детьми в автобус этот ваш втиснется? – повышает голос пышная блондинка. Руки уперты в крутые бока, цветастый платок выбился из распахнутой до живота дубленки – ну чисто Солоха:

– Вам надо на скоростной, он прямо до Нежина.

– Мы не дети, – упрямо напоминает Ромка, наивно полагая, что его долговязая фигура и белобрысая поросль на подбородке может произвести на кого-то взрослое впечатление. Аня, которая едва достает двоюродному брату до плеча, строго поджимает губы.

Мне всучивают лишний билет, рисуют маршрут в объезд, а когда я, уже сунув голову в окошечко кассы, от волнения не сразу понимаю, что значит «почикайте, почикайте», то очередь дружно и снисходительно переводит:

– Подождите, билеты до Нежина есть!

Рома ловко закидывает наши чемоданы на полку. Примерная Аня достает из рюкзака книгу и освежает в памяти первую главу. Мы настроены серьезно. Я везу детей в родовое гнездо. Здесь, в Нежине, два века назад встретились и соединились два клана: Савичи и Магдебурги, чтобы дать начало нашей семье. От когда-то большого и ветвистого древа к началу нынешнего столетия осталось всего лишь несколько росточков. Два из них – белобрысый музыкант Рома и сероглазая студентка Аня, положив ладони на раскрытые книжки, замороженно глядят в окно скоростного поезда на плавные повороты Днепра. Они странно похожи друг на друга, хотя и двоюродные, хотя, казалось, ничего сходного нет между длинным, тощим, вечно лохматым племянником, сыном младшего брата, и аккуратной фигуркой моей дочери, такой легкой, что Ромка запросто поднимает ее одной левой. Разве

что гибкие музыкальные пальцы, разве что белизна ровного, как некрашеное пасхальное яичко, девичьего лица и бледность городского мальчишки, да еще особая ладность движений, спокойная веселость во взгляде и высокие лбы – шляхта!

Когда я начала исследовать историю своей семьи, то первый маршрут привел меня сюда, в провинциальный, ныне украинский, городок Нежин. Моя бабушка, единственное уцелевшее звено, связавшее нас и потерянное прошлое, часто рассказывала о городе, где она сама была лишь раз, когда девочкой приезжала из Петербурга в гости к своим родным. Она плохо помнила обстоятельства и детали, но повторяла самое главное, что запомнила из детской поездки: белый дом с зелеными ставнями и старый яблоневый сад, который спускался к реке. Бабушка откидывалась в красном гамбсовском кресле, сложив на колени до самой старости изящные белые руки, замолкала, и тень счастья пробе-гала по ее строгому лицу.

Легкость и почти мистическую своевременность, с которой появлялись свидетельства о судьбе родных, невозможно было объяснить только моей настойчивостью и упорством. Желто-черные фотографии, протертые на сгибах письма, служебные дела, протоколы допросов, рукописи, списки погибших, мемуары – все просто плыло в руки, словно ожидало, таясь, столько десятилетий, чтобы открыть моему ищущему взгляду давно, казалось, забытые повороты судеб.

– Я сам исследовал историю своей семьи, – сказал мне как-то отец Дмитрий Смирнов, – и знаю ее чуть ли не до седьмого колена. Вот только книги не написал. Мы с дочкой тоже почувствовали эту необычайную легкость, с которой восстанавливаются судьбы родных. И я понял: они свидетельствуют о себе сами!

Приехав первый раз в Нежин, я нашла храм, где венчались прадедушка и прабабушка, гимназию и лицей, где учились молодые Магдебурги, личное дело студента Михаила Савича – почти все, что хранило следы моих родных, кроме самого гнезда – родового дома. Документов не сохранилось. Адреса бабушка не помнила, а если и помнила, то я, по молодости, не сообразила расспросить у нее подробности, а теперь уже не у кого...

– Первое, что увидел Миша Савич, подъезжая к Нежину, это было здание вокзала, – напомнила Аня всем нам хорошо известное начало романа «на реках вавилонских». – Сейчас вокзал-то, наверное, новый?

– И ехать до города придется не на извозчике, а на такси, – вздохнул Роман.

Я видела, что они ждут прямого попадания в XIX век. И я знала, что Нежин не подведет.

Главная городская достопримечательность, которую увековечил в миргородских историях Николай Васильевич Гоголь, а именно никогда не засыхающая лужа на мостовой у торговых рядов, была на месте. Мы почтительно обошли ее

стороной.

Осенний бульвар усыпан каштанами, теплое солнце греет спины, маленький провинциальный городок дышит невиданной патриархальностью. Одноэтажные белые домики, укрытые за осенними садами, соблюдают правильную пропорцию с высокими, блистающими в уходящем солнце куполами.

Соборная площадь окружена церквями. Почти античный храм, похожий на Акрополь, построили греки, переселенные на Украину Екатериной Великой после турецкой войны. Великолепный Троицкий собор, с четырьмя, как это принято в украинском барокко, равными по красоте фасадами, зелеными куполами и белокаменным крыльцом, возведен здесь на добротные пожертвования казаков.

Аня, наш протокольный фотограф, кружила вокруг собора с камерой; Ромка, уже дважды обежав его по периметру, примеривался, как проникнуть внутрь.

– Ребята! – сказала я, встав в позу, и откинула руку. – Ваш прапрапрадед, основатель нашей семьи майор Трофим Васильевич Магдебург, жертвовал средства на строительство этого храма. Смотрите на него внимательно: это ваше наследство!

Около нас остановился вдруг дядечка. Виду он был приятного, с коротким седым ежиком, руки прятал в карманах куцей джинсовой куртки. Светлые серые глаза с золотистым ободком вокруг зрачка смотрели кротко, и даже приходило

на ум странное слово – лучезарно:

– А вы бы поднялись наверх, сфотографировали оттуда. Там не надо спрашиваться, тем более что вы издалека, – сказал он, словно продолжая давно начатый разговор.

– А вы местный? – Ромке только дай шанс, он с кариатидой заговорит.

– Да здесь я, неподалеку живу. У нас, знаете, в селе стоит храм, – оживился дядечка, словно расцвел под нашим вниманием. – Был он при коммунистах позабыт. Покуда не увидел – не поверил, что говорили все, а там приходила Мать Божья. Я сам бачив. Она появлялась на клиресе, на балконе и на куполе. И не то чтобы шла от так, – тут наш собеседник прошелся взад-вперед, покручиваясь на ходу, как бы изображая расхлябанную походку, – гоп-гоп. А плыве.

Он оглядел наши оторопевшие физиономии и спросил:

– А вы сами откуда? Из Петербурга? Я был в Петербурге. Дюже не понравилось. Ходил и спрашивал время. У одного спросил – нету часов, к другому – тоже нет. наконец, остановил женщину. Спросил: «Скильки время?» А она помолчала немного и спрашивает: «А тебе это надо? Живи спокойно, никуда не торопись. Жизнь у нас одна. не спеши».

– А как вас зовут?

– Иван. Русское имя. Знаете, как говорят: много Иванов на Святой Руси, соберутся выпить – только подноси!

Я взглянула на детей и приподняла брови, как бы снижая непедагогичность поговорки, а дяденька рассмеялся, друже-

ски помахал рукой и двинулся дальше. И не как-нибудь так – гоп-гоп, а степенной и не-торопливой походкой человека, которому некуда спешить.

Говорят, речка Остер когда-то была судоходной. Перегнувшись через перила Лицейского мостика, Ромка с сомнением разглядывал серебристую поверхность, поросшую мохнатой тиной.

– Ну, – протянул он наконец, – по-любому, здесь не «Титаник» плавал.

– В любом случае! – прикрикнула я. – нахвтался жаргона! А еще правнук словесника!

– Сам-то не словесник, – парировал Роман и на всякий случай отскочил, прикрывая ладошкой кудрявый затылок. Будто я дотянусь!

– Мама! Рома! Не спорьте, – вмешалась Аня не поворачиваясь. – Смотрите лучше, какой парк! Вот тебе и провинция! Это прямо Царское Село!

Словно подтверждая сравнение, над густой позолотой просторных аллей Графского парка всплыла белая колоннада Нежинского университета.

Здрав головы, мы застыли у высокой мраморной лестницы, разглядывая фасад дворца, возведенного князем Безбородко именно по образцу Царскосельского лица.

– Трудом и усердием, – перевела Аня девиз, начертанный на фронте, как бы невзначай демонстрируя, как она хорошо помнит латынь.

– А про что ваша книжка? – спросила студентка с такими черными бровями, так густо собранными над круглыми блестящими глазками, что захотелось подарить ей черевички.

Аудитория, в которой мы расположились, была высока, бела и полна народу. Тяжелые шторы закрывали огромные, до потолка, окна, и портрет Николая Васильевича Гоголя, самого знаменитого выпускника Нежинского лицея, был тесен, так что разглядеть лицо русского гения было невозможно, да, впрочем, и не нужно. Стол с резной столешницей и кресло с прямой судейской спиной стояли одиноко и как-то оторванно от коллектива. Коллектив же был бодр, шумен и молод, как ему и положено на первом курсе. Конечно, я волновалась. Встречаться с читателями в том самом университете, в котором столетье назад учился мой прадед, рассказывать о книге, которая несколько лет составляла главный смысл моей жизни, – практически апофеоз. Аня же с Романом были совершенно спокойны. Они бойко передвигались по залу, раздавая книжки и диски, что-то говорили, наклоняясь к молодым лицам, возвращались к столу, озабоченно пересчитывали диски и опять сновали между рядами, будто родились в этой аудитории.

– Про что моя книжка? – Я помедлила, обведя глазами зал, где некогда сидел за партой студент Михаил Савич с серыми, как у Ани, глазами, с насмешливой, как у Ромки, улыбкой, и засмеялась с облегчением: – Конечно, про любовь!

В деканате нас ожидала маленькая симпатичная женщина, которая нетерпеливо потряхивала связкой огромных бронзовых ключей.

– Мне сказали, что вы хотите осмотреть Гоголевскую аудиторию, – сказала она и представилась: – Светлана Григорьевна.

– Мы будем очень благодарны, – ответила я. – Дело в том, что, по нашим семейным преданиям, прапрадедушка Анны и Романа учился именно в этой аудитории. мы даже знаем по рассказам, что там над дверьми должна быть табличка.

– Табличка действительно имеется, – подтвердила Светлана Григорьевна. Она смерила глазами Ро-мину высоту, отдохнула взглядом на гладкой Аниной головке и добавила правильным педагогическим клише: – ну что, друзья, пойдемте пешком в историю вашей семьи.

Озираясь на арочные своды и застревая на поворотах, чтобы пощупать старинные метровые стены, мы двигались по коридорам, а они пустели на глазах, словно пропуская нас на встречу с XIX веком.

Вот и дверь. над ней и впрямь табличка: «Гоголевская аудитория». Светлана Григорьевна вставила ключ в замок и поднажала. Дверь не открылась. Она поковырялась еще, смущаясь за свою неловкость.

– Давайте я попробую! – вызвался Роман, который и вообще-то стоять без дела не может, а тут еще тетенька в беде.

– Ну что ж, – Светлана Григорьевна выпрямилась и поло-

жила в протянутую Ромой ладонь бронзовый ключ с головкой крендельком, – перед тобой, как перед прямым потомком, эта дверь должна раскрыться!

Согнувшись в три погибели, Роман осторожно вдвинул бородку ключа в замочную скважину.

– Сейчас мы переступим порог и сделаем шаг в историю, – торжественно возвестила я. – Аня! Готовь камеру!

Рома положил обе ладони на темную деревянную поверхность и плавным движением раздвинул створки. Всей гурьбой мы ввалились в пустой темной зал. Со стены, усмехаясь в усы, смотрел на нас Николай Васильевич Гоголь. Это была та самая аудитория, где я только что читала лекцию!

Чувствовалось, что местное начальство экономит на электричестве. Улочка освещалась только желтыми квадратами света, которые падали из окон домиков, едва белеющих в быстрой южной темноте. Огромные корявые тени тополей шевелились под нашими ногами.

– Представьте, – боязливо поежилась Аня, – а ведь так они в темноте и ходили. Тогда же вообще электричества не было. Только свечки.

– Я как-то пробовал читать при свече, – вставил Рома, – на даче, когда погас свет. Вообще букв не различить!

– А ты при свете-то их часто разглядываешь? – не удержалась я.

– Ну что вы, тетя Лена, – надулся племянник, – я много читаю!

– Ладно, ладно, шучу! Дай-ка я возьму тебя под руку, а то споткнусь и упаду. Что вы тогда со мной будете делать?

– Моя рука всегда в вашем распоряжении! – Ромка галантно подхватил меня под локоток. – Ань, а ты как?

– Я нормально, – ответила Аня.

Я не успела пройти насчет скудости их словарного запаса, как из-за поворота выдвинулась сначала лошадиная голова, потом вся лошадь целиком, а за ней – телега с возницей, лица которого невозможно было разглядеть в темноте, да и при свете не удалось бы, потому как оно было чуть ли не наполовину закрыто сдвинутой на лоб шапкой. Мы прижались к забору, из-за которого снопом переваливались гибкие тонкие ветки, и наслаждались окончательным погружением в глубину веков.

Преображенская улица – это кратчайшая прямая между приходским храмом, где крестились, венчались и расставались навеки наши прабабушки и прадедушки, и лицеем, куда по утрам они отправляли детей с ранцами на спинках. Одной своей стороной, бегущей параллельно Остеру, она выглядит как любая другая городская улица, а другой же сползает к реке.

Размахивая руками, как настоящий землемер, Роман исследовал топографию местности.

– Понятно, что сто лет назад каждый дом на этой улице был окружен садом. А потом сады повырубили и на их месте, на той стороне, что выходит к реке, построили вторую линию

домов. Так образовалась набережная.

По описанию на наш родной дом походил каждый второй на короткой Преображенской. Белые оштукатуренные стены, длинный, по семь-восемь окон, фасад, зеленые ставни. Мы медленно брели вдоль косога спуска к реке, беспокойно заглядывая в чужие дворы.

– Вряд ли нам удастся найти, – вздохнула я, – это было бы слишком здорово!

– Мама, – крепкая Анютина ручка сжала мне пальцы, – мы же точно знаем улицу. Вот здесь они жили, бегали в школу, ходили вот в эту красивую церковь.

Анюта поднесла к моим глазам кулачок и разжала его. На ладошке лежала зеленая шишка.

– Это я сорвала с ветки хмеля, который растет у церковной ограды.

– Стойте, – сказал вдруг Роман совершенно спокойным голосом. – Я нашел его.

Последний в ряду, небольшой белый дом стоял ближе к реке, чем другие. Низкорослые густолистые яблони спускались почти к самой воде.

Самый обширный на улице сад был, видно, вырублен в середине, а на образовавшемся месте построили фанерный многоквартирный дом – ну как «много-» – квартир этак на пять. Однако именно эта многоквартирность нового здания превращала пространство в общественное, и мы беспрепятственно вошли в открытую калитку. Оттесненный сад был

неухожен, в путанице кустарника, отделяющего дерева от двора, валялись какие-то ящики, пустые бутылки, слипшиеся газеты – в общем, хлам. Но сад упорствовал. Непроходимой колючей стеной держал оборону. Густые корявые ветки желтели яблоками и гнулись под их тяжестью.

Мы обошли угловой белый дом с закрытыми ставнями. Было видно, что в нем никто не живет, но в отличие от многоквартирного соседа, имеющего вид привычного советского запустения, он хранил опрятность и ухоженность частной собственности.

Дети разбрелись по участку. Высоко задирая длинные, как циркуль, ноги, Ромка залез в самую гущу яблонь. Аня добросовестно шелкала камерой каждый закоулок обретенного родового гнезда.

«Оно ли это все-таки? – думала я, отчаянно прислушиваясь к организму. – Ну почему дети так уверены, а я нет? Почему, в конце концов, дом обнаружился не мне, которая, единственная из всех, слышала свидетельство о нем от своей бабушки, а Ромке, которого бабушка, то есть его прабабушка, увидеть не успела? Должен же быть и для меня какой-то знак?!»

В самом центре расчищенного дворика, даже, пожалуй, ближе к крыльцу белого дома, стояла яблоня. Почему ее сохранили – бог весть. Высокая, раскидистая, густо унизанная яблоками, которые никто не собирал, судя по паданкам, как ковер, устилавшим землю вокруг прекрасного дерева. Мы

собрались вокруг яблони, разглядывая небо в просвет между зелеными ветвями.

– Может, сорвем пару яблок с собой? – спросил Роман.

– Лучше собери упавшие, – ответила я, мельком взглянув на детей, которые были так же естественны в этом месте, как яблоня, теплый луч и нежный перелив реки. Ромка нагнулся и положил в кепарик пару глянцевого шаров с мятым бочком.

«Ну, – сказала я сердито, – будет мне знак или нет!»

Порыв ветра налетел, как из-за угла. Яблоня за-двигала, замахала ветвями, затряслась, словно от смеха. Желтый ливень посыпался вниз, стуча о землю, как градины.

Тюк! – яблоко стукнуло мне прямо в затылок и, отскочив рикошетом, упало на траву прямо перед Аней.

Хохоча, дети кинулись к нему, пытаясь, один «первей» другого, захватить трофей.

– Мама, – закричала Аня, – ну какого тебе еще знака надо! Видишь, сад говорит с тобой как умеет!

Я взяла в руки протянутое Ромкой яблоко. И ладонь моя наполнилась.